

Учредитель
ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Издается с 1997 г.

Выходит 15 раз в год

Выпуск ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

14(1) / 2014

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Редакционный совет «Вестника БГУ»

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77–36152 от 06 мая
2009 г. Федеральная служба
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Адрес редакции
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24 а
E-mail: intellige2007@rambler.ru

Адрес издателя
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Сохранен стиль авторов
Компьютерная верстка
А.В. Доржиевой
Перевод на английский язык
А.Ц. Эрдынеева

Подписано в печать 10.11.14
Формат 60 x 84 1/8.
Усл. печ.л. 16,74.
Уч.-изд. л. 15,91.
Тираж 1000. Заказ 277.
Дата выхода в свет 28.11.14
Цена свободная.

Отпечатано в типографии
Издательства БГУ
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Сухэ-Батора, 3 а

С.В. Калмыков, чл.-кор. РАО, д-р пед. наук, проф. (председатель);
В.Е. Архинчиев, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
Н.Н. Татарникова (зам. председателя, директор Издательства БГУ);
Н.И. Атанов, д-р экон. наук, проф.; *Т.С. Базарова*, д-р пед. наук, доц.;
А.С. Булдаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; *Д.И. Бураев*, д-р ист. наук,
проф.; *А.В. Гаськов*, д-р пед. наук, проф.; *Н.Ж. Дагбаева*, д-р пед.
наук, проф.; *Ц.З. Доржиев*, д-р биол. наук, проф.; *С.С. Имixelова*, д-р
филол. наук, проф.; *Л.П. Ковалева*, канд. филол. наук, проф.;
К.Б.-М. Митупов, д-р ист. наук, проф.; *И.И. Осинский*, д-р филос. наук,
проф.; *М.Н. Очиров*, д-р пед. наук, проф.; *В.В. Хахинов*, д-р хим. наук,
проф.; *В.Е. Хитрихеев*, д-р мед. наук, проф.

Редакционная коллегия выпуска

И.И. Осинский, д-р филос. наук, проф. (гл. редактор); *А.Н. Постников*, д-р
филос. наук, проф. (зам. гл. редактора); *Э.Д. Дагбаев*, д-р социол. наук, проф.
(зам. гл. редактора); *Л.Л. Абаева*, д-р ист. наук, проф. (зам. гл. редактора);
Д.Ш. Цырендоржиева, д-р филос. наук, проф. (зам. гл. редактора);
П.А. Чукреев, д-р социол. наук, проф.; *М.В. Бадмаева*, д-р филос. наук, доц.;
Л.Е. Янгуттов, д-р филос. наук, проф.; *В.И. Коваленко*, д-р филос. наук,
проф.; *О.Н. Козлова*, д-р филос. наук, проф.; *В.Л. Кургузов*, д-р культуроло-
гии, проф.; *В.В. Мантатов*, д-р филос. наук, проф.; *П.Ю. Саух*, д-р филос.
наук, проф.; *Ц.Ц. Чойропов*, д-р социол. наук, проф.; *А.М. Кузнецова*, д-р
филос. наук, доц. (отв. секретарь)

© Бурятский государственный университет, 2014

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.6:159.947.24

© Н.М. Ковтун

ИНДИВИД, ОСОБА, ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТЫ ВОЛЕВОЙ РЕГУЛЯЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

В статье рассматриваются субъекты индивидуальной волевой регуляции социальной активности в контексте социально-философской парадигмы исследования. Эволюция понятия «личность» раскрывается в рамках изучения социально-философской парадигмы развития социальных явлений и изложения основных сфер его применения в социогуманитарной области знания. Особое внимание сосредоточено на анализе роли волевой активности личности в процессе общественных трансформаций.

Ключевые слова: индивид, особа, личность, воля, воление, социальная активность.

N.M. Kovtun

INDIVIDUAL, PERSON, PERSONALITY AS SUBJECTS OF SOCIAL ACTIVITY WILL REGULATION

In the article the subjects of the individual social activity will regulation within the context of social and philosophic paradigm of the research are revealed. The evolution of the notion «personality» is revealed within the social and philosophic development paradigm of social phenomena research and main spheres of its usage in socio-humanitarian branches are outlined. The analysis of the role of the social activity of personality within social transformation process is emphasized.

Keywords: individual, person, personality, will, volition, social activity.

Процессы динамических изменений в современном мире определяют необходимость исследования имеющихся представлений о сущности волевого характера социальной активности ее субъектов в условиях кардинальных социальных изменений. Социальные трансформации в современном обществе невозможны без формирования высокого уровня социальной активности индивида и общества в целом. Тяготение к активной превращающей деятельности выходит из идеи о развитии человечества как процессе непрерывного пробуждения человека, который, обычно находясь в полусонном состоянии, просыпается лишь для деловой активности.

Эти тенденции усиливаются во второй половине XX в., когда источником социальной апатии становится ускорение темпа жизни и стремительное нарастание потока информации, вследствие чего человек погружается в состояние растерянности и безразличия. При этом немаловажным источником развития общества является способность человека осуществить диалектическое отрицание и решительно сказать «нет» застарелым общественным нормам, которые ограничивают свободу человека, оставляя ее в полудремотном состоянии беспомощности. Указанная способность наиболее присуща инди-

видам, особам и личностям как субъектам социальной активности.

Анализ феномена воли на индивидуальном уровне определяется и тем, что он является сложным внутренним качеством, изучение которого возможно по большей части на теоретическом уровне. И только после выявления воли на уровне социальной активности можно говорить о специфике ее функционирования на практике. Отталкиваясь от этого, представляется важным анализ индивидов, особ, личностей как субъектов социальной активности.

Воля и социальная активность как феномены персонального и социокультурного опыта стали предметом интереса представителей разных научных дисциплин – философии, социальной философии, социологии, политологии, психологии, педагогики. Большое значение в определении сущности, структуры и проявлений воли имеют исследования Фомы Аквинского, И. Канта, Г. Гегеля, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, В. Джемса, В. Виндельбанда, К. Ясперса, Р. Мея. В контексте их исследований в философской парадигме интерпретация феномена воли осуществляется в двух основных направлениях. Согласно первому – воля рассматривается как объективно существующая константа физиологического, психологического, социального или

трансцендентального характера. Второе направление представлено философией волюнтаризма, в которой воля рассматривается как феномен, имманентно свойственный человеку.

В свою очередь, и интерпретация понятия «активность» в научной литературе не имеет устоявшегося характера. Наиболее значительные наработки в понимании социальной активности как атрибутивного качества человека принадлежат К. Альбухановой-Славской, Е. Ануфриеву, Б. Ананьеву, А. Асмолову, А. Брушлинскому, Д. Леонтьеву, С. Рубинштейну. Макросоциологические детерминанты социальной активности и понимание роли социальных субъектов как движущих сил социальной активности исследуются в концепции «новых общественных движений», которая сложилась в работах Э. Гидденса, А. Турена, Ю. Хабермаса. В контексте изучения волевого характера социальной активности ключевое значение имеет проблема социальной апатии, сущность, структура и формы которой стали предметом изучения Д. Белла, Г. Блумера, Ж. Бодриера, Г. Маркузе, Ч. Миллса, Х. Ортеги-и-Гассета, Дж. Серля, А. Тойнби, К. Ясперса. Но, несмотря на значительный интерес к вышеуказанной проблематике, выявление сущностных характеристик субъектов социальной активности на индивидуальном уровне не стало предметом глубокого анализа в современной социальной философии.

Целью исследования стал анализ сущностных характеристик индивида, особы, личности как субъектов волевой регуляции социальной активности.

Изучение вышеуказанной проблематики требует дефиниции атрибутивных качеств социальной активности. Социальная активность определяется нами как системное социальное качество, которое отражает не только активное отношение человека к обществу, но и уровень взаимодействия индивидов, малых и больших социальных групп как субъектов общественных отношений. При этом необходимым качеством социальной активности является стремление субъекта влиять на социальные процессы, его нацеленность видоизменять, трансформировать или защищать существующие социальные нормы. К внутренним факторам социальной активности относятся индивидуальные и общественные потребности, интересы, мотивы. В свою очередь, внешние факторы социальной активности зависят от влияния на индивида социальной и природной необходимости.

В философской парадигме, несмотря на разные подходы к пониманию воли как фактора социальной активности, остается актуальным

определение понятия воли в издании «История философии» под редакцией А. Грицанова. В нем воля рассматривается как феномен саморегуляции субъектом своего поведения и деятельности, обеспечивающий векторную ориентацию имманентных состояний сознания на объективированную экстернорную цель и концентрацию усилий на ее достижение. В акте воли субъект объективирует (посредством осознания потребности), легитимирует (на основе осуществления выбора) и санкционирует в качестве цели субъективное желание, конституирующееся в данном процессе как объективно реализуемая цель деятельности, выступающая, с одной стороны, результатом рефлексии над потребностью, с другой – прогностическим образом будущего продукта деятельности [1, с. 194]. Воля как своеобразный импульс к действию является не только основой осознания потребностей, но и исходным положением ежедневного выбора человека. На основании осознания нацеленности на выбор направления деятельности в индивидуальном и общественном сознании формируется целостный образ цели практических трансформаций в сфере природы и культуры. В акте воли субъект санкционирует субъективные желания, трансформируя их в объективные цели социальной активности.

Следует отметить, что в общественном волеении достаточно сложно выделить индивидуальную составляющую активности. Тем более, что волеие главным образом проявляется в противостоянии разных социальных тенденций. В ситуации, когда одни субъекты социальной активности находятся на вершине деятельности, другие, напротив, стараются нивелировать их влияние. Именно на основании противостояния социальным и естественным вызовам, которые требуют даже в ситуации крайнего истощения принятия быстрых рациональных решений, формируются волевые качества индивида. Их перманентная актуализация связана с тем, что любая социальная система движется в направлении энтропии. Поддержание ее в относительно стабильном состоянии требует напряжения сил значительного количества людей. Это напряжение, в первую очередь, воплощается в практике – деятельности человека, нацеленной на трансформацию объективной действительности.

При этом духовное осознание социальной значимости воли возможно, в первую очередь, на индивидуальном уровне. Как замечает П. Новгородцев, каждый народ, который появляется как духовное целое и имеет свою историю, свою культуру, свое призвание содержит в

себе живую силу, которая консолидирует его отдельных членов, и из отдельных атомов, из этой человеческой пыли делает живой организм и вдыхает в него живую душу [2, с. 243]. Именно воление субъектов социальной активности помогает консолидировать моральные, религиозные, государственные, национальные ценности в качестве не общеобязательных догматов, а объективного начала индивидуального и общественного сознания.

Изучение индивида как субъекта волевой активности исходит из того, что именно на индивидуальном уровне воля наиболее доступна для исследования. Индивидуальная воля проявляется в разных сферах социальной реальности: в существовании индивида, в существовании социальной группы (семье, рода, этноса, нации), в существовании общества в целом. При этом индивидуальная воля не может быть полностью автономной, она всегда находится под воздействием общественной воли. В свою очередь, именно взаимодействие индивидуальных волей определяет содержание общественного воления. Наличие волевого компонента в социальной активности индивида указывает и на его способность не просто самостоятельно принимать решения и воплощать их на практике. В перспективе это качество трансформируется в способность индивида к саморегулированию собственной активности. Следовательно, воля является необходимым условием реализации свободы особы и личности.

Учитывая это, важную роль играет демаркация понятий «особа» и «личность». Особа трактуется нами как человеческий индивид в контексте социальных качеств (взгляды, ценности, интересы, моральные убеждения, и тому подобное). Другими словами, это человек, который прошел процесс социализации. Субъектность особы воплощается преимущественно в сфере морального и правового регулирования социальной активности. Становление волевых качеств особы происходит в институтах социализации, начиная от семьи и заканчивая трудовым коллективом.

В свою очередь, под личностью в нашем исследовании понимает системное качество человеческого индивида, которое обеспечивает его способность быть относительно автономным и индивидуально своеобразным субъектом культуры. Именно в таком контексте используются российское «личность» и английское «personality». Личность как субъект воления владеет не только высоким уровнем развития сознания, но и осознает себя частью общества. С одной стороны, личность осознает свою индивидуаль-

ность и неповторимость, а с другой, понимает собственную принадлежность к социальному целому.

Осмысление феномена личности в современной философской традиции прошло эволюцию от абсолютизации индивидуальности к акцентуации на социальном значении ее разных форм и сфер бытия. Вместе с этим интерпретация понятия «личность» в современной научной парадигме не приобрело системного характера, поскольку указанная категория активно используется в разных научных дисциплинах – философии, социальной философии, философской антропологии, культурологии, социологии, психологии, педагогике. В каждой из них сложилась своя парадигма интерпретации атрибутивных качеств личности.

В классической рационалистической традиции духовный мир личности раскрывается через три основных уровня. Эта традиция идет от философии Платона, который в диалоге «Федон» выделил три формы активности человеческой души: ум, волю и чувства. В свою очередь, Аристотель называл ум, чувства и волю основными качествами сознания. При этом именно благодаря воле человек способен действовать в соответствии со знаниями.

Личностные качества человека стали предметом непосредственной философской рефлексии и в период эпохи средневековья. Именно «христианская культура средневековья открыла личностную основу конститутивных для человека всеобщих форм» [3, с. 12]. Это вовсе не означает, что до указанного периода личности как социокультурного феномена не существовало. Однако лишь после эпохи средневековья можно говорить о способности личности к самоосознанию. В частности, в «Исповеди» Аврелия Августина внутренняя духовная особа, даже лишенная возможности реализоваться во внешнем мире сословного общества, рассматривается как полноценный субъект социокультурной активности. Кроме того, именно христианская традиция способствовала формированию духовной особы, способной не только к осознанному целеустремленному волевому выбору между добром и злом, но и способной нести ответственность за него.

Согласно другому подходу, представленному, в частности, работами А. Пелипенко, становление личности приходится на эпоху Возрождения. По утверждению исследователя, субъекты культуры в контексте ментального понимания делятся на три типа: индивид, палиат, личность. Индивид рассматривается как наследник архаичного, древнего человека с его

родоцентрической и мифоритуальной картиной мира. Зато палиат является человеком манихейского типа с логоцентрическим мировоззрением. В свою очередь, личность – это предельно самодостаточный и самоактивный субъект, который создал свою цивилизацию в эпоху Ренессанса и Реформации в Европе [4, с. 38]. Если акцентуация автора на привязанности индивида к родоцентрическому и мифоритуальному мировоззрению достаточно сомнительна из-за отсутствия указанных качеств в сознании большинства индивидов современного общества, то вполне можно согласиться с выделенными автором свойствами личности. Имеется в виду определение в качестве атрибутивных признаков личности самодостаточности и высокого уровня социальной активности, которые указывают на наличие в структуре личности волевой нацеленности на активную жизненную позицию.

Введение в структуру духовного мира личности, кроме ума, еще и рассудка характерно для философии Нового времени. В работе Дж. Локка «Опыт о человеческом понимании» аргументируется позиция, что ум, рассудок, чувство и воля как основополагающие принципы существования человека можно понять только в их взаимосвязи. В условиях недоразвитости ума и чувств, воля толкает человека на самоутверждение за счет других людей. В контексте этого подобная воля рассматривается как произвол (Г. Гегель). В свою очередь, при слабости волевого начала личность находится преимущественно в сфере собственной субъективности. И мы получаем тип «обломовского» человека, который потенциально может перевернуть мир, а в действительности находится в состоянии перманентной апатии. Важным этапом в понимании соотношения разума, чувств и воли в структуре человеческой личности является философия марксизма. В ней духовный мир личности рассматривается как единство «рассудка, сердца и воли», которая является отражением способности человека к целеустремленной осознанной деятельности.

Выводы о взаимозависимости практики как целеустремленной деятельности и становления личности продуцирует выведение атрибутивных качеств личности из сферы социокультурного опыта. В контексте этого человеческую личность, по мнению Э. Ильенкова, можно справедливо рассматривать как единичное воплощение культуры, как проявление всеобщего в человеке [5, с. 261]. В указанном определении, как отмечает Г. Балл, точнее было бы сказать «всеобщего и особенного». На основании этого исследователь предлагает определять личность как «системное качество человеческого индивида,

которое обеспечивает его способность быть относительно автономным и индивидуально своеобразным субъектом культуры» [6, с. 5–6].

Данное определение понятия «личности» в значительной степени соотносится с рядом его психологических интерпретаций. В частности, С. Максименко выделяет такие свойства личности, как целостность, способность к саморазвитию, самоопределению, сознательной предметной деятельности и саморегуляции, наличие своего уникального и неповторимого внутреннего мира [7, с. 40]. С этим определением коррелирует определение К. Платонова, по мнению которого, личность есть человек как носитель сознания [8, с. 7]. В свою очередь, Б. Ананьев рассматривает личность как субъект социального поведения и коммуникации [9, с. 74]. Уместно отметить, что определение личности через социальную коммуникацию и становление сознания во многом соотносит эту дефиницию с понятием «особа».

Значение воли в существовании особы и личности как субъектов социальной активности четко проявляется в условиях отсутствия волевой составляющей сознания человека во время некоторых психических болезней. В первую очередь, имеется в виду абулия – патологическое безволие, когда человек способен осуществлять лишь самые простые действия, пользуясь механизмами безусловных рефлексов. Жизнь человека сводится к действиям, направленным на удовлетворение непосредственных потребностей в настоящем времени. Выявление волевых качеств в деятельности на перспективу в таких условиях отсутствует. Фактически индивид с такой патологией является биологическим существом и вряд ли способен быть полноценной личностью для общества. Именно с помощью волевого начала человек способен регулировать собственную активность, произвольно сдерживая ее или актуализируя в зависимости от важности и необходимости достижения цели в будущем.

Именно со способностью проявлять личную волю связано и приобретение индивидом качеств личности. Нельзя говорить, что человек является полноценной личностью, если его решения являются подневольными, ограниченными обстоятельствами или произволом других людей. Волеизъявление, ограниченное моральными и правовыми нормами, свидетельствует о становлении личности, которая проявляет собственные мировоззренческие ориентации, убеждения, идеалы, ценности в первую очередь на уровне субъективности. Однако, если личность неспособна хотя бы частично воплотить их на практике, нельзя говорить о ее полноценности.

К позиции, что воля является характеристикой личности как субъекта социальной активности, склоняется и О. Крижановская. Однако нельзя, по ее мнению, волю возводить лишь к хотению, в действительности основным механизмом воли является механизм долженствования («я должен») [10]. Как уже отмечалось, именно воля позволяет человеку подняться над повседневностью, вместо «я хочу» реализовать «я должен», что отвечает интересам социальной среды. Исходя из этого, воля диалектически связана с социальной активностью, она является своеобразной импульсом и механизмом поддержания социально упорядоченного мира.

Во время взаимодействия с социумом личность постоянно находится с ним в определенном противостоянии. Даже в стабильной социальной среде не всегда можно достичь абсолютной гармонии личностных и общественных интересов. Личность вынуждена актуализировать собственные волевые усилия ради соблюдения данной гармонии и достижения общественного блага. Именно по этой причине в обществе как в сложной саморазвивающейся системе она постоянно оказывается перед выбором, который осуществляет на основе мировоззренческих ориентаций, в частности, моральных и правовых. Лишь после того, как личность выполняет общественные требования, а общественные идеалы и ценности становятся ее внутренними убеждениями, можно говорить, что субъект превращающей деятельности является активным носителем волевого начала. Исходя из этого, личность является субъектом волевой активности в первую очередь в контексте ее способности к творческой инновационной деятельности.

В целом воля как социальное явление выступает системным качеством социальной жизни индивида, особы и личности. Наиболее полно она проявляется в социальной активности, в деятельном существовании человека, которое невозможно без регулирования взаимоотношений с другими субъектами общественного развития. Формирование социальной воли происходит в

процессе социализации и приобретения субъектами определенных социальных ролей. В связи с этим социально-философский анализ воли как основы социальной активности предусматривает исследование социальных сообществ, ведь воля индивида, особы, личности является воплощением общественной воли на индивидуальном уровне.

Литература

1. Можейко М. Воля // История философии: энциклопедия. – Минск: Кн. дом, 2002. – С.194–195.
2. Новгородцев П. О путях и задачах русской интеллигенции // Интеллигенция–Власть–Народ: антология [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/biblio_tek_Buks/History/intell/novg_putzad.php
3. Румянцев О.К., Шеманов А.Ю. Введение: между классической философией культуры и постмодернистской культурологией // Теоретическая культурология. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2005. – С.7–19.
4. Пелипенко А.А. Культурологические штрихи к портрету постсовременности // Мир психологии. – 2005. – №1. – С.31–41.
5. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: очерки истории и теории. – М.: Политиздат, 1974. – 271 с.
6. Балл Г.О. Категорія особистості у психології: спроба впорядкування поняттєвого поля // Психолого-педагогічні засади розвитку особистості в освітньому просторі: мат. метод. семінару АПН України 19 березня 2008 р. – Киев, 2008. – С.103–110.
7. Максименко С.Д. Генеза здійснення особистості. – Киев: КММ, 2006. – 240 с.
8. Платонов К.К. Структура и развитие личности. – М.: Наука, 1986. – 255 с.
9. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
10. Крижановская О.А. Свобода, воля, власть (философские проблемы социальной и политической воли) [Электронный ресурс]. – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000730/st004.shtml>

Ковтун Наталия Михайловна, кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры философии Житомирского государственного университета им. И. Франко, г. Житомир, e-mail: miller-melnik@ukr.net
Kovtun Nataliya Mikhailovna, candidate of philosophical sciences, associate professor, doctoral, department of philosophy, Zhitomir State University named after I. Franco, Zhitomir, e-mail: miller-melnik@ukr.net

УДК 111.1:165:701

© Т.А. Медведева

ДИСКУРС «ИНОГО» РАЗУМА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье рассматривается проблема существования «иного» разума – того, что, не являясь разумом, составляет с ним парадоксальное единство, задающее неявные границы человеческого самоосуществления в мире. Автор анализирует современные философские подходы к пониманию «иного» разума и способам его представления. Показаны особенности дискурсивного (М. Фуко, Ж. Рансьер) и деконструктивистского (Ж. Деррида) подходов к проблеме «иного» разума. Также установлено, что в эстетическом дискурсе «иное» разума обнаруживается в различных формах письма как специфической «немой речи».

Ключевые слова: разум, безумие, бессознательное, смысл, язык, письмо, трансгрессия.

T.A. Medvedeva

DISCOURSE OF «ANOTHER» MIND IN MODERN PHILOSOPHY

In the article the problem of the existence of «another» mind is considered – that one, not being mind itself, composes a paradoxical unity with it, specifying the implicit limits of human self-realization in the world. The author analyzes modern philosophical approaches to understanding the «another» mind and methods of its presentation. The features of discursive (M. Foucault, J. Rancière) and deconstructivist (J. Derrida) approaches to the problem of «another» mind are identified. It is also revealed that in the aesthetic discourse the «another» regarding to mind is detected in various forms of writing as a specific «dumb speech».

Keywords: mind, madness, unconsciousness, sense, language, writing, transgression.

Отличительной особенностью европейской цивилизации является ее центрированность на идее разума. Греческое слово «λόγος» означает «слово», «мысль», «понятие». Гераклит использовал его для обозначения всеобщего порядка вещей. На протяжении многих веков философская мысль Запада пыталась не только обосновать законосообразный ход вещей, но и способность мышления адекватно отразить эту законосообразность в философском учении, формуле физического закона, произведении искусства. Мощь человеческого разума в классическую эпоху – от Парменида до Гегеля – практически не подвергалась сомнению.

Однако уже в античности скептиками была осознана невозможность истинных суждений о вещах, как они есть сами по себе. Такие суждения невозможны, потому что человек воспринимает реальность посредством органов чувств, создающих помехи для разума и делающих невозможным «чистое знание» о мире. Это стало первым испытанием власти разума, и заметим, что оно было связано с феноменом чувственности.

С этого времени в философии начинается «тяжба о разуме» – попытки обоснования его безраздельного господства (Декарт, Гегель), либо определения его границ (Юм, Кант), либо тотального отрицания разума (Шопенгауэр). Однако какую бы форму ни принимала критика разума, для философии она является свидетельством его силы, поскольку, по мнению современного французского философа Ж.-Ф. Лиотара, только мощь негативного «обещает реализовать

и целиком понять возможный опыт» [1, с. 86]. Лиотар полагает, что сама способность сомневаться является залогом жизнеспособности, основанной на идее разумности западной цивилизации [1, с. 86].

В дискуссиях о разуме второй половины XX в. под влиянием гегелевской философии сформировалась тенденция поиска «иного» разума – того, что, не являясь разумом, составляет с ним некое единство, задающее неявные границы человеческого самоосуществления в мире.

В 1961 г. во Франции была опубликована работа М. Фуко «Безумие и неразумие: история безумия в классическую эпоху». Данное исследование было осуществлено в рамках разрабатываемой философом в 1960-е гг. методологии археологии гуманитарных наук, предполагающей изучение отношений слов и вещей в пределах некоей замкнутой исторической целостности – «эпистемы» (позднее данное понятие Фуко заменяет понятием «дискурс»).

В «Истории безумия» цель Фуко заключается в том, чтобы понять, в какой форме проявилась чувствительность к безумию в эпоху, определяющей чертой которой традиционно считается господство разума [2, с. 72]. На основе анализа исторических документов философ делает вывод: в Европе в период времени с середины XVII и до конца XVIII вв. безумные не считались больными людьми и приравнивались к асоциальным элементам, что продолжало древнюю традицию рассмотрения болезней с моральных позиций. Но только в рассматриваемое время, отмечает Фуко, тема родства медицины и мора-

ли принимает форму репрессии, принуждения, обязанности добиваться спасения собственной души [2, с. 102]. Именно такая позиция по отношению к безумным влекла их социальную изоляцию и принуждение к исправлению.

В соответствии с методологией рассмотрения объектов в целостной системе отношений внутри эпистемы, Фуко обнаруживает операцию исключения безумия не только в социальной практике, но и в функционировании философского разума. Последнее осуществляется на основе анализа картезианского дискурса.

Объектом внимания Фуко стал фрагмент «Размышлений о первой философии» Декарта, в котором философ-рационалист ставит важнейшую для классического разума задачу ниспровержения всех возможных его заблуждений. Находя основу заблуждений в чувственности, Декарт рассматривает два случая, когда непосредственная достоверность чувственного опыта может нас обманывать: это – сон и безумие [3, с. 17–18].

На основе тщательного анализа фрагмента «Размышлений», посвященного опыту безумия и сна как возможным упражнениям сомнения разума, Фуко делает вывод: для классического разума допустимо лишь упражнение (испытание) сна. В этом испытании удовлетворяются два взаимоисключающих требования: требование сомневаться во всем, что исходит от чувств (традиция, идущая от Пиррона и Энесидема), даже в том, что касается своей собственной реальности, и при этом требование успешного продолжения размышления. Вспоминая о своем сне, мы ясно понимаем его нереалистичность, но при этом продолжаем размышлять: анализируем сон, пытаюсь выстроить его образы в определенную логическую последовательность. Это означает, что мы принимаем самих себя в этом опыте сна.

Иное дело с безумием. Необходимость поставить под сомнение свое тело и свою актуальность заставляет мыслящего субъекта сравнивать себя также и с безумными – теми, кто утверждает, например, что тело их из стекла или называет себя королями. Однако первая же попытка отождествить себя с сумасшедшими ввергает субъекта в ступор: «Но это же безумные!»

Фуко обращает внимание на различие в терминологии, которой пользуется Декарт. Когда речь идет лишь о том, чтобы охарактеризовать безумных как людей с большим воображением, Декарт употребляет медицинский термин и в то же время общеупотребительное слово *insani*. В том же случае, когда субъект восклицает «Но это же безумные!», используется юридический

термин *demens*, который означает недееспособность данной категории лиц. Таким образом, речь идет о том, что субъект, отождествляющий себя (даже мысленно) с безумными, сразу оказывается дисквалифицирован как мыслящий, разумный субъект. Именно боязнь дисквалификации, по мнению Фуко, определяет операцию исключения безумия как «чрезмерного и невозможного опыта».

Как отмечает Фуко в статье «Мое тело, эта бумага, этот огонь», полемически направленной против Ж. Деррида, выступившего с критикой концепции «исключения», именно исключение наделяет философский дискурс особым качеством: оно определяет его как «иной», нежели дискурс безумия, устанавливая между ними отношения внешнего характера, оно переводит философский дискурс в иную сферу – «в чистую презумпцию бытия не-безумным» [4, с. 171]. Таким образом, безумие – это то, что отделено от мысли, разума, истины. Согласно Фуко, важно понять, что безумие опасно не для самой истины, а для субъекта, вследствие чего между субъектом и безумием необходимо провести строгую черту исключения. Таким образом, Фуко делает вывод о репрессивной функции *cogito* в отношении феномена безумия.

Вступивший в дискуссию с Фуко Ж. Деррида уверен в том, что полагаемая Фуко оппозиция «разум – безумие» снимается в той точке, где конкретные исторические формы разума и неразума, «смысл (определенный) и не-смысл (определенный) оказываются сплетенными в общем истоке» [4, с. 135]. Этой точкой и является, по мнению философа, то, что Декарт обозначал термином *cogito*.

Замысел или проект (*cogito*) Деррида называется то безумным, то демоническим – в силу «негарантированности» истины, отсутствия уверенности у мыслящего субъекта в том, что содержание его мысли – истина, а не внушение «злого гения» (термин введен Декартом для обозначения инстанции, являющейся причиной предельного сомнения субъекта). Можно быть уверенным лишь в том, что, пока я мыслю, я существую.

Мгновение мысли, знаменующее исполненность *cogito*, – это «гиперболический пик», на котором невозможно удержаться долго. Поэтому следующим должен стать шаг, который Деррида называет «овременением *cogito*» – его проговаривание и рефлексия. Именно здесь обнаруживается различие между безумцем и разумным субъектом: хотя мыслить может и безумный, только разумный субъект может «высказывать *cogito*, то есть выявлять его для другого;

того другого, которым могу быть я сам» [4, с. 141]. Овременение *cogito* – это ничто иное, как порождение смысла, который, таким образом, оказывается историчным по определению. Само же *cogito* является источником историчности как таковой и, в силу этого, не сводимо ни к одной из исторических форм разума.

Если в *cogito* преодолевается противоположность определенного смысла (разума) и определенного не-смысла (безумия), то, очевидно, можно предположить существование чего-то, противопоставленного самому *cogito*. Для Деррида это – неразумие, не-смысл, невозможность смысла как такового. Неразумие – это та «мощь негативного», которая является одновременно и истоком, и конечной точкой, «забвением» *cogito*. Деррида отмечает, что Декарт не ставит вопроса о языке, в то время как для самого современного философа проблема языка – это главная философская проблема, ведь именно в языке слышится зов бытия, только в нем рождается его смысл.

Философ приводит слова М. Фуко: «Безумие – это отсутствие произведения». Но ведь произведение, говорит Деррида, «возникает с самой элементарной речью, с первой артикуляцией смысла, с фразой», потому что «составить фразу – это значит обнаружить возможный смысл» [4, с. 132]. Поэтому «безумие является молчанием, оборванной речью, цезурой и разрывом, который и раскалывает жизнь как историчность вообще» [4, с. 132].

Для Деррида очевидно, что язык может состояться как язык, только изгоняя безумие. Но особенностью языка, задающей контрапункт его философской проблематики, является то, что от безумия язык всегда отделен лишь прозрачной пеленой, которая есть ... он сам. Философ уверен: язык тем лучше справляется со своей задачей – порвать с безумием, – чем ближе он к нему приближается, ведь прозрачность языка – это то, для чего нет ничего сокрытого [4, с. 134].

Обладающий названным качеством язык определяется как пространство возможности – пространство, в котором бесконечность (то, что Деррида называет «избытком от необусловленного») и конечность (временность, обусловленность) сплетаются в единство, подверженное, благодаря «прививке» конечности, темпоральному износу. Порождаемый этим единством смысл, полагает Деррида, есть насилие, поскольку он противостоит определенному не-смыслу, заточает его. Но только так, по мнению философа, и может существовать язык: рождение нового смысла высвободит, в свою очередь, плененное безумие, одновременно за-

точая безумие собственное. В результате язык существует как «несводимое насилие», череду кризисов, заключающихся в заточении / высвобождении безумия. Именно поэтому философский проект Деррида направлен на попытку прочтения в текстах бесконечного сквозь их временность и конечность, причем прочтение осуществляется скорее сквозь текстуальные разрывы, нежели через установление логической последовательности повествования.

Исходя из вышеназванной исследовательской предпосылки, Деррида считает предпринятый Фуко проект исследования безумия в классическую эпоху тоталитарным – в структуралистском смысле – поскольку Фуко исходит из определенной исторической тотальности, что блокирует постановку вопроса об истоке смысла как такового. В свою очередь, М. Фуко резко критически охарактеризовал деконструктивистскую стратегию Деррида, затушевывающую, по его мнению, дискурсивные различия и, таким образом, делающую излишним анализ способов включения субъекта в дискурс [4, с. 175–176].

Итак, дискуссия Фуко и Деррида в очередной раз актуализировала вопрос об «ином» разума (неразумии, безумии), способах отношения разума к его «иному», формах представленности «иного» разума в дискурсе, что во многом определило пути дальнейшего развития европейской мысли XX в. Формирование нового ракурса исследования данной проблемы оказалось связанным с интенсивным развитием психоаналитического направления.

В психоанализе тематизация «иного» разума осуществляется в поле исследования феномена бессознательного. Современный французский философ Ж. Рансьер осуществил анализ «эстетических штудий» основателя психоанализа З. Фрейда с целью выявить методологические подходы Фрейда к изучению форм парадоксальной сопряженности разума и его иного на материале европейского искусства. Наряду с этим, была поставлена задача экспликации режимов художественной мысли европейской культуры, формообразующим принципом для которых, по мнению философа, является возможность постановки и варианты решения вопроса об отношении «мысли» к «не-мысли» в поле эстетики. Стоит отметить, что поставленные задачи решаются не последовательно, а в тесном единстве, что означает сложное переплетение эстетической и психоаналитической проблематики в новой постановке вопроса об «ином» разума. Данное обстоятельство подтверждается, в частности, тем, что Рансьер вводит понятие «эстетического бессознательного» (именно так озаглавлена его работа).

Для характеристики различных форм эстетического бессознательного, конституирующих «эстетические формации» культуры, Рансьер использует концепт «мысли, которая не мыслит», означающий состояние индивида, при котором мысль ничем не отлична от одержимости, страсти, своего рода болезни – того, что греки называли словом «пафос».

Философ выделяет два регистра, в которых такая не-мыслящая мысль может стать предметом анализа. В первом обнаруживается неустрашимое присутствие «логоса» в «пафосе», во втором, напротив, – имманентность «пафоса» «логосу». Примером первого подхода является философия Гегеля, в рамках которой искусство понимается как проявление духа в изначально чуждой ему материи камня или краски. Второй подход отчетливо проявляется у Шопенгауэра и его последователей как противоположное движение: «от прекрасного эстетического и рационального обличья к темному и пафическому дну» [1, с. 30–32].

«Переключение» регистров ведет к изменению эстетической формации, которую можно определить как стилевое единство, определяющее построение эстетических объектов определенного типа и способ их восприятия. В истории европейской культуры Рансьер выделяет три таких формации: древнегреческую (доаристотелевскую), классическую и современную (анти-миметическую, эстетическую). Особое внимание философ уделяет двум первым, поскольку произведения искусства именно этих эпох стали предметом психоаналитического исследования Фрейда.

Древнегреческая формация находит свое наивысшее воплощение в греческой трагедии, особенно в драмах Софокла. Герои софокловских драм воплощают собой то, что Рансьер обозначил словами «мысль, которая не мыслит». В ней слиты воедино мысль-знание и мысль-страсть. Так, Эдип одержим страстью открыть истину, даже если это приведет его к гибели. Ощущение приближающейся трагической развязки не может остановить его в трагическом, неудержимом стремлении к этому знанию. Именно древнегреческая формация с наивысшей остротой артикулировала тему единства знания и страдания, «логоса» и «пафоса».

Такое единство, воплощенное в концепте «мысли, которая не мыслит», отсылает нас к идее Деррида о «демоническом» характере *cogito* и его замечанию о том, что к акту *cogito* способны даже безумные. Деррида, таким образом, акцентирует момент одержимости и страсти в мысли – тот момент, который был абсо-

лютно органичным для аттической трагедии и породившего ее типа мышления и который был нивелирован в той традиции философской и эстетической мысли, которая получила название классической.

«Классическая» эстетическая формация, как отмечает Рансьер, достаточно четко проявляется уже в эстетической концепции мимезиса Аристотеля, окончательную же конфигурацию она приобретает в европейской драме XVII–XVIII вв. Эту формацию Рансьер определяет как собственно «изобразительный режим» искусства, которому свойственна сюжетная фигуративность: наличие интриги и логики развертывания сюжета.

Наконец, складывающаяся в искусстве с начала XX в. третья формация, характеризуемая Рансьером как анти-миметическая или анти-изобразительная, представляет, в известном смысле, возврат к первой. В этом режиме представление о «мысли, которая не мыслит» находит новое обоснование, связанное с применением к анализу произведений искусства психоаналитической теории, особенно ее постфрейдистского направления. Изменение взгляда на искусство, как и рождение психоанализа, Рансьер связывает с изменением «духа времени»: возобладанием точки зрения на искусство Шопенгауэра и Ницше над гегелевской трактовкой. В самом европейском искусстве конца XIX – начала XX вв. изменения проявились в творчестве Золя, Мопассана, Ибсена, Стринберга, в чьих произведениях особенно заметен новый способ речи о «мысли, которая не мыслит» – письмо.

По определению Рансьера, письмо – это противоречивый способ речи; речь, которая одновременно говорит и молчит, знает и не знает, что именно говорит [1, с. 35]. Этот способ речи, противопоставляемый речи обычной, «живой», философ называет «немой речью», выделяя в ней две формы, в границах которых и существует пространство «эстетического бессознательно». Первая форма немой речи представляет собой расшифровку и переписывание надписанных на вещах исторических знаков. В этом случае писатель предстает археологом, собирающим и интерпретирующим «следы» эпохи, и симптоматологом, диагностирующим ее недуги [1, с. 36–39]. Вторая форма немой речи как выражение «чистой муки существования» и «бессмыслицы жизни», обозначается Рансьером как «монологическая речь, которая ни к кому не обращается и ни о чем не говорит – разве что о безличных, бессознательных условиях самой речи» [1, с. 40].

На основе анализа «эстетических штудий» Фрейда [5] философ делает вывод о том, что родоначальник психоанализа сосредоточил свое внимание на первой форме немой речи – выявлении «следов» («речи, написанной на телах»). Это означает, что сущностной характеристикой методологии Фрейда является биографизм: он изучает слова и действия вымышленных героев, как если бы они были реальными людьми, и выводит на беспристрастно яркий свет анализа то, что подверглось – вследствие некоей травмы – вытеснению в их психическом опыте. Естественно, что такой же была практика Фрейда в лечении реальных случаев болезни.

В данном случае можно вновь обратиться к словам М. Фуко о том, что «безумие – это отсутствие произведения». Лечение неврозов Фрейдом, равно как и его эстетические анализы, представляют собой, в определенном смысле, создание произведения, поскольку симптомы включаются в некую тотальность или – выражаясь словами Ж. Деррида – в «экономия смысла». Однако такое включение является насилием по отношению к пациенту, не имеющему возможности самостоятельно создать свою историю и выступающему лишь объектом терапии.

Вместе с тем, насилие, имеющее место в психоаналитическом опыте («мягкое насилие», по словам Фуко), является лишь определенной формой всеобщего насилия, связанного с самой природой языка, и особенно его особого регистра – письменной речи. Та форма языка, которая есть «глухая речь безымянной мощи, что держится позади всякого сознания и всякого значения» [1, с. 41], обнаруживается в нем как разрыв и невозможность речи. В этом случае неизбежное насилие будет заключаться в осуществлении речи и смысла посредством череды заточений этой темной стихии, находящейся и позади языка, и в нем самом. Подчеркивая этот факт, Деррида говорил о том, что употребление языка – это всегда злоупотребление, ведь слово должно «высказывать насилие», «чтобы жить и жить словом» [4, с. 97].

Вторая форма немой речи не стала предметом фрейдовского психоанализа искусства. Даже в тех произведениях, где она проявила себя наиболее ярко (например, в драмах норвежского драматурга Ибсена), Фрейд не изменяет биографической трактовке, возводящей симптом к его историческому истоку. Пристальное внимание этой форме немой речи, являющей собой явление «нигилистической энтропии», уделяется исследователями уже в рамках постфрейдистского психоанализа искусства, опирающегося на поздние работы Фрейда. При этом особенное

значение придается работе «По ту сторону принципа удовольствия», в которой вводится фигура Танатоса – неосознанного влечения к смерти. Именно наличием инстанции Танатоса в нашем психическом аппарате определяется, по мнению исследователей, явственно звучащая во многих произведениях мощь «глухой речи».

Рансьер отмечает, что Фрейд в своих эстетических анализах остался верен классической традиции, утверждая примат логоса над пафосом в эпоху, когда все более явственно ощущалось наступление нигилизма. Этот факт парадоксален, поскольку само появление психоанализа обусловлено коренной исторической и культурной трансформацией, которую можно обозначить как рождение неклассики, знаменуемое, в частности, смещением центра силы в отношении логоса и пафоса именно в сторону пафоса (Шопенгауэр), либо же – открытием трагической тождественности логоса и пафоса (Ницше). Именно поэтому Рансьер считает Фрейда одним из последних гигантов классической эпохи – как мыслителя, последовательно подтверждающего «положительные достоинства последствий знания» [1, с. 74].

Постановка проблемы «иноного» разума в европейской философии стала возможна благодаря коренному изменению ее направленности в XX в., смещению фокуса ее внимания с традиционной онто-гносеологической проблематики на проблемы, связанные с пониманием природы и возможностей человеческого языка. Центральная для метафизики проблема отношения мышления и бытия, задающая видение языка лишь как посредника между «я» и «миром», уступает место его исследованию как самостоятельной реальности, исходно конституирующей «мир» человека.

Французский философ Ж. Делез отмечает парадоксальный характер языковой реальности: «Язык – препятствие, хотя он и орган, он перехватывает и упускает, роняет, так как смысл может пройти, только будучи перехваченным и обедненным»; «диалектическая сущность органа-препятствия заключается в том, чтобы быть невозможным-необходимым» [6, с. 31]. Отмеченная Делезом особенность языка и смысла совпадает с утверждением Деррида о том, что фиксируемый в языке смысл (не существующий вне разума, *cogito*) всегда заточает определенный не-смысл («иное» разума) и в этом является, несомненно, «обедненным» по сравнению с неисчерпаемой полнотой возможного.

Определяя язык как пространство возможно, Деррида зафиксировал наличие в нем неких непреодолимых границ, обусловленное тем, что

он называет темпоральностью смысла. Временность (историчность) смысла определяет его «обедненность»; в любом конкретном смысле всегда просвечивает абсолютный не-смысл как его внеисторический исток. В связи с этим «иногo» разума приобретает у философа трактовку вновь и вновь являющей себя в языке границы, непреодолимого предела: там, где обнаруживается необходимость и возможность разума (в конкретности определенного смысла), открывается и его невозможность (невозможность другой тотальности смысла, а также реализации неисчерпаемой полноты возможного).

Использование понятий «возможности», «невозможного», «границы» выводит исследования «иногo» разума в проблемное поле концепта трансгрессии, активно разрабатываемого в постмодернистской философии. Для Ж. Деррида, М. Фуко, М. Бланшо понятие трансгрессии означает как некий непреодолимый предел, так и парадоксальную возможность его преодоления – «преодоление непреодолимого предела» (М. Бланшо). «Иногo» разума обнаруживает именно такую трансгрессивную природу: оно являет себя исключительно на невозможной и необходимой границе: в реальности языка. В данном случае отношения разума и его «иногo» можно уподобить ленте Мебиуса, на которой невозможно определить «лицевую» и «изнаночную» стороны. В реальности языка разум точно так же проявляет постоянную сопряженность со своим «иным», и наоборот.

Эстетический опыт, ставший в постмодернистской мысли важнейшим предметом философской рефлексии, также обнаруживает трансгрессивный характер. Прежде всего выявляется неустрашимая парадоксальность этого опыта. По поводу этого Ж.-Ф. Лиотар отмечает: то, «что нас может взволновать «присутствие» в чувственном некоей «вещи», которую чувственное не в состоянии представить облеченной в формы, – это неразрешимая нормальной логикой тайна» [1, с. 90]. Эту постоянно воспроизводящуюся в творении и восприятии искусства «катастрофу айстесиса» философ характеризует как «жест преломления» или «кромку», отделяющую искусство от симптома [1, с. 98]. Таким образом, реализация эстетического опыта изначально носит трансгрессивный характер.

В наиболее яркой форме «преодоление непреодолимого предела» проявляется в особой форме речи – письме. «Поэма удерживает в своих словах безречие» – эти слова Лиотара созвучны приведенным выше рассуждениям Ран-

сьера о неявно присутствующей в произведениях «глухой речи безымянной мощи, что держится позади всякого сознания и всякого значения» [1, с. 41].

Формирование критики разума как важнейшего направления развития философской мысли середины XX в. привело, по мнению В. Декомба, к тому, что основной вопрос французской философии этого времени стал звучать следующим образом: должен ли будет разум «измениться, утратить свою изначальную идентичность, перестать быть тем же самым разумом и превратиться в иное по отношению к иному. А иным разума является неразумие, безумие. Таким образом, ставится проблема изменения разума посредством безумия, <...> изменения, предшествующего всякому достижению подлинной мудрости» [7, с. 18].

На основе предпринятого в данной статье анализа концептуальных подходов М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Рансьера можно сделать вывод о том, что рефлексия «иногo» разума в современной философии позволяет придать новые конфигурации одному из ее традиционных вопросов – вопросу о разуме, преобразуя его в вопрос о парадоксальной возможности языка и смысла, конституирующих способы сопряжения человека и мира.

Литература

1. Рансьер Ж. Эстетическое бессознательное / пер. с фр. В.Е. Лапицкого. – СПб.; М.: Machina, 2004. – 128 с.
2. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / пер. с фр. И.К. Стаф. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 576 с.
3. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1989–1994. – Т.2. – 632 с.
4. Голобородько Д.Б. Концепции разума в современной французской философии. М. Фуко и Ж. Деррида. – М.: ИФ РАН, 2011.
5. Фрейд З. Искусство и фантазирование. – М.: Республика, 1995. – 400 с.
6. Делез Ж. Логика смысла. – М.: Академия, 1995. – 298 с.
7. Декомб В. Современная французская философия. – М.: Весь мир, 2000. – 344 с.

Медведева Татьяна Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института социально-гуманитарных технологий Национального исследовательского Томского политехнического университета, г. Томск, e-mail: tatalmed2112@mail.ru

Medvedeva Tatiana Alexandrovna, candidate of philosophical sciences, associate professor, department of philosophy, Institute of Social and Humanitarian Technologies, National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, e-mail: tatalmed2112@mail.ru

УДК 1:304.50

© О.Б. Бальчиндоржиева

**КАТЕГОРИЯ «ИСКРЕННОСТЬ» В КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ И ЕЕ МЕСТО
В КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ**

В статье дан историко-философский анализ понятия философской категории «чэнсинь» (искренность, честность) в конфуцианстве, а также ее интерпретации в современной социально-философской мысли Китая. Рассмотрена корреляция между двумя компонентами данного понятия «чэн» (искренность, подлинность) и «синь» (доверие). Данное понятие выделяется в качестве одного из ключевых в концепциях «всестороннего строительства общества “сяокаан”» и концепции «строительства гармоничного общества».

Ключевые слова: искренность, доверие, природа человека, добродетель, строительство общества «сяокаан».

O.B. Balchindorzhieva

**THE CATEGORY OF «SINCERITY» IN THE CHINESE PHILOSOPHY AND ITS PLACE
IN THE DEVELOPMENT CONCEPT OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA**

This paper presents a historical-philosophical analysis of the concept of philosophical category «chensin» (sincerity, honesty) in Confucianism, as well as its interpretation in contemporary social and philosophical thought in China. The correlation between two components of the concept «cheng» (sincerity, authenticity) and «xin» (trust) has been considered. This concept will stand out as one of the key ones in the «comprehensive construction of the «xiaokang» society» and the concept of «building the harmonious society».

Keywords: sincerity, trust, human nature, virtue, construction of the «xiaokang» society.

В китайской древности «чэн» (искренность, подлинность) и «синь» (доверие) – две категории, которые использовались самостоятельно, однако могли быть и взаимозаменяемыми. Сюй Шэнь в сочинении «Шовэнь цзецзы» утверждает: «Чэн это синь, синь это чэн». Это указывает на наличие общего в данных двух категориях. Но все же необходимо разобраться, что есть чэн и синь, и каким образом они соотносятся.

В период династии Сун искренность понималась как сущность всех добродетелей и способность их обнаружения в деяниях и словах, что было доступно лишь очистившемуся от дурных влияний человеку. По словам китайского философа, ученого-энциклопедиста Чжу Си, «искренность (чэн) – противоположность лжи, обману. Искренность – это сама реальность». Иначе: «Искренность есть правда и полное отсутствие какой-либо фальши» [1].

В китайской культуре «чэн» – это прежде всего философская категория и лишь потом этическая. В китайской философии чэн это – путь Неба, а также путь человека. В трактате «Чжун юн» (III–II вв. до н.э.) проблема чэн дана в двух аспектах, наметивших два основных направления интеграции данного понятия в китайской культуре: 1) «искренность Неба» как качество, имманентное миру и реализующее себя в спонтанном совершенстве, отсюда поиски искренности совершенномудрым, которая позволила бы ему слиться с миром; 2) качество низшего, направленное на поддержание должного социального контакта, и обретаемое в процессе

внутренней трансформации при условии стремления к добру [2]. В «Чжун юн» говорится: «Тот, кто достиг искренности, поступает правильно, не прилагая к этому особых усилий, и понимает, не прилагая особого труда. Он легко приходит в гармонию с Дао» [3]. Смысл данного философского высказывания в том, что закон развития Вселенной – это следование своей природе. Человек как часть Вселенной, также должен следовать своей природе.

Понятие «синь» (благонадежность, доверие, истинность, верить, вера) появилось еще раньше, чем «чэн». В древнекитайских философских школах оно терминологизировалось по-разному. Например, у моистов как «истинность», соответствие высказывания мысли, которую оно должно выразить. В легистском трактате «Хань Фэй-цзы» синь выступает как отношение народа к правителю, обусловленное правильным балансом наград и наказаний, слабостью народа и силой государя и государства. Особенно существенно «синь» для конфуцианской этики, где оно означает один из важнейших принципов отношений между людьми» [4]. Издревле понятие «синь» было тесно связано с языком, и здесь можно выделить два аспекта:

1) синь как соответствие высказываний действительности, реальному положению вещей. Акцент делается на подлинности информации, содержащейся в высказывании;

2) синь не только как соответствие высказываний действительности, но и как соответствие высказывания действиям человека в настоящем

и будущем времени [5, с. 5]. Предпосылками благонадежности были осторожность в делах и осмотрительность, к примеру, что не стоит давать обещание, которое не в состоянии будешь сдержать.

Таким образом, мы видим различие чэн и синь в следующем: чэн – относится к действию, указывает на субъективное отношение человека к своим поступкам и прежде всего к сфере личного совершенствования. А синь – на взаимосвязь действия и объекта, на который направлено данное действие. Начиная с трактата «Чжун юн», коррелятом благонадежности «синь» становится искренность «чэн», с этого момента чэн и синь рассматриваются в рамках одного понятия «чэнсинь».

Искренность, первоначальным смыслом которой было следование собственной природе, начинает трактоваться как общий принцип человеческого общежития. Вообще дискуссия между китайскими и западными мыслителями в вопросе об искренности и доверии тесно связана с их представлениями о природе человека. В конфуцианской традиции сложилось четкое представление о нравственной природе человека, стремящейся к добру.

Мэн-цзы последовательно отстаивал тезис о доброй природе человека, полагая, что «Склонность человеческой природы к добру подобна стремлению воды вниз. Среди людей нет таких, которые не стремились бы к добру, как не вода, которая бы не стремилась течь вниз» [6]. Впрочем, также как и Конфуций, он большое значение придавал проблеме совершенствования человеческой природы.

Очень характерно в данном контексте поучение, данное Конфуцием Цзы-гуну:

«Цзы-гун спросил о сущности истинного правления. Учитель ответил:

– Это когда достаточно продовольствия, достаточно оружия и есть доверие народа.

Цзы-гун спросил:

– Если бы пришлось выбирать, то чем бы Вы смогли пожертвовать в первую очередь?

Учитель ответил:

– Можно отказаться от оружия.

Цзы-гун вновь спросил:

– А если бы пришлось выбирать из оставшихся двух, то чем бы Вы смогли пожертвовать прежде всего?

Учитель ответил:

– Отказался бы от продовольствия. Смерти никому из людей не избежать, но если народ перестанет доверять, то не устоять» [7, с. 383].

Можно прийти к выводу, что в теории управления Конфуция важное место уделяется народу, вопросу о нравственном совершенствовании народа.

Путь совершенствования природы человека Мэн-цзы дополнил метафизикой, обозначив его как «путь совершенствования своего Ци». Совершенствование «Ци» осуществляется посредством систематического совершенствования морали (что, впрочем, было еще находкой Конфуция) и благодаря накоплению благих поступков.

В западной же традиции, человек рассматривается как эгоистичное и в то же время рациональное существо. Французский просветитель, философ-материалист П. Гольбах считал, что человек – чисто физическое существо, все его поступки и действия управляются реальной или кажущейся выгодой (пользой). Общество им рассматривается как «совокупность индивидуумов, объединенных необходимостью сотрудничества в целях самосохранения и общественного благополучия» [8, с. 653]. К. Гельвеций полагал, что мир морали подчиняется законам интереса или самолюбия, он пишет: «Именно благодаря самолюбию общество достигло большей части успехов – это знание, хотя еще и несовершенное, помогло народам понять необходимость вооружить правителей властью. Оно помогло законодателям понять необходимость установления на основе личных интересов принципов честности. А на какой другой основе их можно было бы установить?» [8, с. 650]. Потому и искренность рассматривается как проявление рациональной природы человека. Именно поэтому, по мнению китайского ученого Лэй Шаоэ, «на Западе не могут понять сущность искренности» [9, с. 69].

Надо отметить, что ни искренность, ни лицемерие не являются врожденными качествами человека. Данные понятия являются сферой морального выбора.

Искренность и доверие являются важнейшими условиями развития нормальных и здоровых общественных отношений, искреннего и добросовестного выполнения своих обязанностей.

«Чэнсинь» – один из основных принципов, которого должны придерживаться при строительстве общества сяокан (в политической, экономической, социальной сферах). Основное содержание социальной этики – индивидуум, семья, нация, государство. Цзян Цзэминь в своей речи XVI съезду КПК призывал «усерднее реализовывать программу строительства общественной морали, содействовать духу патриотизма; служение народу это стержень, коллективизм это руководящий принцип, искренность (чэнсинь) это ключ усиления идейно-нравственного строительства» [9, с. 65]. Этим тезисом он пытался ориентировать население Китая на то, чтобы соблюдать основные нормы

человеческого общежития, стремиться к более высоким нравственным целям.

Таким образом, можно отметить базовое положение категории «чэнсинь» в деле строительства духовной культуры общества и в целом в процессе строительства общества сяокан. Очевидно, что искренность стала одним из «узких мест» строительства социализма с китайской спецификой. В последнее время в китайском обществе имеет место «кризис доверия», связанный в основном с проявлениями коррупции и взяточничества, а также с уклонением от уплаты налогов, невыполнением кредитных обязательств, изготовлением поддельной продукции (включая продукты питания и лекарства) и т.д. [9, с. 74]. Негативными последствиями «кризиса доверия» становятся отчуждение, социальная аномия, пассивность. Высказываются опасения, что дальнейшее распространение «кризиса доверия» может повлиять на экономическое развитие Китая.

Одним из условий успешного строительства общества сяокан является трансформация традиционного понимания «искренности», формирование современного правового сознания с той целью, чтобы экономические отношения строились не на личных отношениях (в Китае часто круг доверия ограничивается родственниками, друзьями, знакомыми, земляками), а устанавливались на основе равноправного и взаимовыгодного обмена.

Ф. Фукуяма в своей книге «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию» пишет: «Поскольку фамилистический характер китайской деловой жизни имеет глубокие корни в китайском культурном наследии, именно в нем нам следует искать объяснение ее уникальных особенностей. <...> И современный, и традиционный Китай придерживается одних образцов экономического поведения: постоянное возвышение и падение разрозненных семейных предприятий, их неспособность к институализации и существованию на протяжении жизни более чем двух-трех поколений, всеобщее недоверие к чужакам и стойкое нежелание семей принимать в свое лоно неродственников, социальные препятствия для накопления капитала в виде традиций наследования – все эти факторы существовали в китайском обществе задолго до начала послевоенной индустриализации Тайваня, Гонконга, Сингапура и самой КНР» [10]. Культурные кор-

ни экономической активности он ищет в деловой и трудовой этике, национальной ценностно-ориентированной государственной политике и управлении предприятием.

Для современного мира характерны процессы глобализации, политической поляризации, повышения социального и культурного многообразия, и в этих новых формах социальной структуры для поддержания стабильности общества одинаково необходимы и внешняя сила закона, и внутренняя сила нравственности. Искренность – одно из необходимых условий строительства общества социальной гармонии в Китае. Без воспитания нравственности построение гармоничного общества возможно лишь авторитарными способами.

Литература

1. Серебряков Е.А. Восхождение к духовности и красоте [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pvost.org/material/transl/pages/song/ser_pred.html (дата обращения 12.06.2014).
2. Китайская философия // Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://enc-dic.com/phy/china/Podlinnost-476/> (дата обращения 10.07.2014).
3. Чжун Юн // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.abirus.ru/content/564/623/625/647/836/11104.html> (дата обращения 10.07.2014).
4. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина. – М.: Мысль, 2001 [Электронный ресурс]. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1102/ (дата обращения 10.07.2014).
5. Цзянь Ванлан. Теория социального доверия. – Пекин: Изд-во Центральной партийной школы, 2003.
6. Мэн-цзы. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999.
7. Лунь юй. XII, 7 / пер. В.М. Алексеева // Труды по китайской литературе. – М., 2002. – Т.1.
8. Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. – СПб.: Пневма, 2002.
9. Лэй Шаоэ. Нравственное содержание концепции всестороннего строительства общества сяокан: дис. ... д-ра филос. наук. – Чанша, 2005.
10. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию» [Электронный ресурс]. – URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/fukuyama-doverie-a.htm> (дата обращения 21.06.2014).

Бальчиндоржиева Оюна Байровна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: baoyu2008@yandex.ru

Balchindorzhieva Oyuna Bairovna, candidate of philosophical sciences, senior lecturer, department of philosophy, Burayt State University, Ulan-Ude, e-mail: baoyu2008@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ БУДДИЗМА В КИТАЕ В ПЕРИОД ЭПОХ ВЭЙ И ЦЗИНЬ*

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФ №14-18-00444 «Буддизм в социально-политических и культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы»

В данной статье рассматриваются этапы проникновения и становления буддизма в Китае в период эпох Вэй и Цзинь. Представлен анализ переводческой деятельности данного периода, исследуется зарождение и становление сангхи в Китае. Особое внимание акцентируется на влиянии буддизма на ход истории Китая в этот период.

Ключевые слова: Китай, буддизм, история, Вэй, Цзинь, распространение, даосизм.

M.V. Orbodoeva

TRANSFORMATION OF BUDDHISM IN CHINA DURING THE WEI AND JIN PERIODS

This article discusses the stages of penetration and establishment of Buddhism in China during the Wei and Jin periods. Presents the analysis of translational activity on that period has been submitted, the origin and formation of the Sangha in China are studied. Special emphasis is placed on the Buddhism influence on the course of Chinese history during that period.

Keywords: China, Buddhism, history, Wei, Jin, spread, Daoism.

Проникновение буддизма в Китай и становление собственно китайской буддийской традиции – уникальный процесс взаимодействия двух великих культур.

По мнению А.В. Меликсетова: «Распространение буддизма в Китае стало возможным благодаря сложному стечению исторических обстоятельств. Во-первых, это завоевания Александра Македонского, связавшие Центральную Азию, населенную тогда ираноязычными народами, с Индией, благодаря чему между этими регионами установились тесные торговые контакты, а буддизм начал быстро распространяться в центральноазиатских землях. С другой стороны, китайская экспансия в Западный Край в правление ханьского императора Уди (140–87 г. до н.э.) и признание рядом расположенных там государств своего вассалитета относительно империи Хань привели к установлению тесных контактов Китая и Центральной Азии. Таким образом, и возник знаменитый Великий Шелковый Путь, связавший Китай через Центральную Азию (выполнявшую весьма выгодные для себя посреднические функции) с Восточным Средиземноморьем с одной стороны и с Индией – с другой. Караваны купцов постоянно двигались из столицы империи Хань в Фергану, Хотан или Согдиану, а им навстречу двигались караваны, направлявшиеся оттуда в Китай. И вместе с товарами по Великому Шелковому Пути двигались и идеи, оправдывая, таким образом, банальную, но в целом верную фразу: «торговля – двигатель прогресса». И еще в течение нескольких столетий проповедовать буддизм в Китае будут не индийцы, а монахи из Хотана или Сог-

дианы (а то и вовсе выходцы из Парфии), что, несомненно, повлияло на характер формирующейся буддийской традиции Китая. Интересно, что первые центры буддизма в Китае точно совпадают с местами окончания Великого Шелкового Пути» [1].

Буддизм начал распространяться в Китае на рубеже нашей эры, в конце правления династии Хань. В первые годы китайцы, судя по раннему буддийскому сочинению Моу-цзы «Лихолунь», получали самые общие представления о буддизме, постигали его первоначальные азы [8].

Период эпох Вэй и Цзинь стал ключевым в истории становления буддизма в Китае, именно в этот период решался вопрос быть или не быть буддизму в Китае. В этот период происходит разрушение прежних ценностей и образование вакуума в духовной сфере, связанные с падением конфуцианства как основной идеологии империи Хань и даосизма, дискредитировавшего себя тесными связями с восстанием «желтых повязок», идеологом которых был их проповедник Чжан Цзюэ. В такой обстановке проникающий в Китай буддизм с его проповедью об иллюзорности всего сущего, фатальности страдания и спасения в нирване был очень кстати. Конфуцианство и даосизм не смогли оказать должного отпора этим проповедям, ибо их собственные базовые положения подвергались критическому пересмотру [6].

Конфуцианство, которое в период империи Хань благодаря творческой и политической деятельности политика и философа Дун Чжуншу (190/179–120/104 г. до н.э.) стало государственной идеологией Китая, с крахом империи

испытывало кризис как официальная идеология и постепенно утрачивало свои философские и идейно-политические позиции. Впрочем, утратив свою авторитетность с крушением империи Хань, конфуцианство не сошло полностью с исторической арены в последовавшие после Хань эпохи Вэй и двух Цзинь, а продолжало сохранять свои позиции и в повседневной жизни людей разных слоев общества, а не только в чиновничьей сфере, где оно оставалось как идеология служивого сословия (кит. ши). Служивое сословие – это социальная группа образованных людей, в обязанности которых входило служение государю [6]. Распространение заповедей буддизма – это основное значение буддизма рассматриваемого периода. Хотя буддизм и был популярен в Вэй, однако монахи лишь постригали волосы, также, не имея врожденного дара, они не соблюдали всех запретов. Все, что имели, приносили в жертву во время обрядов, беря пример с жрецов традиционных культов [10].

В период Вэй и двух Цзинь буддизм продолжал динамично распространяться в Китае. Главной особенностью его распространения в этот период являлась деятельность его первых миссионеров, разработка ими техники и методов перевода буддийских текстов на китайский язык [5]. Как и во времена династии Хань, центром переводческой деятельности была столица, теперь уже государства Вэй, Лоян, хотя со временем буддийские миссионеры стали распространяться по всему Китаю. Ведущую роль среди них играли, по-прежнему, представители Западного края или их потомки. Таковым являлся Чжицзянь (支谦), потомок кушанских выходцев, родившийся и получивший образование в Китае. Точная дата его жизни неизвестна, а его деятельность приходится на 223–253 гг., в течение которых он не только занимался переводом, но и систематизировал ранние переводы, часть из них поправил и дополнил [5].

В период Вэй (221–265) и двух Цзинь – Западной (265–316) и Восточной (317–420) в Китай уже были привезены и частично переведены сочинения основных направлений буддизма, если и не во всем объеме, то хотя бы отдельными главами. По словам Л.Е. Янгутова: «По мере укрепления буддизма на китайской почве все более возрастал интерес к этим сочинениям, который в итоге привел к образованию других, кроме люцзяцицзун, течений и направлений, ориентированных на ту или иную сотериологическую концепцию. Их дальнейшее развитие обусловило формирование буддийских школ на территории Китая» [6].

Схожесть отдельных положений даосского и буддийского мироощущений позволила первым переводчикам буддийской литературы использовать даосские термины для передачи смысла буддийских понятий, была расширена, углублена и непосредственно приближена к содержанию Праджняпарамиты усилиями адептов сюаньсюэ, что позволило переводчикам Праджняпарамиты шире использовать даосские термины и понятия в интерпретации сюаньсюэ. Более того, понятия философии сюаньсюэ: «бэнь» (корень), «цзы жань» (естественность), «ду хуа» (изменение без посторонних воздействий), «ли» (принцип), «цзы син» (собственная природа), «цзы шэн» (собственное рождение) и т.д. – использовались как в качестве эквивалента буддийских понятий, так и в их собственном значении с буддийским оттенком. Учение сюаньсюэ, выдвинувшее в качестве своей главной проблемы – проблему соотношения отсутствия (у) и наличия (ю), смогло стать весьма соразмерным основной идее Праджняпарамиты (идее пустоты). Обсуждение проблемы пустоты в тот период велось в основном в онтологической плоскости. Для первых китайских буддистов, пытавшихся постичь суть Праджняпарамиты, главным камнем преткновения была концепция пустоты праджняпарамитских сутр, поиски наиболее точного и четкого варианта понимания пустоты привели к формированию ряда комментаторских течений, известных как люцзяцицзун (шесть школ и семь направлений) [6].

Деятельность шести школ и семи направлений проходила в период Западной Цзинь. Она продолжалась сравнительно недолго – до середины Восточной Цзинь. Однако нельзя переоценить ее роль в становлении буддизма в Китае. Шесть школ и семь направлений стали известны в Китае как течения, в которых отразились попытки китайских буддистов адекватно истолковать учение Праджняпарамиты. В школы (цзя) и направления (цзун) их квалифицировали позже. Изначально их было шесть, позже первая разделилась на два: «отсутствия корня» и «различения отсутствия корня». Шесть школ и семь направлений: бэнь у цзун (отсутствия корня), бэнь у и цзун (различения отсутствия корня), цзи сы цзун (акцентирования на внешних явлениях), ши хань цзун (содержания сознания), хунь хуа цзун (иллюзорных превращений), синь у цзун (отсутствия сознания), юань хуй цзун (возникновения через причинность).

Попытки верного толкования идей Праджняпарамиты осуществлялись адептами шести школ и семи направлений сквозь призму тради-

ционных представлений и взглядов, а также в русле современной им идеологической и философско-мировоззренческой ситуации. С периода Вэй и Цзинь термином «бэнь у» стали переводить понятие пустоты. В этом же значении он использовался и в концепциях двух направлений школы бэнь у.

Первое направление бэнь у цзун возглавил Дао Ань. Он делает акцент не на соотношениях «отсутствия» и «наличия», как это было показано в учении Ван Би, а на сути «отсутствия», которое он рассматривает в праджняпарамитском контексте. Следуя его логике, если «корень» формируется из «отсутствия» (и у вэй бэнь), а отсутствие предшествует проявленному множеству всего наличия, тогда изначальная природа всех дхарм должна быть пустой. Отсутствие здесь отождествлялось с пустотой. Для Дао Аня важно было понять через категорию «отсутствия» природу пустоты, которая, понималась как отрицание проявленных характеристик «наличия». Проявленные характеристики «наличия» отрицались как не имеющие своей собственной природы – «корня». То есть, пустота как «отсутствие корня» рассматривается как пустота (отсутствие) изначальной природы всех дхарм. Пустота изначальной природы всех дхарм – как пустота (отсутствие) самих дхарм (внешних явлений). Поэтому через пустоту изначальной природы дхарм постигается пустота самих дхарм (внешних явлений).

Лидеры второго направления бэнь у и цзун – Чжуфашэнь и Чжуфатай, придерживались мнения о том, что изначальная природа вещей пуста, но в отличие от него они не были последовательными в отрицаниях проявленных характеристик «наличия». Свое внимание они заострили на положении о том, что «наличие» рождается в «отсутствии», а потому допускали возможность того, что в пустоте может родиться множество различия.

Основателем направления синь у цзун (отсутствия сознания) был Чжиминьду. Идеологи этого направления понятие пустоты связывали с отрицанием сознания как реально существующего, а потому выдвинули концепцию отсутствия сознания. Согласно их воззрениям, под «пустотой» необходимо понимать отсутствие сознания (синь у) [6]. В противоположность концепции «отсутствия сознания», направление цзи сы цзун (акцентирования на внешних явлениях), возглавляемое Чжи Даолинем, делало упор на пустоте внешних явлений. Считалось, что формы/явления (сэ) не тождественны собственной природе. Формы/явления не обладают природой собственного существования, не имеют самости

(цзы) и хотя имеют внешний вид, тем не менее, пусты. Через пустоту формы/явления постигается истинная природа. Здесь Чжи Даолинь не сходит в взглядах не только с Чжиминьду, но и с Дао Анем. Последний полагал, что через отсутствие корня, а не через отсутствие внешнего вида постигается природа дхарм. Говоря об отсутствии корня, Дао Ань отрицал изначальную природу дхарм, поскольку, по его мнению, через постижение пустоты изначальной природы происходит постижение пустоты дхарм. Или «опираясь на истинную таковость, постигаем природу дхарм», в то время как Чжи Даолинь считал, что, наоборот, «через дхармы постигаем сокровенное» [6].

Принцип акцентирования на одном через игнорирование другого лег в основу другой оппозиции – направления синь у цзун (отсутствия сознания) и направлений ши хань цзун (содержания сознания), хунь хуа цзун (иллюзорных превращений). Их мнения расходились во взглядах на природу сознания. В отличие от синь у цзун адепты ши хань цзун и хунь хуа цзун настаивали на реальности сознания как духовной субстанции [6].

Направление ши хань цзун (содержания сознания), представленное Юйфакаем, отрицало воспринимаемые сознанием явления внешнего мира, т.е. отрицало содержание того, что воспринимало сознание. Для обозначения сознания Юйфакай использует иероглиф «ши». В буддийских текстах понятие сознания передавалось такими терминами, как «читта», «виджняна» и «манас». По словам О.О. Розенберга, «различные названия элемента сознания – читта, манас, виджняна – выражают только различные тонкости анализа: читта – единая форма сознания, виджняна – то же сознание, но рассмотренное с точки зрения его содержания, манас – содержание предыдущего момента».

В китайских переводах «читта» соответствовала иероглифу «синь», «виджняна» – иероглифу «ши», «манас» – иероглифу «и». Очевидно, ко времени деятельности шести школ и семи направлений указанные выше эквиваленты были уже выработаны и Юйфакай использовал иероглиф «ши» для обозначения конкретного содержания сознания. Излагая позицию Юйфакай, Цзи Цзан приводит следующую аналогию: «Три сферы – это пристанище длинной ночи. Сознание видит глубокий сон. Все то, что оно видит во сне, кажется реальным. Затем происходит пробуждение, длинная ночь заменяется рассветом. Заблуждения сознания (ши) исчезают, все три сферы оказываются пустотой. В это время

нет ничего, из чего бы что-то рождалось, нет ничего, из чего бы что-то не рождалось» [6].

Иллюзия реальности внешнего мира составляет здесь содержание сознания. Иллюзия подобна сновидению, это она, а не само сознание, по сути, и является пустотой. А поскольку иллюзия составляет содержание сознания (ши), постольку пустотой объявляется содержание сознания (ши), включающее в себя иллюзию внешних проявлений, а само сознание (синь) рассматривается обладающей реальностью духовной субстанции. Ведь когда человек просыпается, с исчезновением его снов не исчезает само сознание, видевшее эти сны. [9].

Дао И – глава направления хунь хуа цзун (иллюзорных превращений) усилил аргументацию реальности духовной субстанции. По свидетельству Ань Чэна, монах Дао И считал, что «все дхармы подобны иллюзорным превращениям (хунь хуа). Так как они подобны иллюзорным превращениям, они есть условная истина. Дух сознания (духовная субстанция сознания) подобен истинному существованию, не является пустотой. Это абсолютная истина. Если дух (духовная субстанция) будет тождественен пустоте, то каким образом можно осуществлять учение? Кто будет совершенствовать Дао? Каждый может стать святым (достичь состояния Будды), поэтому знаем, что дух (духовная субстанция) не является пустотой» [6].

В эпоху Хань первые китайские буддисты, остригая волосы и надевая монашеские рясы, скорее подражали истинным буддистам, чем являлись таковыми. И поэтому обращение к сутрам Винаи было обусловлено социальными потребностями организации сангхи, а также все возрастающим количеством монахов, поведение которых нуждалось в упорядочивании, поскольку, по свидетельству «Гаосэнчжуань», многие из них вели себя ненадлежащим образом. Одним из первых приверженцев строгого следования правилам монастырской жизни был Дхармакала (Танькэцзяло) – уроженец Центральной Индии. В Китай он прибыл в период правления династии Вэй. В «Гаосэнчжуань» о нем сообщается следующее: «В правление династии Вэй под девизом Цзя-пин (249–254) Дхармакала прибыл в Лоян. В то время закон Будды хотя и обретался в пределах Вэй, однако дух его был извращен. Находились такие монахи, которые не приняли монашеские обеты и отличались от мирян только тем, что прошли постриг. Они отправляли посты и покаяния по обряду, предписываемому при жертвоприношениях. Сразу по прибытии Дхармакала стал повсеместно проводить закон Будды. Монахи всей общиной просили его пол-

ностью перевести и опубликовать монашеский устав. Исходя из того, что построение и стиль построений чрезвычайно сложны, а закон Будды еще не вошел в силу, Дхармакала решил, что проку от этого не будет. Он перевел «Сэнцицзе синь», где содержались предписания по порядку дня в монастырях» [9].

Большую роль в распространении правил Винаи сыграла деятельность Дао Аня по организации монастырской жизни в Сянъяне, а позже в Чанъяне. Интерес к сочинениям Винаи проявлял и Кумараджива, ему принадлежит перевод сочинения «Ши тун люй» («Десять уложений Винаи»). Первым китайским монахом, принявшим сан в соответствии с традиционными буддийскими нормами, считается Чжушисин (朱士行).

Мы видим, что большие расстояния, различие менталитета и культур, следующие из этого трудности перевода изрядно затормозили сроки проникновения, привыкания и адаптации буддизма в китайской культурной среде. Смуты, войны и неурядицы тоже мешали распространению буддизма, так как многие переводы начального периода были утеряны в эти времена, а монахи вынуждены были переезжать в более спокойные места, как, например Ань Шигао. Но, с другой стороны, все эти невзгоды и следующая из них жизненная неустойчивость способствовала обращению китайцев в духовную сферу. Кто-то начинал искать нетрадиционные методы воздействия на жизненные процессы и их регуляции, думая, что поскольку традиционные китайские учения во многом дискредитировали себя, то возможно применение буддийских методов позволит сохранить или улучшить свое положение. Говоря другими словами, отмечалось традиционное во все времена обращение к эзотерике во время неурядиц и смут. Не найдя благоденствия в этой жизни, искали счастье и умиротворение в потустороннем мире, надеясь на послесмертное воздаяние. Некоторые просто искали укрытия в буддийских монастырях, прагматично уходя от небезопасной и голодной мирской жизни [5].

Объединение Китая под властью Западной Цзинь (265–316 гг.) не дало предполагаемого спокойствия. Коррупция, разврат политической элиты, их противостояние выливались в бесконечные бедствия для простого народа и определяли слабость империи. С начала IV в. северные кочевые народы начинают активную экспансию на территорию Северного Китая. За полтора столетия на территории Северного Китая было образовано более 16 княжеств, которые, возникая и исчезая, вели непрерывные междоусобные

войны. Китайцы массами переселялись на юг, за реку Яньцзы, где с 317 г. правила династия Восточная Цзинь (317–420 гг.) [5].

В эти беспокойные времена на основе предыдущих достижений проникновение буддизма в Китай и его распространение среди китайцев вышли на новый, более высокий и интенсивный уровень. Успех переводческой деятельности привел к пересмотру традиционных китайских ценностей, в частности: Китай – центр вселенной. До этого Китай для китайцев представлялся центром мира, оплотом культуры и добродетели, который окружали варвары. Конечно, появление чужеземного учения, в чем-то превышавшего китайские, было не только болезненно для самолюбия части китайской элиты, но и задевало основы их традиционного мировосприятия. Поэтому совсем не удивительно было возникновение стойкого неприятия буддизма среди определенных слоев китайского общества. И это неприятие проявлялось не только в категорическом отрицании нового учения, но и в несколько неэтичном унижении последнего в традиционно-теоретическом аспекте [6].

Некоторое сходство категорий и понятий буддизма и даосизма поставило вопрос о теоретических истоках обоих учений, и в итоге китайские традиционисты выдвинули тезис о вторичном и производном характере буддизма от даосизма [2]. Изначально эта дискуссия не выходила за пределы спора о степени древности обоих учений, при этом даосы могли ссылаться на первых священномудрых императоров Китая, сроки жизни которых уходили в легендарную эпоху. Но так как даосизм приобрел теоретическое оформление только в трактате Лао-цзы «Дао Дэ Цзин» (道德经), то обращение к древности теряло свою значимость и весомость, ибо буддисты отодвинули сроки жизни Шакьямуни к рубежу I тысячелетия до новой эры, а дата жизни Лао-цзы как старшего современника Конфуция была четко зафиксирована. Ссылаясь на «Историю династии Чжоу» (Чжоушуицзи, 周书异记), дата рождения Будды определялась на 24 год правления чжоуского Чжао-вана (周昭王), т.е. примерно в 1029 г. до н.э. [5].

В данное время сложно определить, кто начал этот спор и последовательность «ответов» оппонентов; во всяком случае, у Моу-цзы нет ссылок на дату жизни Будды. Но своего пика этот спор достиг именно в период Западной Цзинь, когда во времена правления императора Хуэй-ди (惠帝 290–306 гг.) появился «Канон о просвещении иноземцев Лао-цзы» (Лао-цзы ху-

ахуцзин, 老子化胡经, возможен также перевод «Канон о перевоплощении Лао-цзы иноземцем»). Автор этого канона даос Ван Фу (王浮) на основе сказаний, имевших хождение со времени эпохи Поздняя Хань, пишет, что, уйдя на Запад, Лао-цзы попал в Индию, где просвещал иноземных царей, и более того, он явился отцом Сиддхартхи. С позиций китаецентризма этот канон восхвалял даосизм и, так сказать, несколько оскорбительно для индийцев показывал стадию зарождения буддийской мысли, поэтому неудивительно, что в китайской буддийской среде он был воспринят отрицательно [5].

К началу IV в. буддизм занимает прочные позиции в духовной культуре Китая и функционирует на равных с традиционными китайскими идеологическими системами конфуцианства и даосизма, что предопределяет появление концепции «Трех учений» (саньцзяо, 三教). В это время, по сведениям Фалиня (法琳, 572–640 гг.), в двух столицах Западной Цзинь (Лоян и Чанань) было 180 буддийских монастырей, в которых проживало более 3,7 тыс. монахинь и монахов, работало 13 переводчиков, переведших 73 текста [5].

Литература

1. История Китая / под ред. А.В. Меликсетова. – М.: 2002. – 736 с.
2. Торчинов Е.А. Даосизм. – СПб., 1998.
3. Торчинов Е.А. Введение в буддологию. – СПб.: Санкт-Петербургское филос. общ-во, 2000. – 304 с.
4. Торчинов Е.А. Даосизм и китайская культура: проблема взаимодействия // Народы Азии и Африки. – 1982. – №2. – С.155–168.
5. Чебунин А.В. История проникновения и становления буддизма в Китае. – Улан-Удэ, 2009. – 278 с.
6. Янгутов Л.Е. Традиции Праздника парамиты в Китае. – Улан-Удэ, 2007. – 272 с.
7. Янгутов Л.Е. Китайский буддизм: тексты, исследования, словарь. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 1998. – 160 с.
8. Янгутов Л.Е. О школах средневекового китайского буддизма // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Востоковедение. – 2011. – №8. – С. 19–28.
9. Янгутов Л.Е. О роли шести школ и семи направлений (六家七宗, люцзяцицзун) в становлении философских принципов буддизма в Китае // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2011. – №4.
10. 文化频道 > 三教同源 [Электронный ресурс]. – URL: <http://cul.shangdu.com>

Орбодоева Марина Валерьевна, аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, e-mail: zaraza756@ya.ru

Orbodoeva Marina Valerevna, postgraduate student, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, e-mail: zaraza756@ya.ru

УДК 1(510)

© О.Д. Барлукова

КИТАЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассматривается проблема идентичности китайской интеллигенции в процессах модернизации и глобализации. Проникновение западных идей привело к потере идентичности и породило сомнения в потенциале своей культуры. Автором доказывается, что экзистенциальной основой идентичности китайской интеллигенции сегодня должны стать сакрализация и национальная самоидентификация.

Ключевые слова: Китай, интеллигенция, идентичность, модернизация, социум.

O.D. Barlukova

CHINESE INTELLIGENTSIA: IN SEARCH OF IDENTITY

The article considers the problem of identity of Chinese intelligentsia in the processes of modernization and globalization. The penetration of Western ideas led to the loss of identity and raised doubts about the potential of own culture. The author argues that the existential basis of the identity of the Chinese intelligentsia today should be sacralization and national self-identity.

Keywords: China, intelligentsia, identity, modernization, socium.

Для китайской интеллигенции проблема идентичности становится актуальной во второй половине XIX в. в связи с проникновением западных государств на территорию Китая и особо обостряется в период модернизации общества в последней четверти XX в. Открытие Китая западной культуре и процесс глобализации породили проблему самоидентичности. Для китайской интеллигенции одним из основных вопросов стал: «Что значит быть китайцем?».

Китайская интеллигенция является одной из наиболее динамичных социальных групп социума, поэтому ей наиболее характерны сомнения и потеря идентичности. Увлечение западными идеями, спровоцированное высоким уровнем развития науки, техники, демократическими свободами, привели к потере идентичности и разочарованию в себе и потенциале своей культуры. Но при более близком знакомстве с западным обществом некоторая часть китайской интеллигенции, которая получила там образование, была разочарована и в западных идеалах. Унижения, связанные с незнанием языка и трудностями адаптации в чужой культурной среде, пробудили у многих интерес к традиционным ценностям. В результате сформировалось националистическое течение, отличающееся неоднородностью. Основной же вопрос сменился с «кто я?» на «куда идти?».

Таким образом, эволюция идентичности китайской интеллигенции происходит по диалектической триаде: тезис «китайская традиционная культура» – антитезис «западная культура» – синтез «китайская основа, западная технология».

Каждому человеку необходимо идентифицировать себя самого, поскольку это дает человеку

экзистенциальную основу. Культ предков, развитый в Китае, в данном случае играет наиболее важную роль. «Я знаю свои корни, своих предков, и это дает мне право называться тем, кто я есть. Моя семья (малая социальная группа) – это основа моего существования». Семья важнее общества. Следующий шаг: идентификация на уровне большой социальной группы. Тысячелетняя древнейшая культура, основанная на мировых философских системах конфуцианства, даосизма, легизма и буддизма. Что нужно позаимствовать у других? Только технологии, оболочку или форму для основы. Национальное самосознание возносится на высший уровень удовлетворения.

Чем больше на человека влияет глобализация, давление различных культурных, религиозных и возрастных изменений, тем активнее становится уход в сакральное. Эта сфера, где человек соотносит себя с фундаментальными ценностями, с основополагающими и дорогими сердцу источниками своего становления [1, с. 88]. Пласт сакрального в идентичности личности в условиях глобализации определен именно локально, он характеризует наиболее личное, глубоко укорененное в человеке [1, с. 89]. В основе устойчивости китайской интеллигенции и успешного развития социальной системы в целом – культ предков, почитание старших, превалирование семьи над обществом.

Глобализация имеет две формы: выпуклую (западную) и плоскую (восточную). Выпуклая форма подразумевает, что на вершине глобализации находится США как глобальная империя, которая осуществляет свою политику, как с помощью грубой военной силы, так и методами «мягкой силы» (идеология, культурная экспан-

сия), которые являются не менее агрессивными. Результатом может стать столкновение цивилизаций [3] или упрощенная рационализация-макдонализация. Плоская глобализация [2] – развитые информационные технологии и создание единой глобальной сети, которая соединяет разные точки земного шара, делая его мультикультурным, а значит, и более толерантным. С другой стороны, это виртуальный мир, искусственный, не являющийся реальным. Он дает иллюзорную уверенность в своей значимости, что в случае с отдельным индивидом выражается в ощущении себя более красивым, умным, богатым и т.д. При этом данное чувство значимости распространяется на все уровни: от пользователей социальных сетей до финансовых брокеров и корпораций, которые повергают мир в реальный кризис. Политические движения и революции, мировой экономический кризис – это отчасти результаты развития информационных технологий.

Китайская интеллигенция проходит испытание идентификацией, с которой довольно успешно справляется. Политическое руководство во главе с Синь Цзиньпином выдвигает на передний план воспитательную работу. Ведь для того чтобы сохранить национальную самоидентичность необходимо идеологически воздействовать на умы подрастающего поколения. Именно от эффективности идеологической платформы с практическими результатами экономического процветания зависит будущее Китая.

Известный британский социолог Э. Гидденс показал, что идентичность в обществе поздней современности не достигается легко и одновременно, а предстает как ряд дилемм самоопределения [4]. Он выделил четыре такие дилеммы.

1. Унификация или фрагментация;
2. Беспомощность (отсутствие возможностей) или их многообразие;
3. Устойчивые авторитеты или самоопределение в условиях их отсутствия;
4. Индивидуальный опыт или стандартизированное, уподобляемое товарному рынку поведение.

Успехи Китая связаны с особым подходом к выбору дилемм развития. Не смотря на то, что глобализация усиливает процессы фрагментации, для Китая унификация является традицией, идущей из глубины веков, которая существует на уровне сознания. Фрагментарное восприятие мира проявляется тогда, когда человек имеет дело с большими потоками информации, выхватывает оттуда частями, (фрагментами) смыслы и уже на основе этого формирует свое (опять же

фрагментарное) мировоззрение и поведение. Время, как говорил еще Аврелий Августин, для человека распадается на прошлое, настоящее и будущее. У современного же человека время не просто настоящее, а всего лишь его фрагмент, обрывок. Идеология Запада породила парадокс ускорения – человечество стремится к будущему, не успевая прожить настоящее. Жизнь превращается в калейдоскоп событий, где важно не качество, а количество, не сущность, а форма (оболочка). Отсутствие содержания компенсируется получением удовольствия здесь и сейчас, что неминуемо превращает современного человека в сиюминутного гедониста.

В настоящее время на уровне общества мы наблюдаем информационное противостояние проамериканской и китайской идеологий. Как показала практика, «мягкая сила» китайской культуры намного эффективнее, чем американская, поэтому наблюдается все более частое применение США грубой военной силы. Немаловажно и то, что сегодня модернизация китайского общества увеличивает многообразие возможностей, в том числе и для интеллигенции. Дальновидная политика Дэн Сяопина, нацеленная на поддержку и развитие авторитета Мао Цзэдуна и Коммунистической партии Китая, является еще одной опорой стабильности в обществе.

Для китайского социума характерно стандартизированное поведение, но уподобляемое не товарному рынку, а ритуалу. В основе лежит не экономический интерес, а устойчивость социума. Понятно, что с развитием рыночной экономики «индивидуализация» поведения становится все более распространенной, но контроль государства достаточно строг и поэтому периодически имеют место показательные процессы силового воздействия по отношению к некоторым представителям политической и интеллектуальной элиты, которые предприняли попытки выйти за рамки «стандартов». Почему на уровне китайского социума не наблюдаются широко-масштабные революции? Ответ, скорее всего, состоит в том, что процессы модернизации и глобализации приводят к бесконечному поиску идентичности, что, в свою очередь, вызывает то, что Х. Арндт назвала тоталитарным соблазном – у общества возникает потребность в опоре на силу и авторитет.

Мы предполагаем, что китайская интеллигенция осознает неоднозначное влияние западной доктрины индивидуальной свободы, в современном варианте представляющей собой тип стандартизированной упрощенной рациональности, которая не развивает, а, напротив, огра-

ничивает человека. Решение проблемы заключается в определении собственной идентичности, основанной на сакрализации своих корней (предков) и национальной самоидентификации как экзистенциальной основе. В этом случае новые технологии и идеологии будут восприниматься адекватно, и способствовать устойчивому развитию общества.

Литература

1. Федотова Н. Мультикультурализм и политика идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – Т.9, №3. – С.75–92.
2. Фридман Т. Плоский мир: краткая история XXI в. – М.: АСТ, 2006.

3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? – М.: Изд-во АСТ, 2003.

4. Giddens A. Modernity and self-identity: self and society late modern age. – Standford, 1991.

Барлукова Оксана Дмитриевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова, г. Улан-Удэ, e-mail: oxana106@mail.ru

Barlukova Oxana Dmitrievna, candidate of sociological sciences, associate professor, department of philosophy, Buryat State Academy of Agriculture named after V.R. Philippov, Ulan-Ude, e-mail:oxana106@mail.ru

УДК 1(091)

© О.Р. Халтаева

О РОЛИ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В КИТАЕ (XVI–XI вв. до н.э.)

Статья посвящена анализу места и роли ранних религиозных верований Китая в формировании государственного управления в шан-иньский период его истории. Акцентируется внимание на культе предков, обладавшем большой регулятивной значимостью и составлявшем важнейший компонент социального управления, как на уровне семейных, так и общественных отношений. Рассматривается идеологическая востребованность культа Шан-ди.

Ключевые слова: религиозные культы, верования, протогосударство, государственное управление, власть.

O.R. Khaltaeva

ON THE ROLE OF RELIGIOUS CULT IN THE FORMATION OF PUBLIC ADMINISTRATION IN CHINA (XVI–XI cent. b.c.)

This article is devoted to the analysis of the place and role of religious beliefs in China early in the formation of public administration in Shang-Yin period of its history. The attention is focused on the cult of ancestors that had a large regulatory significance and constituted the most important component of social control, both at the level of family and social relations. The ideological demand of Shang-di cult is considered.

Keywords: religious cults, beliefs, protostate, public administration, power.

Формирование первого государственного образования на территории Китая – протогосударства Шан-Инь (商殷) – началось в XVI в. до н.э. Оно представляло собой надобщинную политическую структуру, образованную в бассейне реки Хуанхэ, и его появлению способствовало формирование двух важнейших нормативных институтов.

Первый из них – это институт собственности, суть которого «сводится к праву верховного правителя надобщинного коллектива распоряжаться всем его достоянием как бы от его имени и в его интересах. Это право основано не на собственности – собственности, как таковой, общество, о котором идет речь, не знает, – оно основано только на власти правителя» [1, с. 16]. Иными словами, собственность, считающаяся коллективной, фактически принадлежит

правителю, который распоряжается ею от имени коллектива. Второй нормативный институт – это формирование структурированной этнической общности, группы, имеющей вождя; процесс формирования такой общности, согласно теории М. Фрида, представляет собой трибализацию (от лат. «triba» – племя) [1, с. 17]. Трибализация, в условиях указанного периода, предполагала, что вокруг шан-иньского политического образования структурировались другие, окружавшие его этнические общности, которые превращались в этнополитические образования. Власть-собственность – олицетворял собой ван (王), который окружил себя аппаратом административного управления, а также вооруженной охраной, имевшей привилегированное положение по сравнению с остальными членами общества.

Все эти преобразования происходили на фоне все более углубляющегося процесса разложения родоплеменных отношений и классовой дифференциации общества, расширения сферы общественных работ и внешних отношений с соседними племенами, что обуславливало необходимость выделения специального сословия людей способного управлять всеми этими явлениями. Иными словами формирование государственного образования – протогосударства – порождало насущную потребность в формировании предгосударственных органов управления обществом, как необходимой ступени государственного управления. Кроме того, образование протогосударства Шан-Инь, несущего черты будущего государства стало причиной появления и других институтов правового и производственного характера. Все это в совокупности давало большие властные полномочия правителям Шан-Инь, и привело к тому, что верховная власть правителя стала достаточно легитимированной и институционализированной. Последнее свидетельствует о достаточно интенсивном процессе формирования государственного управления.

Государственное управление, по мнению Т.Б. Цыреновой, «это воздействие государства на общество в целом или на все сферы общественной жизни с целью защиты интересов граждан во всех сферах их жизнедеятельности посредством властных полномочий через императивные (регулятивные) и принудительные (административные) функции (способы), осуществляемые в форме законодательных и исполнительных институтов» [2, с. 16].

В шан-иньском политическом образовании было налицо воздействие формирующегося государственного образования посредством специального слоя людей (управленцев), составлявших иерархическую вертикаль, на общество через регуляцию и контроль за работами, носившими общественный характер, распределение продуктов производства, поддержку общественного порядка, защиту населения от посягательства враждебных племен, поддержание добрососедских отношений с внешним окружением. Иными словами, был аппарат управления. Управление в данном случае представляло «взаимодействие субъекта и объекта, в котором субъект воздействует на объект, преследуя определенную цель. Но при этом субъект воздействует на объект, обладая необходимыми средствами для достижения цели, используя определенные способы, которые выражаются в конкретной форме» [2, с. 14]. Субъектом в данном случае выступала власть-собственность правителя Шан-Инь, имеющая достаточно раз-

витую систему администрации, а объектом – все сферы жизнедеятельности структурированного этнополитического образования Шан-Инь, обладавшего ярко выраженными признаками урбанистической цивилизации [1, с. 16]. Средства, способы и конкретные формы воздействия субъекта на объект еще не были достаточно развитыми, также не была окончательно сформирована законодательная база. В этих условиях наиболее действенным средством достижения управленческих целей становился идеологический фактор.

Идеология как система взглядов на природу, общество и человека сквозь призму отношений определенных классов, групп людей, выражающих их социальную позицию, в условиях шан-иньской политической реальности во многом определялась религиозно-мифологическим представлениями. Ко времени образования шан-иньского протогосударства здесь уже сложилась довольно развитая система культов и религиозных верований, выполнявших не только мировоззренческую, но и компенсаторную, коммуникативную, регулятивную, интегрирующую и легитимирующую функции. Среди них особо выделялись культы и верования, имевшие непосредственное отношение к регулятивной и легитимирующей функциям. Это, прежде всего, тотемные и анимистические верования, а также культ предков. Регулятивная функция этих верований состояла в том, что «через определенные идеи, ценности, стереотипы, социальные установки и институты осуществляется управление деятельностью людей, их поведением, а также групп и общин» [3, с. 242]. Их легитимирующая функция заключалась в том, что они способствовали утверждению, приданию легитимности формирующихся общественных порядков и институтов, и наоборот, отрицанию правомерности [3, с. 244].

Тотемные верования, по словам известного китайского ученого Ван Сяодуня, «это верования, в которых люди объявляют отдельные животные или же другие объекты в качестве знака и символа своего рода. Иными словами, они устанавливают кровную связь с этим животным или иным объектом, объявляют его тотемом» [4, с. 56–57]. Термин «тотем» заимствован у американского племени оджибва (鄂吉布瓦), на языке которых основной смысл тотема или же ототема (图腾) – родство (亲属). Он означает знак, символ, указывающий название животного, с которым род устанавливает свое родство [4, с. 57]. Ван Сяодунь выделяет следующие существенные характеристики тотемных верований:

1) определенная группа людей считает, что тотем является их родственным существом, защитником, первопредком. К нему члены сообщества питают особые чувства;

2) тотем обозначается через определенный ритуальный культ, имя, герб;

3) верующие через символические способы указывают на свою принадлежность тотему;

4) осуществление определенного ритуала связано с конкретным тотемом. Ритуал проявляется чаще всего посредством ритуального танца [4, с. 57–58].

Предположения китайского ученого не расходятся с мнением российских ученых, которое представлено в коллективном труде «Основы религиоведения» под редакцией И.Н. Яблокова. Согласно ему, тотемизм – это вера «в существование родственной связи между какой-либо группой людей (племя, фратрия, род) и определенным видом животных или растений. Название этой формы религиозных верований происходит от слова “ототеман”, которое на языке североамериканских индейцев племени оджибве означает “род его”. В ходе изучения тотемизма установлено, что его возникновение было тесно связано с хозяйственной деятельностью первобытного человека – собирательством и охотой. Животные и растения, дававшие людям возможность существовать, становились объектом поклонения». Далее здесь говорится: «Несколько позднее в тотемизм были привнесены элементы социальных, в первую очередь, кровно-родственных, отношений. Члены родовой группы (кровные родственники) стали верить в то, что они произошли от предков, сочетавших в себе признаки людей и их тотема. Это вело, с одной стороны, к усилению культа предков, а, с другой, к изменению отношения к тотему, в частности к появлению запретов (табу) на употребление тотема в пищу, за исключением тех случаев, когда поедание тотема носило ритуальный характер и напоминало о древних нормах и правилах» [5, с. 74]. По словам Л.Е. Янгутова, признание тотема как своего первопредка было «связано с осознанием первобытным человеком родовой общности и идентификацией себя со своим родом. Поэтому тотемные верования приобретают большое значение в период дальнейшего развития социальной инфраструктуры рода, постепенно приобретают характер социальной регуляции, а также легитимирующего отношения среди членов общества» [6, с. 9].

С тотемными верованиями был тесно связан культ предков, обладавший большой регулятивной значимостью. Он составлял важнейший компонент социального управления, как на

уровне семейных, так и общественных отношений. Культ предков включал в себя ритуальные обряды почитания предков, направленные на достижение благополучия в настоящей жизни, конкретные рекомендации. Яркая выраженная социальная направленность культа предков значительно усиливала его регулятивные функции.

Следует отметить и анимистические верования китайцев (泛灵论, фаньлинлунь) рассматриваемого периода, представлявшие собой «отражение первобытного сознания на стадии осознания человеком собственной индивидуальности и социальной общности как отличающихся, с одной стороны, от внешнего природного мира, с другой, – от мира сверхъестественного и потустороннего» [6, с. 9–10]. Эти верования породили ритуальные действия, направленные на умиловление природных объектов, с целью получения у них помощи в хозяйственной деятельности. Иными словами, в основе этих ритуальных действий лежали сугубо прагматические мотивы. В связи с этим в неолитическом Китае большое развитие получили культы Неба (天崇拜), Солнца (太阳崇拜) и Земли (土崇拜) [6, с. 10]. Говоря о ранних религиозных верованиях и культах в целом, Л.Е. Янгутов отмечает, что им «были присущи такие характерные черты как рациональность и прагматическая направленность, ориентированность на решение социально значимых проблем, отсутствие единого бога-творца, оттесненность на задний план божеств, имеющих отношение к природной сфере и сотворению мира» [6, с. 14].

В период Шан-Инь, особенностью которого стал переход от родоплеменного строя к классовому обществу, происходили большие изменения в религиозной сфере. Авторы указанного труда «Основы религиоведения» указывают на то, что «выделение вождей и усиление их роли в жизни племени постепенно ведут к их сакрализации, они становятся объектом религиозного почитания не только после их смерти, но и при жизни. Социальное расслоение внутри племен и формирование племенной аристократии тоже нашли свое отражение в содержании религиозных представлений. Ранее аморфные и безличные духи наделяются именами, за ними закрепляются определенные функции, возникает иерархия духов, которая во многих чертах воспроизводит социальную иерархию. Полидемонизм – почитание множества духов – вступает в свою завершающую стадию. На смену ему идет политеизм, превращающий наиболее почитаемых духов в божества. Над бестелесными душами и духами предков, местными гениями

скал, источников и деревьев начинают возвышаться более могучие божества, влияние которых не ограничивается местными, индивидуальными или племенными условиями» [5, с. 78].

По замечанию Л.С. Васильева, «в эпоху становления государств и появления сильной центральной власти обычно возникали могущественные боги. Эта монотеистическая по своему характеру тенденция в тех условиях являлась вполне закономерным отражением в “мире богов” важных событий, которые совершались в мире людей. По словам Энгельса, “единный бог никогда не мог бы появиться без единого царя”. При этом, как правило, земной повелитель объявлял себя “божественным” и нередко связывал свое происхождение непосредственно с богом» [7, с. 52].

В шан-иньский период происходит возвышение культа Земли и культа тотемного предка Шан-ди (上帝). Возвышение этих культов было обусловлено тем, что они становились наиболее идеологически востребованными в условиях формирования государственного образования. Идеологическая востребованность культа Земли заключалась в том, что он стал связываться не только с идеей плодородия, но и с идеей территориальной общности и целостности, что является важнейшим фактором государственности. По словам Л.Е. Янгутова, «этот культ стал связываться с пониманием земли как целостной территории. Как территории, связывающей социальную общность» [8, с. 3].

Однако главным культом шан-иньского периода становится не культ Земли, а культ Шан-ди. Его особая значимость и политическая востребованность состояла в том, что он оказался основным идеологическим фактором обоснования легитимности власти шан-иньских правителей. Тотемный культ Шан-ди был объявлен прямым предком шан-иньских правителей, что придавало сакральный статус их власти, поскольку она стала считаться божественным волеизъявлением. Родственная связь с божеством давала право передавать власть по наследству, а наследственность передачи власти составляла необходимое условие формирования государственности и государственного управления. Ван, обладавший от имени своего прямого предка Шан-ди властью-собственностью, обладал также правом исполнения ритуальных обрядов посвященных ему.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что усиление культа Шан-ди не означало его возвышение над всеми другими религиозными культурами древних китайцев. Шан-ди не стал единым, могущественным божеством, он не стал богом, творящим все сущее, не стал богом, управляющим природной стихией. Его влияние ограничивалось социальной и политической сферой, включающей взаимоотношения между правителем и подданными. По словам Л.С. Васильева, культ Шан-ди «не превратился в культ великого бога, который имел бы много храмов и жрецов и пользовался бы всеобщим молитвенным поклонением. В условиях древнего Китая культ Шан-ди остался культом родоплеменной знати, видевшей в Шан-ди своего предка. Поэтому культ Шан-ди, как и культ других родовых предков в Китае, имел скорее рациональный, нежели эмоциональный характер» [7, с. 53].

Рациональный характер культа Шан-ди определялся исключительно прагматическим отношением правителей Шан-Инь к своему тотемному предку как гаранту их власти. Главное предназначение Шан-ди как божества состояло в том, что он был прямым предком правящего клана Шан-Инь, идеологическим фундаментом их государственного управления.

Литература

1. История Китая / под ред. А.В. Меликсетов. – М., 2004.
2. Цыренова Т.Б. Государственное управление в области охраны и использования водных ресурсов в условиях трансграничья (на примере Российской Федерации и Монголии) / под ред. И.И. Осинского. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011.
3. Яблоков И.Н. Философия религии. Актуальные проблемы. – М., 2007.
4. Ван Сяодунь. Ранние верования и древние божества Китая (王小盾. 原始信仰中国古神). – Шанхай, 1989.
5. Основы религиоведения / под ред. И.Н. Яблокова. – М., 2005.
6. Янгутов Л.Е. О буддийских религиозных верованиях Китая (ч.1) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – №6(1).
7. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. – М., 2001.
8. Янгутов Л.Е. О буддийских религиозных верованиях Китая (ч.2). Религиозные верования в период династий Шан-Инь и Чжоу // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – №6(2).

Халтаева Оюн Радиевна, методист Регионального технического колледжа, г. Мирный, e-mail: rtk-mirny@mail.ru

Khaltayeva Oyun Radievna, methodologist, Regional Technical College, Mirny, e-mail: rtk-mirny@mail.ru

УДК 101.1:316

© С.М. Соколов

ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЕВРАЗИЙСТВА*

*Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 14-18-02006

В статье рассматриваются основные положения этнологической концепции классического евразийства, важные для понимания самобытности России как евразийской цивилизации. Выделен комплексный подход лидеров евразийства к обоснованию вопросов этнической истории русского народа. В частности, анализируются идеи П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого и Г.В. Вернадского, которые акцентировали внимание на восточных корнях русского этноса и евразийской культуры, исходя из истории не только собственно русского народа, но и восточных славян.

Ключевые слова: *евразийство, евразийский культурно-исторический (цивилизационный) тип, суперэтнос.*

S.M. Sokolov

ETHNOLOGICAL CONCEPTION OF EURASIANISM

The article discusses the main statements of ethnological conception of classical Eurasianism, important for understanding the identity of Russia as a Eurasian civilization. The complex approach of the Eurasianism leaders to justification of the issues of ethnic history of the Russian people has been highlighted. In particular the ideas of P.N. Savitsky, N.S. Trubetsky and G.V. Vernadsky are analyzed; they focused on the Eastern roots of the Russian ethnicity and Eurasian culture based on the history of not only of the Russian people, but of the Eastern Slavs as well.

Keywords: *Eurasianism, Eurasian cultural-historical (civilizational) type, superethnos.*

В гуманитарном дискурсе, особенно западной науки, с конца XIX в. началась разработка этнологической проблематики. Пионерами в области российской этнологии можно считать лидеров классического евразийства 1920-х гг. – Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского, Н.Н. Алексеева и «последнего евразийца» Л.Н. Гумилева. Именно они первыми стали широко употреблять данный термин.

Доктрина классического евразийства включала в себя различные области знания: историю, философию, философию культуры, культурологию, лингвистику, этнопсихологию, правоведение, географию, экономику, политологию, геополитику. Это обусловило значимость этнологического обоснования самобытности России как евразийской цивилизации. Лидеры евразийства развили идею Н.Я. Данилевского, считавшего, что цивилизация – это определенный культурно-исторический тип культуры, с присутствующими ему характерными чертами. Как писал Савицкий: «Ряд культурно-исторических типов, намеченный Данилевским, продолжим евразийским культурно-историческим типом. И в этом продолжении опремяся, между прочим, на то, что евразийскому типу отвечает точно определимое, своеобразное “месторазвитие”». Отмечая, что философы истории и этнологи нередко говорят о «выборе» определенным народом среды местожительства, Савицкий подчеркивал, что необходимо умение сразу смотреть на социально-историческую среду и на занятую ею терри-

торию [5, с. 291]. Понятие «Евразия» требовало анализа и выявления внутреннего содержания евразийской природы России, корни которой «в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различнейших рас» [5, с. 295].

Исследователи исходили из того, что Евразия – это еще не проявивший себя «континент в себе», «континент-океан», вполне сопоставимый с Европой, а по некоторым параметрам даже превосходящий ее, например, по духовности и по полиэтничности, которую впоследствии Гумилев назовет суперэтничностью. Под суперэтносом (в прямом значении «супер» – над) принято понимать совокупность племен, родов, народов-этносов или же наднациональную стадию развития народов, а также особое состояние национального развития. В России на основе исторически сложившейся полиэтнической семьи народов различных национальностей возник российский суперэтнос, включающий в себя русский суперэтнос.

Термину «суперэтнос», у евразийцев соответствовали в качестве синонимов понятия «этнологическая личность», «симфоническая личность», «соборная личность», «многонародная личность», «многочеловеческая личность», «единая культурная личность». Так, например, Алексеев, говорил о том, что «евразийское государство-мир представляет собою еще образование многоплеменное и многонациональное, и к множеству евразийских народов приложимо выражение «наднациональное целое на националь-

ных основах». «Наднациональность» подобного политического образования есть иное выражение для обозначения принадлежности всех евразийских народов к единой культурной личности» [1, с. 130].

Основное внимание в этнологической концепции евразийцев уделялось русскому суперэтносу. Как известно, сохраняется неоднозначное отношение к данному понятию. В связи с этим представляет интерес мнение Г.А. Югая: «понятие русского суперэтноса имеет право на существование, потому что этногенез никогда не бывает моноэтническим. Как минимум, он состоит из двух и более этносов. Например, в России он сложился из русов, скифов и варягов» [8, с. 130]. Самобытная сущность России, «русского сфинкса», как евразийского культурно-исторического типа, в работах евразийцев связывалась с его восточными корнями, что выразилось в идее Трубецкого, Савицкого и Вернадского о синтетической природе русских.

Так, в работе «О туранском элементе в русской культуре», которая была неоднозначно воспринята научным сообществом, Трубецкий подчеркивал, что «сопряжение восточного славянства с туранством есть основной факт русской истории», что «если трудно найти великорусса, в жилах которого так или иначе не текла бы и туранская кровь, то совершенно ясно, что для правильного национального самопознания нам русским необходимо учитывать наличность в нас туранского элемента, необходимо изучать наших туранских братьев» [6, с. 130]. Под туранскими народами (в широком смысле, как они сами указывали) евразийцы понимали угрофиннов, самоедов (сохранившихся в Архангельской губернии и северо-западной Сибири), тюрков (татары, балкарцы, башкиры, киргизы, туркмены, алтайцы, якуты и др.), монголов (в пределах России – буряты, калмыки), маньчжур (кроме собственно маньчжуров, гольды и тунгусы – эвенки). Главным ранним «туранским элементом» они считали тюркский.

Вернадский в большом исследовании «Киевская Русь», рассматривая взаимоотношения Киевской Руси и Востока, отмечал, что «для русских было намного проще иметь контакты с половцами, поскольку язычники были меньше привязаны к своей религии, нежели мусульмане, и не возражали против принятия христианства, если в этом была необходимость, в особенности это касалось женщин. Вследствие этого смешанные браки между русскими князьями и половецкими князьями были частыми. Среди князей, которые заключали подобные альянсы, были такие выдающиеся правители как Святополк

II и Владимир II Киевские, Олег Черниговский, Юрий I Суздальский и Киевский, Ярослав Суздальский и Мстислав Храбрый» [2, с. 385].

Евразийцы много писали о том, что Восток врос в само тело России, он стал одним из неотъемлемых слагаемых русского духовного и этнического типа. Трубецкий считал, что склонность к созерцательности и приверженность к обряду «чужды другим православным славянам и скорее связывают Россию с неправославным Востоком. Удаль, ценимая русским народом в его героях, есть добродетель чисто степная, понятная тюркам, но непонятная ни романогерманцам, ни славянам» [6, с. 133]. В одной из своих статей («Поворот к Востоку») Савицкий подчеркивал: «Много ли найдется на Руси людей, в чьих жилах не течет хазарской или половецкой, татарской или башкирской, мордовской или чувашской крови? Многие ли из русских всецело чужды печати восточного духа: его мистики, его любви к созерцанию, наконец, его созерцательной лени?» [5, с. 136]. Отвечая на антивосточную критику оппонентов, связанную с указанием на то, что евразийцы отказываются от своей славянской крови, Савицкий обращал внимание: «русские евразийцы отнюдь не отказываются от своего славянского происхождения; они изучали и будут изучать «общеславянский элемент в русской культуре». Но они считали бы постыдным отречься и от своих туранских предков, а о том, что такие предки есть, свидетельствует хотя бы многочисленность русских семей татарского происхождения» [5, с. 184].

Следует сказать, что вопросы, поднятые евразийцами в свое время стали важными для сибирского областничества, и нашли свое отражение в трудах А.П. Щапова, который писал: «Когда мы говорим «история великорусского народа», то у нас, прежде всего, рождается вопрос: да будет ли то история великорусского народа, когда обозревая полный цикл фактов ее исторической жизни, мы то и дело будем встречаться на площади русской земли с многочисленными разнообразными племенами финскими и турко-татарскими, которые доселе еще населяют целые области и сплошными массами пестреют среди русского народонаселения?». Щапов подчеркивал, что «когда мы говорим: дух, характер, миросозерцание, идея русского или великорусского народа, то невольно представляется другой вопрос: да есть ли, образовался ли единый, цельный тип великорусской народности, чтобы можно было об ней составить единичную, цельную, возможно полную и отчетливую ясную идею? Чистая ли славянская

кровь течет в жилах великорусского народа? Не составляет ли он амальгаму или органическое порождение различных народных элементов?» [7, с. 15]. Из рассуждений видно, что один из крупнейших сибирских историков-публицистов 60-70-х гг. XIX в. выдвинул задачу изучения этногенеза русских в рамках истории Евразии.

Савицкий, Трубецкой, Вернадский пошли дальше, отдавая предпочтение восточным корням русского этноса и евразийской культуры, исходя из истории не только собственно русского народа, но и восточных славян. Как известно, хронологический счет официальной истории русской культуры ведется с крещения Руси в X в., в результате чего, по мнению евразийцев, многовековой языческо-евразийский период истории Руси выпал из нее. Между тем, с языческо-полиэтнического периода начинается и суперэтническая история Руси, с VII в. – скифского периода. Русь изначально была евразийско-полиэтническим суперэтносом.

Имеется специальный доклад Савицкого «Русские среди народов Евразии (методологическое введение в проблему)», прочитанный в 1934 г. на съезде историков в Варшаве, в котором рассматривались вопросы этногенеза восточных славян. В нем Савицкий разграничивает европейское славянство и восточных славян, которые в своем историческом развитии «соприкоснулись с народами финно-угорского, турецкого, монгольского и маньчжурского корня (а также с палеоазиатами)», что обусловило особенности «общекультурного облика» евразийских славян. Исследователь отмечал: «Задача заключается в том, чтобы определить в какой мере отдельные своеобразные (в отношении остального славянства) особенности русского племени определились его восточными связями» [5, с. 196]. Интересно указание на то, что «по целому ряду вопросов русская народная культура примыкает именно к востоку», так что граница «востока» и «запада» иной раз проходит именно между русскими и славянами, южные славяне иногда сходятся с русскими не потому, что те и другие – славяне, а потому, что те и другие испытали сильное тюркское влияние.

Утверждение евразийцев о том, что основу русской нации, принадлежащей к особому культурно-историческому миру, составляет евразийское славянство, позволило по-новому посмотреть на киевские истоки русской истории, этнографии, фольклора. Отмечая в докладе значимость возникающей науки, истории Евразии, Савицкий указывал на книгу Вернадского «Опыт истории Евразии», в которой, говоря о

том, что вся история Византийского царства была связана и со степным Востоком, Вернадский подчеркивает: «Теми же отношениями окрашены ранние века русской истории, ее “домонгольский период” – Киевская Русь». В результате «русская цивилизация и культура постепенно пропитывались началами, с одной стороны, византийской (то есть греко-восточной) цивилизации и культуры степных кочевников, перенимая от них одежду и оружие, песнь и сказку, воинский строй и образ мыслей» [2, с. 384]. Один из ранних евразийцев Г.В. Флоровский, позже отошедший от евразийства, развивая идею о культурно-исторической равноценности народов и утверждая, что Россия есть в высшей степени сложная историческая формация, указывал: «Не трудно различить в русском быте разнородные слои – варяжский, византийский, славянский, татарский, финский, польский, московский, “санкт-петербургский” и прочие, и не трудно возвести эти осадочные образования к определенным причинно-действиям» [4, с. 35].

Достижением евразийского обоснования «туранского элемента» в этнической истории русских явилось то, что оно представляло собой синтез истории, этнографии, культурологии, географии. Особый интерес представляет обращение евразийцев к рассмотрению типологических и контактных взаимосвязей восточных славян и «туранских народов» в области литературы и искусства. В своих исследованиях они большое внимание уделяли восточным истокам, которые обнаруживаются в древнерусских литературных произведениях разных жанров (сказаниях, хождениях и др.), как, например: «Повесть временных лет», «Слово о законе и благодати», «Хождение за три моря» Афанасия Никитина.

Известно, что в свое время такие крупнейшие филологи, как А. Веселовский, Ф. Буслаев, А. Афанасьев писали о внутренней близости восточных мифов, легенд, сюжетов. Эти и другие ученые обращали внимание на то, что восточный колорит всегда сопровождал русскую культуру, литературу, музыку, устное народное творчество. Вернадский, рассматривая быт и народную культуру Киевской Руси, обращал внимание на то, что тюркские образцы также ясно выявляются в русском фольклоре, как в былинах, так и в волшебных сказках и поразительное сходство в строе гаммы русской народной песни с песнями некоторых тюркских племен. Он, в частности указывал: «Некоторые древнерусские песни сложены в так называемом пентатонном звукоряде, за самый короткий ин-

тервал в котором принят “тон” или “полный интервал”. Как заметил князь Н.С. Трубецкой, подобный звукоряд встречается в народной музыке тюркских племен бассейнов Волги и Камы – башкир, сибирских татар, тюрков Центральной Азии, а также у аборигенов Сиам, Бирмы и Индокитая. В этом смысле музыку, по крайней мере, одной группы древнерусских народных песен, можно назвать скорее евразийской, чем европейской. На Украине пентатонный звукоряд обнаруживается только в небольшом количестве очень древних песен, среди других славян его использование еще более редко» [2, с. 274].

Евразийская концепция этногенеза русских, основанная на том, что в образовании русской нации большую роль сыграли, прежде всего, тюркские и угро-финские племена, населявшие единое с восточными славянами «месторазвитие» и постоянно взаимодействовавшие с ними, не могла быть воспринята однозначно. Так, бывший соратник, Флоровский писал: «О родстве с Азией, и кровном и духовном, евразийцы говорят всегда с подъемом и даже упоением, и в этом подъеме тонут и русские, и православные черты» [3, с. 376]. Еще более резко высказался известный русский мыслитель И.А. Ильин: «Нет, русскую самобытность нельзя создать на путях татаризации русского духа. Самая мысль эта есть больной и оригинальничаящий выверт» [3, с. 353]. Оппоненты не принимали во внимание тот факт, что евразийцы не раз отмечали – русская народность и русская культура, посто-

янно видоизменяясь, сохраняли все-таки основные черты. Они призывали: «Мы должны осознать себя евразийцами, чтобы осознать себя русскими» [5, с. 40]. Этнологическую концепцию евразийцев можно считать одной из ключевых при обосновании евразийского культурно-исторического (цивилизационного) типа.

Литература

1. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М.: Аграф, 1999.
2. Вернадский Г.В. Киевская Русь. – Тверь: Леан; Москва: Аграф, 2000.
3. Мир России – Евразия: антология / сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. – М.: Высшая школа, 1995.
4. Россия между Европой и Азией. Антология. – М.: Наука, 1993.
5. Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997.
6. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 1999.
7. Шапов А.П. Неизданные сочинения. – Казань, 1926.
8. Югай Г.А. Общность народов Евразии – арьев и суперэтносов как национальная идея: Россия и Корея. – М.: Беловодье, 2003.

Соколов Сергей Макарович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института устойчивого развития Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ, e-mail: kapkataphaev@mail.ru

Sokolov Sergey Makarovich, candidate of philosophical sciences, associate professor, department of philosophy, Institute for Sustainable Development, East-Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, e-mail: kapkataphaev@mail.ru

УДК 101.1:316

© А.Е. Беляев

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ САМОДЕРЖАВИЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ И.Л. СОЛОНЕВИЧА И РУССКИХ КОНСЕРВАТОРОВ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

В статье раскрывается осмысление феномена русского самодержавия в политической публицистике известного деятеля русской эмиграции И.Л. Солоневича, а также в его итоговом труде «Народная Монархия». Основное внимание автор акцентирует на самобытности русского самодержавия, построенного на глубоком моральном принципе легитимизма, в отличие от византийской традиции, где сила порождает право и власть, а также принципиально несхожести самодержавия с западноевропейским абсолютизмом.

Ключевые слова: монархия, самодержавие, республика, диктатура, власть, президент, русский народ.

А.Е. Belyaev

POLITICAL SPECIFICITY OF AUTOCRACY IN JOURNALISM OF I.L. SOLONEVICH AND RUSSIAN CONSERVATIVES OF THE LATE XIX – FIRST HALF OF XX CENTURIES

The article reveals the understanding of the phenomenon of the Russian autocracy in political journalism of the famous figure of the Russian emigration I.L. Solonevich, and also in his final work «The national monarchy». The author focuses the main attention on the identity of the Russian autocracy, built on a deep moral principle of legitimism, in contrast to the Byzantine tradition, in which power generated right and authority, and also on the fundamental differentiation of autocracy and Western European absolutism.

Keywords: monarchy, autocracy, republic, dictatorship, power, President, the Russian people.

Обычный постсоветский человек, родившийся до 1991 г., имеет самое искаженное представление о русском самодержавии. Сознание обывателя пропитано набором штампов: монархия – абсолютизм; деспотизм, создавший крепостное право; власть случайного рождения; Российская Империя – «тюрьма народов» и т.д. Основа политических и социально-философских взглядов формируется в семье, школе и в потребляемых продуктах массовой культуры (телевидение, художественные и документальные фильмы и т.д.).

Советское государство было республиканским государством с элементами диктатуры. Российская Федерация, объявившая себя правопреемницей СССР, есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Так, по крайней мере, задекларировано в Конституции 1993 г. Однако объективная реальность заключается в том, что в настоящий момент под «крышей» республиканской формы правления благополучно пригрелись 10% самых богатых собственников РФ, которые получают 33,5% всех доходов в стране. Долларовых миллиардеров в стране – 96 человек. По данным 2011 г., по уровню коррупции Россия стоит наравне с Угандой и Нигерией, занимая 143 место из 182 возможных. 52% российской экономики составляет теневой сектор [7]. Можно долго перечислять негативную статистику современной республиканской России. Мы напрямую ее связываем с республикой как принципом политической организации современного общества.

Постсоветское общество находится под тотальной пропагандой республиканских идей и правосознания. Республика как форма правления была навязана народам России 1 сентября 1917 г. А.Ф. Керенским, пришедшим к власти в результате государственного переворота февраля 1917 г., сокрушившим историческую форму русской власти – самодержавие.

К сожалению, многие до сих пор еще не знакомы с консервативными взглядами таких мыслителей, как, например, М.Н. Катков, К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев, В. П. Мещерский, С.Ф. Шаронов, Н.И. Черняев, Д.А. Хомяков, Л.А. Тихомиров, П.Е. Казанцев, И.А. Ильин и др.

Имя Ивана Лукьяновича Солоневича (1891–1953), выдающегося публициста и мыслителя русского зарубежья, не получило широкого распространения. «История русского народа еще не написана» [13, с. 201]. Такую потенциально дискуссионную мысль мы встречаем у Солоневича. Уроженец крестьянского сословия, белорус,

окончивший Санкт-Петербургский государственный университет в 1917 г. и проживший в СССР до 1934 г., успешно бежал из беломорбалтийского концлагеря и стал эмигрантом. Он не пожелал служить Гитлеру в 1941 г., за что попал в ссылку под надзор гестапо. Независимо мыслящий публицист Солоневич в Уругвае в итоговом труде «Народная Монархия» предпринимает попытку написать историю русского народа, очищенную от интеллигентских и дворянских домыслов. Учение о народной монархии обрело у Солоневича глубокую концептуальную оформленность и, соглашаясь с А.П. Ланшиковым, считаем необходимым вслед за ним повторить о непоколебимости концепции Солоневича – «его концепция <...> созидает целостное мировоззрение» [13, с. 511].

Юридически самодержавие оформилось к середине XVI в. Однако его зачатки встречались уже в XII в. у Андрея Боголюбского, основавшего столицу русского государства во Владимире. Л.А. Тихомиров писал о Боголюбском, что он начал «радикальную ломку старого строя на началах единодержавия» [17, с. 224]. И.А. Ильин называет Боголюбского «сильным и мудрым князем» [3, с. 441]. Боголюбский (1157–1174) и Всеволод Большое Гнездо (1176–1212) правили самовластно, не считаясь с мнением бояр и вечевых собраний. Этим Суздальская земля в корне отличалась от Новгородской вечевого республики с ее «вольностью в князьях» и от Галицкой Руси, где господствовала боярская олигархия. Галиция на 600 лет попала под власть Польши. Корни московского Самодержавия лежат вовсе не в традициях деспотичной Золотой Орды. И в том, что именно из земель северо-восточных «украин» (окраинных земель) Киевской Руси развился центр Великой России, есть в громадной мере заслуга русских самодержцев, неутомимо собиравших русские земли [6, с. 167–174]. Ни Новгород, ни Галич, ни Литва не смогли выполнить эту задачу.

И.Л. Солоневич отмечает, что желание самовластия «были свойственны решительно всем князьям» [13, с. 285]. Дело не в желаниях, а в возможностях. Боголюбский такие возможности в отличие от других князей сумел изыскать. Солоневич усматривает государственные способности Андрея Боголюбского в его опоре на «низовую массу». Он перенес свою резиденцию в «захудалый», «нищий» Владимир, где не было никакой аристократии, где жили смерды и холопы. И там масса, «мизинные люди», противостоящие боярству, поддержали его. В княжении Боголюбского Солоневич усматривает «зарож-

дение московского самодержавия, при его чисто народном демократическом рождении» [13, с. 285–291].

В подтверждение своей самобытной народномонархической концепции Солоневич приводит множество фактов из русской истории.

Василий II Темный (1415–1462), наследовал великокняжеский престол в возрасте 10 лет и, что немаловажно отметить, без санкции ордынского царя [2, с. 35]. Л. Тихомиров пишет: «его сан и его власть великого князя отстояли не он сам, а окружающие, бояре и население. Под их охраной вырос Василий» [17, с. 228]. Солоневич отмечает, что когда Василий II летом 1445 г. попал в татарский плен, Москва для выкупа князя собрала 200 тыс. рублей. Для сравнения он приводит пример, что после Смутного времени, то есть полтора столетия спустя, Москва по Столбовскому миру заплатила Швеции контрибуцию в 20 тыс. рублей. 200 тыс. рублей были неслыханной суммой. «Зачем же москвичи собрали ее, и почему московский посад отдавал свои последние рубли? – вопрошает Солоневич. – Кажется бы, избавились от «деспота», – и слава Тебе, Господи» [13, с. 307]. А.А. Зимин отмечает, что вопрос о сумме выкупа Василия II из плена, и о том был ли выкуп уплачен, остается открытым [2, с. 107].

Развивая тезис о народном характере самодержавия, Солоневич указывает: в битве при реке Шелонь в 1471 г. новгородские низы и пригороды не пожелали поддержать свою аристократию, а перешли на сторону Иоанна III [16, с. 162]. В Шелонской битве произошло решающее сражение. Со стороны Новгорода было выставлено 40 тыс. ратников, со стороны Москвы – 5 тыс. ратников. В битве погибло 12 тыс. новгородских ратников [20, с. 860, 861].

В 1472 г. Иоанн III (1440–1505) женился вторым браком на Софье Палеолог и первым из князей стал именовать себя «самодержец». При нем московские книжники объявили Московское царство наследницей Византии. С 1497 г. гербом Русской Монархии стал византийский герб – двуглавый орел [11, с. 186]. Иоанн III отказался платить дань Золотой Орде. И именно с Иоанна III, после десятидневного стояния на реке Угре 1480 г. и отказа золотоордынского князя Ахмат-хана идти на Русь войной, Московское царство стало политически суверенным. Л.В. Черепнин указывает, что к середине 80-х гг. XV в. после ликвидации политической независимости ряда русских княжеств образовалось Русское единое централизованное государство во главе с Москвой, с «монархией централизованного типа» [20, с. 5–6].

Василий III (1479–1533) сделал ставку на иосифлян (последователей Преподобного Иосифа Волоцкого), принял теорию Божественного происхождения самодержавия и приступил к строительству теократического государства. В правление Василия III власть московского князя превратилась в самодержавную не только по названию, но и по существу. Правитель Москвы называл себя царем в отношениях с Данией, Турцией, Священной Римской империей, Ливонским орденом, Швецией [19, с. 265–278].

Но если самодержавие как практика сложилась целиком на русской почве, то идеологическое обоснование самодержавия в значительной степени пришло из Византии. Русские мыслители были склонны преувеличивать византийское влияние на русскую идеологию. Если, например, К.Н. Леонтьев считал, что Россия политическую идею монархии взяла из Византии: «Византизм в государстве значит – самодержавие» [8, с. 35], то Солоневич категорически опровергал его тезис, приводя пример, что из 109 византийских императоров своей смертью умерло только 35: остальные 74 были убиты [13, с. 252]. Л.А. Тихомиров отмечает, что заговоры и попытки переворотов, кровавые расправы были в Византии чуть не постоянной нормой политики. За 1123 года существования Византийской империи в ней произошло 25 перемен династий. Из 25 человек, осуществивших государственные перевороты, 10 человек не успели утвердиться достаточно для основания своей династии. Л.А. Тихомиров разделяет историю Византии на 2 эпохи: в первой эпохе на престоле побывало 17 династий с 43 императорами. Вторая эпоха (842–1453 гг.) имела 8 династий с 43 императорами. 29 человек захватили власть посредством бунта и заговора, 34 императора были низвергнуты, 12 были убиты, 3 отравлены, 5 ослеплены, остальные заточены в монастыри и тюрьмы [17, с. 183].

Солоневич не признает за Византией монархии, поскольку там отсутствовал основной юридический признак монархии – законное наследование престола. По его мнению, там была не Империя, а «цезаризм». Солоневич глубоко возмущался тем, что Византийская Церковь религиозно оправдывала беззаконие: «Патриарх Полувект, коронуя цареубийцу Цхимисия, провозгласил новый догмат: таинство помазания на царство смывает все грехи, в том числе и грех цареубийства» [13, с. 252–253].

Русская монархия имеет мало общего с византийской, потому что в основу самодержавия положен серьезный моральный принцип легитимизма. Правда, и К.Н. Леонтьев указывает на

«родовое монархическое чувство, этот Велико-русский легитимизм был сперва обращен на дом Рюрика, а потом дом Романовых» [8, с. 91]. От Византии Русь получила христианство и культуру, однако никакого политического влияния, по мнению Солоневича, Византия не оказала [13, с. 258].

Укреплению Самодержавия способствовала религиозная концепция старца Филофея «Москва – Третий Рим», возникшая в 1523–1524-х гг., а венчание на царствие 16 января 1547 г. в Москве Иоанна IV (1533–1584) оказало мессианское значение для Русского государства. Факт венчания резко возвысил Иоанна IV над всеми королями западноевропейских держав [1, с. 41]. Политическую концепцию московских книжников XV–XVI о сущности царской власти и ее самодержавном характере Иоанн IV перевел из области теории в сферу государственной политики [19, с. 264]. И.А. Ильин отметил: «в России потребность в олицетворении была столь религиозно-подлинна и художественно непоколебима, что все жестокости и мероприятия Иоанна Грозного (“переворот людшек!”) не ослабили монархического чувства в правосознании русского народа». Ильин писал, что художественно одаренный народ в глубине души «всегда останется предрасположенным к монархии и склонным к монархической реставрации: стоит только этой потребности проснуться в его политическом правосознании» [3, с. 460].

По формулировке Солоневича, самодержавие – это историческая форма правления, которой нигде больше не было в мире и нет, «совершенно своеобразное сочетание начал авторитета и демократии, принуждения и свободы, централизации и самоуправления» [13, с. 231]. В традициях русского консерватизма он рассматривал ее исключительно как надклассовую власть. Это власть, основанная на религиозно-нравственных началах, стоящая над партиями, классами и народами страны, бесспорная по праву наследования [15, с. 155]. Сравним у М.Н. Каткова: «Трон затем возвышен, чтобы пред ним уравнивалось различие сословий, цехов, разрядов и классов. Бароны и простолюдины, богатые и бедные при всем различии между собой равны пред Царем» [5, с. 384]. О надклассовой природе государства также писал И.А. Ильин: «государство и государственная власть суть учреждения не классовые, а всенародные; их задача в созидании общего блага, а не личного, не частного и не классового» [4, с. 289].

Согласно концепции Солоневича, в России царь был представителем народной массы [16, с. 72], и самодержавие было создано русским

народом [13, с. 56]. В.О. Ключевский отмечал: «в России по ее политической организации в воле Царя выражается мысль его народа, а воля народа становится мыслью его Царя» [7, с. 224]. Аналогично рассуждает Н.Е. Марков: «Идея – Царь и народ – великая идея, идея исторически выношенная, идея, глубоко и прочно впитавшаяся в самые недра души народной» [9, с. 370].

Солоневич, развенчивая либеральную ложь о русском «абсолютизме», развивал тезис о том, что «неограниченной монархии в природе не существует и существовать не может» [16, с. 178]. Подобные мысли встречаются у В.П. Мещерского: «старая, исключительно русская идея самодержавия не только не усиливается, но профанируется и оскорбляется в своем религиозном смысле от приставления к ней глубоко-нехристианского слова “неограниченный”. Это слово языческого рабства, мусульманского деспотизма... <...> Это слово, с точки зрения государственной этики, бессмысленно, ибо бессмысленно говорить “монарх самодержавный и неограниченный”, когда монарх самодержавный в государственном смысле не может быть ограниченным» [10, с. 53].

Для человека православного нет сомнений в том, что самодержавие – Богом установленная Верховная власть. Л.А. Тихомиров доказывает, что «формы построения Верховной власти обуславливаются нравственным настроением народа. При этом если в народе имеется стремление подчинить государство верховенству этического начала, единственным орудием для этого является неограниченная монархическая власть» [18, с. 455]. Верховная власть всегда проста и основана на «одном из трех вечных принципов»: монархии, аристократии или демократии. Верховная власть при монархии есть власть нравственного народного идеала [17].

Заслуживают серьезного внимания труды Н.И. Черняева: «О русском самодержавии» (1895 г.), «Необходимость самодержавия для России. Природа и значение монархических начал» (1901 г.), «Мистика, идеалы и поэзия русского самодержавия» (1904 г.) и «Из записной книжки русского монархиста» (1904). Согласно учению Черняева, для огромной по территории России, с населением, с отсутствием естественных границ на юге и западе, самодержавие есть политическая неизбежность, продиктованная постоянно сохраняющейся внешней опасностью. Необходимость самодержавия он обосновывает географическим детерминизмом: «Наши западные окраины находятся в руках племен, чуждых нам и по культурной закваске, и

по историческому прошлому. Только сильная центральная власть может сдерживать их сепаратистские стремления и заставлять их служить государственным и национальным целям России» [21, с. 22–26].

По мнению И.Л. Солоневича, роковой ошибкой Петра I является отмена сложившегося порядка престолонаследия: «Писанный закон 1722 г. был писанным беззаконием, нарушившим неписанный закон страны» [13, с. 464]. Петр I подорвал престолонаследие и монархию. Солоневич период русской истории от Петра I и до Павла I называет «диктатурой дворянства». В отношении XVIII в. Солоневич крайне категоричен, утверждая, что в тот момент произошел «надлом русской монархической идеи» и монархии в России не было [17, с. 179]. Екатерину, «вечно пьяную девку», Елизавету, Анну и прочих цариц Солоневич не признает «самодержавцами», считая это нелепостью. Обычно прикладываемый к Екатерине II эпитет «Великая» Солоневич упорно берет в кавычки. Павел I был первым, кто начал восстанавливать утраченное самодержавие, а Николай I его восстановил 14 декабря 1825 г., и «в первый раз за сто лет показал вооруженным рабовладельцам декабризма железную руку и ежовые рукавицы самодержавия» [13, с. 463–488].

Солоневич считал: «Московское “самодержавие” было ограничено: Церковью, Думой, Собором – но главным образом Церковью. <...> Самодержавие московских Царей было без “конституции” ограничено с очень многих сторон, самодержавие XVIII в. мадам де Сталь назвала так: “абсолютизм, ограниченный цареубийством”, ограничение похуже любой “конституции”. Такого “ограничения” Москва не знала. Самодержавие XIX в. было властью императоров, ограниченной цареубийствами, диктатурой дворянства и угрозой новой пугачевщины» [17, с. 178]. В памяти невольно всплывают судьбы Петра III, Иоанна VI Антоновича, Павла I, Александра II и Николая II.

Для русских консерваторов неприемлемо любое ограничение самодержавия. В.П. Мещерский считал, что русский народ на некоторое время способен допустить ограничение царской власти, однако позже уничтожит тех, кто пытался эту власть как-то ограничивать – «народ эту чужую власть уничтожит и снова спасет силу царской власти и Россию» [10, с. 51]. Согласно учению Л.А. Тихомирова, «конституционная» монархия, сочетающая будто бы различные элементы в одной Верховной власти, есть в действительности не что иное, как «еще не вполне организованная демократия» [17, с. 57].

В 1940 г. И.Л. Солоневич писал: «Монархия является не только формой правления, типически свойственной русской национальной идее, но точкой концентрации всех творческих национальных сил» [14]. В 1952 г. он пришел к выводу, что «русская монархия является наибольшим приближением к идеалу монархии вообще. Этого идеала монархия не достигла никогда – и по той общеизвестной причине, что никакой идеал в нашей жизни недостижим. В истории русской монархии <...> были периоды упадка, отклонения, неудач, но были и периоды подъемов, каких мировая история не знала вообще» [13, с. 86].

История показала превосходство русского самодержавия над политическим строем Великого княжества литовского, а затем и сменившей его Речи Посполитой. Выборная монархия, ограниченная в интересах польских магнатов и шляхты, привела к полной деградации и государства и общества Речи Посполитой, территорию которой позже расчленили между собой сильные соседи. Нечто подобное, только со спецификой немецкого «орднунга» (порядка) было характерно для т.н. «Священной Римской империи», или Первого рейха. Наследственная монархия первых германских кайзеров сменилась выборной, причем выбирали нового кайзера лишь семь князей-выборщиков (курфюрстов). Такая странная и нелепая империя была упразднена Наполеоном росчерком пера.

Итак, политическое своеобразие русского самодержавия, изучение которого начиналось только столетие назад, пока еще остается малоисследованным материком русской мысли.

Литература

1. Володихин Д.М. Иван IV Грозный. – М.: Вече, 2010. – 320 с.
2. Зимин А.А. Витязь на распутье: феодальная война в России в XV веке. – М.: Мысль, 1991. – 286 с.
3. Ильин И.А. О монархии и республике // Собр. соч.: в 10 т. / сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская книга, 1994. – Т.4. – 624 с.
4. Ильин И.А. Черносотенство // Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии: собр. соч. (1906–1954) / сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская книга, 2001. – 560 с.
5. Катков М.Н. Единственный царский путь // Имперское слов. – М.: Москва, 2002. – 512 с.
6. Ключевский В.О. Исторические портреты. – М.: Вече, 2005. – 480 с.
7. Коловангин П.М. Теневая экономика и противодействие коррупции: учеб. пособие для сотрудников МВД России. – СПб.: Написано пером, 2013.
8. Леонтьев К.Н. Либерализм как разрушение христианской культуры // Славянофильство и грядущие судьбы России. – М.: Институт русской цивилизации, 2010.
9. Марков Н.Е. Ответ монархиста // Войны темных сил (1921–1937): ст. – М.: Москва, 2002. – 528 с.

10. Мещерский В.П. За великую Россию. Против либерализма / сост. и коммент. Ю.В. Климакова. – М.: Изд-во Ин-та русской цивилизации, 2010. – 624 с.

11. Скрынников Р.Г. Иван III. – М.: АСТ Москва, Транзиткнига, 2006. – 285 с.

12. Солоневич И.Л. XX век. Так что же было? – М., 2009. – 496 с.

13. Солоневич И.Л. Народная Монархия. – М.: Веникс, – 1991. – 512 с.

14. Солоневич И.Л. Политические тезисы российского народно-имперского (штабс-капитанского) движения [Электронный ресурс]. – URL: <http://gosudarstvo.voskres.ru/heald/slnevch3.htm> (дата обращения 23.06. 2014).

15. Солоневич И.Л. Проект общемонархической программы. Проект программы // Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. – М., 2003. – С.155.

16. Солоневич И.Л. Наша страна. XX век. – М., 2001.

17. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – М.: Облиздат, Амир, 1998. – 672 с.

18. Тихомиров Л.А. Россия и демократия. – М.: Фонд ИВ, 2007. – 464 с.

19. Фроянов И.Я. Драма русской истории: на подступах к Опричнине / под ред. Ю.Г. Алексеева. – М.: Парад, 2007.

20. Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960.

21. Черняев Н.И. Русское Самодержавие / сост. А.Д. Каплин. – М.: Изд-во Ин-та русской цивилизации, 2011. – 864 с.

Беляев Александр Евгеньевич, следователь следственного управления УМВД России по Василеостровскому району г. Санкт-Петербурга, капитан юстиции, соискатель кафедры философии Балтийского государственного технического университета им. Д.Ф. Устинова «Военмех», г. Санкт-Петербург, e-mail: bel76alex@yandex.ru

Belyaev Alexander Evgenievich, investigator, board of investigation, Ministry of Internal Affairs of Russia for Vasileostrovskiy district, Saint-Petersburg, captain of justice, competitor for scientific degree, department of philosophy, Baltic State Technical University named after D.F. Ustinov «Voennmeh», Saint-Petersburg, e-mail: bel76alex@yandex.ru

УДК 37

© М.С. Найденев

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СВЕТСКОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Статья посвящена проблемам взаимодействия светского и религиозного образования в современности, их сосуществованию, обсуждению перспектив сотрудничества. В статье исследуются сущность и структура религиозного образования. Рассматриваются позиции различных авторов относительно вхождения клерикального образования в светские учреждения.

Ключевые слова: образование, религия, общество, культура, идеология.

M.S. Naydenov

INTERACTION OF SECULAR AND RELIGIOUS EDUCATION IN MODERN CONDITIONS

The article is devoted to the problems of interaction of secular and religious education in the present time, to their coexistence, discussion of prospects of their cooperation. In the article the essence and structure of religious education are studied. Positions of various authors concerning introduction of clerical education in secular establishments are considered.

Keywords: education, religion, society, culture, ideology.

В период с 90-х гг. XX в. вплоть до современности, в России увеличилось количество учебных заведений религиозной направленности. Если в 1980-е гг. число религиозных учебных заведений, имевших в СССР официальный статус, было невелико, то на сегодняшний день их количество превысило несколько сотен. В учреждениях осуществляется подготовка на разных уровнях: от базового религиозного образования – до профессиональной подготовки священнослужителей. По состоянию на 1 января 2001 г., согласно статистическим данным Государственного реестра, в России насчитывалось

203 духовных образовательных учреждения различной вероисповедной принадлежности [1, с. 129].

Прежде всего, необходимо дать четкое определение понятию «религиозное образование». Согласно религиоведческой литературе, образование подобного рода можно трактовать как «деятельность, которая занимается трансляцией религиозных доктрин, опыта, чувств, способов культовой практики, осуществляемую профессионально подготовленными лицами (священнослужителями, религиозными педагогами)» [2, с. 12]. В качестве отдельного направления религиозного образования следует выделить бого-

словское, которое занимается профессиональной подготовкой служителей религиозных организаций, специалистов по богословию, педагогов в области богословских дисциплин для духовных учебных заведений различных типов и уровней.

Наиболее важные функции, выполняемые религиозным образованием, следующие: 1) воспроизводство конфессиональных групп – верующих религиозной общины и квалифицированных священнослужителей; 2) инициация личности посредством религиозного образования и воспитания в состав определенной конфессиональной группы; 3) социализация и развитие личности верующего на протяжении всей его жизни; 4) формирование и развитие духовно-нравственной культуры верующих, влияние на культуру нерелигиозных людей, в частности, их этические ценности [3, с. 16]. Реализация данных функций осуществляется при помощи конфессиональных объединений и учреждений религиозного образования, а также посредством института семьи.

В ходе процессов установки адекватных отношений в современности между религиозными организациями и государством, клерикальной и атеистической частями гражданского общества, актуальными становятся поиск и нахождение универсальных форм оптимального взаимодействия светского и религиозного воспитания и образования. Также необходимым является определение наиболее оптимальных границ для влияния религиозного воспитания на образовательный процесс, осуществляемый в светских учебных заведениях. При рассмотрении данного вопроса будет сделан акцент на информацию о православном образовании.

Наиболее актуальной указанная проблема становится с середины 1990-х гг. в связи с тем, что «начали действовать десятки различных партий и движений, выступающих с требованиями обязательного религиозного воспитания детей, введения преподавания религии в школах, создания церковных структур в армии» [4, с. 4]. Отмеченные процессы в обществе носят неоднозначную оценку. Присутствует как позитивное отношение со стороны представителей конфессий, определенной части светских педагогов и государственных служащих, так и противоположная, негативная оценка происходящих процессов (Д.М. Сахарных, А.В. Смирнов). Последнее связано с тем, что расширение перечня образовательных предметов в общеобразовательной школе, присутствие в нем религиозных дисциплин, введение в структуру государственного вузовского образования теологии расцениваются как негативное явление. Сторон-

ники данной позиции считают, что Русская Православная Церковь (РПЦ) получает возможность подготовки священнослужителей за счет бюджета государства, что не приемлемо для светского общества. Обозначенные вопросы затрагивают интересы разных групп и слоев населения и поэтому требуют принятия адекватных решений.

М.О. Шахов разделяет фундаментальную функцию религиозного образования на два основных направления: 1) углубление и расширение знаний и опыта людей верующих, что предполагает дальнейшее профессиональное религиозное образование; 2) первичное ознакомление с историей и содержанием определенной конфессии, предполагающее привлечение на основе определенных знаний в религиозные общины новых членов [5, с. 60].

Если рассмотреть в качестве примера непрофессионального религиозного образования (включающего в себя и религиозное просвещение) образование в православном христианстве, то оно транслируется на следующие учреждения: дошкольное образование (детские сады); среднее общее образование (школы, гимназии, лицеи); дополнительное религиозное образование (православные детские сады, воскресные школы при храмах, курсы изучения катехизиса, лектории).

Основной целью деятельности учреждений непрофессионального религиозного образования является формирование религиозной человеческой личности. Реализация данной цели во многом зависит от уровня квалификации, профессиональной подготовки и личностных качеств священнослужителей. Именно по этой причине различные конфессии уделяют огромное внимание развитию профессионального религиозного образования.

В профессиональном православном образовании можно выделить:

1. Начальный этап образования (получают в духовном училище). Специфика этого уровня образования заключается в равнозначности реализуемых в духовных училищах программ учебным программам духовных семинарий;

2. Этап среднего профессионального образования, реализация которого осуществляется в духовных семинариях. Духовная семинария является учебным заведением религиозного характера с четырехлетним сроком обучения. В духовной семинарии производится обучение священнослужителей для церковной службы в храмах-приходах: углубленным образом изучаются богословские, церковно-исторические, церковно-практические дисциплины, также делается

акцент на приобретении и закреплении навыков профессионального совершения литургии, правильных взаимоотношениях между священником и прихожанами;

3. Этап высшего профессионального образования, постигаемый священнослужителем в духовной академии. Духовная академия является высшим учебным заведением со сроком обучения от четырех и более лет, в котором происходит подготовка священнослужителей-преподавателей церковных духовных учебных заведений, а также специалистов в области религиозных исследований для удовлетворения научно-гуманитарных интересов церкви. Студентами академий изучаются: библейское богословие, древние языки, история, теологии древней церкви и древневосточных нехалкидонийских церквей, славянских церквей, новейшая история поместных православных соборов, различные философские дисциплины [6, с. 30].

4. Этап образования после университета, предоставляющий право выпускнику духовной академии на защиту диссертации и получение богословской степени.

Таким образом, образовательная система духовных православных учреждений обеспечивает воспроизводство отдельной религиозной группы – священнослужителей, которые обладают богословским знанием, навыками практического его применения и являются носителями христианской этики. Обучение в учреждении профессионального православного образования означает помимо профессионального самоопределения человека, также и выбор определенного образа жизни и жизненной позиции. Если выбор абсолютно любого вида светского профессионального образования опирается на рационалистическую мотивацию личности, то с религиозным все обстоит совершенно противоположным образом – здесь выбор обусловлен в большей степени комплексом иррациональных побуждений, психологических установок человека. От квалификации священников, уровня их теоретической подготовки и реализации педагогического потенциала зависит степень эффективности православного образования, а значит и результат – количество и качество неофитов в религиозной общине.

При этом, несмотря на психологическую мотивацию, в среде абитуриентов и священнослужителей православного христианства осознается необходимость соответствия современным фундаментальным научным знаниям. Реализация себя в получении профессионального светского образования приветствуется на всех уровнях системы духовного образования. Данное отно-

шение обусловлено тем, что получение светского образования способствует укреплению взаимопонимания между системами образования и избавлению от предрассудков, а также, по мнению преподавательского состава Екатеринбургского епархиального духовного училища, «наличие высшего или среднего профессионального светского образования обогащает личность священнослужителя» [6, с. 33].

Рост общественного значения светского образования ведет, в свою очередь, к качественным изменениям организационных форм и методов религиозного образования. С утверждением среднего общего образования, доступности бесплатного школьного образования практически всем членам общества исчезает и различие между рядовыми верующими и священнослужителями с точки зрения приобщения их к религиозным истинам, толкованиям по тем или иным вопросам вероисповедания. Однако, отличаясь от светского тем, что в религиозном образовании нет свободы в отношении плюрализма мировоззрений, оно, напротив, задает высокую степень стандартизации и одновременно предоставляет личности удовлетворение определенных духовных потребностей, что может стать первым этапом вовлеченности человека в профессиональную общность.

Рассматривая проблему взаимоотношения светского и религиозного образования, Б.С. Гершунский пишет, что достижение их правильного соотношения должно содействовать «интеграции ментальных (психических) ценностей людей и социумов, постепенному формированию единого ментального пространства цивилизации» [7, с. 556]. При этом образование должно найти и осуществить «решение важнейшей задачи цивилизационного масштаба: вернуть людям веру в высшие нравственные идеалы и ценности, подвести каждого человека к пониманию и внутреннему принятию Смысла человеческой жизни, указать ему путь достижения личностных жизненных устремлений» [7, с. 457]. Анализируя светское образование, А.Ф. Закирова отмечает, что при всех преимуществах оно не может на основе логического и понятийного мышления досконально выразить и освоить явления жизни, поскольку в понятийно-логическом способе постижения мира во многом элиминируются аспекты переживания, остается в тени личностный смысл, заложенный в универсалиях культуры [8, с. 33].

Несмотря на объективность характера светского образования, в нем присутствует ограниченность, которая наиболее интенсивно проявляется при изучении внутреннего мира челове-

ка, межчеловеческих отношений, процесса становления и формирования личности. В.С. Степин считает, что наука способна для изучения всяких явлений и процессов в человеческом мире, но в особом ракурсе и с особой точки зрения. Этот особый ракурс предмета, выражающий одновременно безграничность и ограниченность науки, поскольку «человек как самодеятельное, сознательное существо обладает свободной волей, и он не только объект, но еще и субъект деятельности. И в этом его субъектном бытии не все состояния могут быть исчерпаны научным знанием» [9, с. 33].

В то же время религиозная составляющая в образовательном процессе (при условии отсутствия его антагонизма с теоретическим и практическим познанием) обеспечивает приближение человека к наиболее целостному пониманию окружающей действительности с опорой не только на разум, но и на все интеллектуальные способности человека. Светское образование предоставляет человеку широкие возможности для творчества, самостоятельности, самореализации, но не несет в себе четко обозначенного мировоззренческого ориентира. Данное обстоятельство потенциально содержит в себе угрозу растворения человеческого интеллектуального потенциала в информационном поле, которое характеризуется многообразием и широтой выбора в спектре мировоззрений (не всегда положительных и в некоторых случаях даже общественно опасных).

Квалифицированное религиозное образование, в свою очередь, способно: 1) определить и сформировать правильные поведенческие рамки; 2) предложить человеку систему установок, что исключает негативные колебания личности в поиске подходящего мировоззрения; 3) регламентировать определенные, четко обозначенные ценности в поливариантности нравственного выбора, при этом, не вовлекая человека в число верующих, с отказом от прозелитизма. Все это в совокупности является гарантом воспитания достойных членов российского общества, в частности, и следования общечеловеческим ценностям – в целом. Вместе с тем интересы атеистической части общества остаются неприкосновенными. Именно при таком соотношении возможно преподавание религиозного образования в светских учреждениях, что будет нивелировать конфликтные ситуации.

Следует также отметить, что новые поколения граждан России, не обладая знаниями о традиционных религиях и их роли в российской истории, необходимым опытом межконфессионального сосуществования будут не в состоянии

поддерживать и воспроизводить культуру своей страны. Без фундамента знаний о религиозной стороне человеческой жизни не представляется возможным объективно разобраться в исторических процессах, нивелируя изучение истории сквозь призму радикального марксизма, без учета цивилизационного подхода. Несмотря на секуляризацию, религии в современности продолжают оставаться стержнем в жизни различных цивилизаций, оказывая существенное влияние на их нравственную и культурную сущность, тем самым предопределяя психологию этносов. Более того, происходит всплеск религиозного радикализма, преимущественно исламистского толка, имеющего определенную специфику и оказывающего деструктивное влияние на жизнь общества и государства. Данная проблема вскрывает тот факт, что пренебрежение религиозным фактором во всех сферах жизни общества, идеологическая пустота и пропаганда ложных ценностей, отсутствие нравственного стержня способны обернуться для общества невозможностью дать отпор идеологиям религиозного экстремизма, что приводит к увеличению числа последователей различных деструктивных идей и, как следствие, к межрелигиозным и межэтническим конфликтам.

Кризис современного образования заключается в том обстоятельстве, что образовательный процесс лишен соблюдения исторической преемственности поколений (большой пласт гуманитарного знания преподается в русле устаревшей советской идеологии, различные культурные концепции дореволюционной России освещаются преимущественно в негативном свете), которая, в свою очередь, обеспечивается преподаванием религиозной культуры. Молодежь оказывается дезориентированной в выборе своей этно-религиозной идентичности в силу отсутствия работающих эффективных социальных программ и вовлеченности в них, что является фактором, который может спровоцировать дальнейшие этнические и религиозные конфликты. Именно по этой причине отрицание целесообразности преподавания религиозных предметов в светских учебных заведениях является сомнительной мерой противодействия различным негативным последствиям во взаимоотношениях религиозного и светского начал в обществе.

Литература

1. Государство, религия, церковь в России и за рубежом: информ.-аналит. бюл. – 2001. – №2. – С.128–130.
2. Национальная программа «Русская школа как система воспитания и образования» // Воскресная школа. – 1998. – №4. – С.10–15.

3. Экономцев (Игумен Иоанн). Православное образование в России: традиции и развитие, уроки и перспективы // Педагогика. – 1999. – №4. – С.15–21.

4. Кудрина Т.А., Колодин А.В. Проблема «школа и религия» в системе государственно-церковных отношений // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: информ.-аналит. бюл. – 1999. – №3.

5. Шахов М.О. Клерикализация России: миф или реальность // Национальные интересы. – 2002. – №5(22). – С.56–62.

6. Костикова М.Н. К вопросу о новейшей истории профессионального религиозного образования // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: информ.-аналит. бюл. – 1999. – №3. – С.26–35.

7. Гершунский Б.С. Философия образования. – М.: Флинта, 1998. – 556 с.

8. Закирова А.Ф. Теоретические основы педагогической герменевтики. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2001. – 288 с.

9. Степин В.С., Розов М.А. Философия науки и техники. – М.: Гардарика, 1996. – 400 с.

Найденов Михаил Сергеевич, аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, e-mail: najdenov.sarma@mail.ru

Naydenov Mikhail Sergeevich, post-graduate student, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, e-mail: najdenov.sarma@mail.ru

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 009

© С.А. Власова

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ И МЕХАНИЗМАХ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье рассмотрена проблема типологии социального взаимодействия, анализируется специфика механизма социального взаимодействия, предложена модель взаимодействия базовых социальных институтов.

Ключевые слова: механизм социального взаимодействия, модель механизма взаимодействия базовых социальных институтов, трансформация социальных институтов, факторы трансформации механизма взаимодействия.

S.A. Vlasova

ON THE PROBLEM OF TYPOLOGY AND THE MECHANISMS OF SOCIAL INTERACTION

The article deals with the problem of typology of social interaction and the specific mechanisms of social interaction, a model of interaction of basic social institutions has been proposed.

Keywords: mechanism of social interaction, model of interaction mechanism of basic social institutions, transformation of social institutions, transformation factors of interaction mechanism.

Реализация потребностей невозможна без процессов непосредственного или опосредованного воздействия социальных объектов друг на друга: являясь целостной системой, социальные институты находятся в условиях непрерывного взаимодействия друг с другом. Социологи считают, что социальное взаимодействие – это такое поведение индивида или группы индивидов, которое имеет значение для других индивидов и их групп. Способ взаимодействия индивидов с другими индивидами и социальным окружением в целом определяет «преломление» (П. Сорокин) социальных норм и ценностей сквозь сознание индивидов и их реальные действия на основе осмысления этих норм и ценностей. Под социальным взаимодействием социальных институтов в социологии понимается форма социальной коммуникации, представляющая собой систему социальных общностей. Достаточно стандартная точка зрения на социальное взаимодействие представлена, например, в работе Н.П. Лукашевича и Н.В. Туленкова. Здесь категория «социальное взаимодействие» выражает характер и содержание отношений между людьми и социальными группами как постоянными носителями качественно различных видов деятельности, различающихся по социальным позициям (статусам) и социальным ролям (функциям). Объективная сторона взаимодействия – это связи, не зависящие от отдельных личностей, но опосредующие и контролирующие содержание и характер их взаимодействия. Субъ-

ективная сторона – это сознательное отношение индивидов друг к другу, основанное на взаимных ожиданиях (ожиданиях) соответствующего поведения [1, с. 123].

Типология социального взаимодействия исходит из того основания, которое принято автором. Типологию, например, можно выводить из видов деятельности, ориентируясь на социальные роли участников: экономическая, политическая, брачно-семейная. Иная типология появится, если мы будем рассматривать качество отношений субъектов взаимодействия: неформальные (личные) отношения и формальные (статусные) отношения.

Концептуальный багаж социального взаимодействия является наглядным проявлением многообразия социологического знания. Есть концепция социального обмена (Дж. Хоманс, П. Блау, Р. Эмерсон) [2, с. 119–131]. Основные идеи концепции социального обмена: в поведении человека преобладает рациональное начало, которое побуждает его стремиться к определенным выводам; социальное взаимодействие – постоянный обмен между людьми различными выгодами. Существует концепция символического интеракционизма (Дж. Мид). С точки зрения интеракционистов, общение между людьми осуществляется при помощи особых средств – символов, к которым он относит жест и язык. Символическое окружение человека оказывает на него решающее влияние, поскольку способствует формированию сознания личности и че-

ловеческого «Я» [3]. Существует концепция управления впечатлениями Э. Гофмана и другие.

Обобщая такого рода концепции, можно сказать, что наиболее часто в поле внимания исследователей оказываются такие формы социального взаимодействия как обмен, кооперация, конкуренция и конфликт.

Социальное взаимодействие включает в себя социальный механизм. Понятие «социальный механизм» достаточно часто употребляется в научных исследованиях и считается априори понятным. Однако при этом найти его определение крайне затруднительно. На это обстоятельство, в частности, обращает внимание профессор РГСУ В.И. Франчук. «В современной философской и социологической литературе понятие «социальный механизм общества» практически не используется, – отмечает он. – Подобное игнорирование социальных механизмов со стороны общественных наук недопустимо, так как мешает решению задач государственного строительства и отрицательно сказывается на качестве государственного управления» [4, с. 34].

Механизм (от греческого «машина»), согласно определению в справочно-словарной литературе, есть система, которая служит для преобразования движения. Понятие «социальный механизм» ввел в научный оборот О. Конт для объяснения целостности общества как особого «социального тела». По его мнению, общество имеет свой социальный механизм, обеспечивающий согласованное (солидарное) функционирование всех его элементов. Г. Спенсер, имея в виду социальный механизм, называл его регулятивной системой. Т. Парсонс говорил о механизме социальной системы. Современный социологический словарь дает следующее определение: «социальный механизм есть взаимодействие социальных структур, норм, институтов, образцов поведения и т.д., посредством которого обеспечивается функционирование социальной системы». Очевидно, что такое определение не является оптимальным, так как социальный механизм это, конечно же, не социальное взаимодействие, но порядок или алгоритм социального взаимодействия.

Социальные механизмы существуют во всех обществах, так как определяют порядок взаимодействия социальных институтов. Это специфически выстроенная и функционирующая совокупность правил и норм, способов и технологий для реализации тех или иных потребностей людей. Если же речь идет о фундаментальных потребностях, то в этом случае понятие «механизм

взаимодействия базовых социальных институтов» характеризует структурно-функциональный тип взаимодействия между базовыми социальными институтами, систему социальных связей, реализуемую посредством важнейших видов деятельности социальных субъектов.

Для полноты освещения понятийного аппарата проводимого исследования (в частности, понятия «модель механизма взаимодействия базовых социальных институтов в России») необходимо разобраться и с таким проблематичным понятием, как «модель». Это понятие в силу частого и нестрогого употребления подверглось сильной смысловой инфляции. Философская традиция употребления понятия «модель» (от лат. «modulus» – «образец», ранее – «мера») так широка, что часто у исследователей возникает соблазн свести его содержание к содержанию таких понятий как теория, архетип, универсалия, парадигма и других [5].

Однако подобная расширительная трактовка содержания понятия «модель», по глубокому убеждению автора, представляется непродуктивной. И дело здесь не только в отличии естественнонаучной и гуманитарной культур, как считают, в частности, В.М. Розин и В.Н. Беляев, сколько в необходимости корректных определений. Модель есть завершение цикла исследования и особый способ презентации полученного знания, с другой – она есть специфический инструмент познания, стимулирующий новый исследовательский цикл. В первом случае она выступает как специфическая часть теоретической системы, во втором – как часть методологии. Собственно, в классическом понимании модели проявляется диалектическое единство теории и метода.

Принимая то обстоятельство, что в нашем случае «модель механизма взаимодействия базовых социальных институтов в России» рассматривается как часть теоретической концепции, мы можем дать ему следующее определение: данное понятие характеризует способ презентации национального, обусловленного социокультурной спецификой механизма взаимодействий между базовыми социальными институтами. Отметим, что тот понятийный аппарат, который разработан зарубежной социально-философской мыслью для развитых, в первую очередь, западных стран, не может быть механически использован при описании форм и содержания взаимодействия социальных институтов России в силу ее социокультурной самобытности. Зарубежные ученые, как правило, воспринимают такого рода социокультурную инаковость как исторический атавизм, изживаемый

по мере цивилизованности. Речь в данном случае идет не только об идеологически ангажированных мыслителях (З. Бжезинский, Ф. Фукуяма). На эту черту, как характерную для зарубежной социальной философской мысли, обращает внимание, например, И. Валлерстайн, когда рассматривает конфликт понятий национальной культуры и мирового («устойчивого») развития в трудах западных мыслителей 2-й половины XX в.

Содержательная оптимизация понятийного аппарата исследования с учетом российской специфики становится важным шагом раскрытия сущностных сторон взаимодействия российских базовых социальных институтов, трансформирующихся на новом этапе своего развития.

Речь идет, в первую очередь, о дальнейшей разработке таких понятий, как «российское информационное общество», «российский базовый социальный институт в условиях формирования информационного общества», «механизм взаимодействия базовых социальных институтов», «модель механизма взаимодействия базовых социальных институтов в России» и другие.

Отмеченные понятия характеризуют видовые отличия по отношению к соответствующим родовым категориям. Поэтому для полноценного раскрытия содержания указанных понятий необходимо детально проанализировать такие понятия, как «информационное общество», «социальный институт» и «базовый социальный институт», «модель взаимодействия», выявив при этом содержательные различия в определениях, даваемых различными социально-философскими школами и направлениями. Мы исходим из следующих определений. Понятие «российское информационное общество» означает постиндустриальную фазу развития России, для которой характерен интенсивный рост значения информации в процессах жизнедеятельности людей и широкое внедрение информационных технологий во все сферы деятельности людей. Понятие «российский базовый социальный институт в условиях формирования информационного общества» означает конкретное социальное образование, реализующее фундаментальные общественные потребности в условиях складывания информационного общества в России. Понятие «механизм взаимодействия базовых социальных институтов» характеризует структурно-функциональный тип взаимодействия между базовыми институтами, систему социальных связей, реализуемую посредством важнейших видов деятельности социальных субъектов. Наконец, понятие «модель механиз-

ма взаимодействия базовых социальных институтов в России» характеризует способ презентации национального, обусловленного социокультурной спецификой механизма взаимодействий между базовыми институтами. Уточнения содержания понятий, а также их авторские определения позволяют провести качественный анализ понятия и типологии базового социального института в социальной философии.

Социальные институты также можно разделить по социальным сферам, например, в экономике – макроэкономические (определяющие протекание макроэкономических процессов), микроэкономические (относящиеся к принятию решений, деятельности и взаимодействию организаций) и наноэкономические (определяющие социально-экономическое поведение индивидов). Последние относятся в значительной мере к социопсихологической сфере и тесно связаны с ментальными и культурными особенностями индивидов. Взаимодействие этих разноуровневых институтов в целом создает «совокупную институциональную систему, присущую данному обществу» [6].

Статус социального института определяется учеными по уровню потребностей, для удовлетворения которых он существует. Высокий статус базового социального института обусловлен той фундаментальной потребностью общества, которые он удовлетворяет. Поиск и определение таких потребностей, описание их онтологического основания и иерархии стало важной задачей социальной философии.

Однако в сложной и противоречивой общественной жизни удовлетворить ту или иную фундаментальную потребность в «чистом виде» невозможно, поэтому и базовые институты являются не автономными социальными образованиями, а выступают в качестве взаимодействующего социального комплекса. Механизм такого взаимодействия сам по себе представляет развивающийся социальный феномен и определяется рядом детерминирующих факторов, в числе которых важное место занимает специфика технико-технологических оснований коммуникационных процессов общества. Этот фактор важен потому, что коммуникационные процессы составляют важнейший аспект взаимодействия социальных институтов. Поскольку информационное общество существенным образом изменяет систему таких оснований, неизбежными становятся и изменения в механизме взаимодействия базовых социальных институтов.

В современной литературе отмечен целый ряд внутренних и внешних факторов, трансформирующих (то есть существенно изменяющих)

механизм взаимодействия между социальными институтами. В числе этих факторов можно выделить следующие:

– случайное зарождение новых институциональных отношений и последующий естественный отбор по критерию эффективности, в том числе в результате «нецеленаправленного экспериментаторства»;

– изменение взаимоотношений как результат драматических эпизодов истории (кризис, война, революция, классовые столкновения);

– результат внутри институционального взаимодействия (например, «институциональные сделки», совершенные на «рынке институтов» на основании спроса, «трение» институтов);

– институциональная инерция, движение институциональной структуры по ранее экзогенно заданной исторической институциональной траектории;

– институциональное проектирование; целенаправленный перенос принципов взаимодействия (от одних институтов к другим – «трансплантация» взаимодействия);

– технологический прогресс и инновационная деятельность.

Очевидно, что в современных условиях в развитых странах на первом месте среди факторов социальных трансформаций находятся последние из перечисленных выше. Один фактор – это технологический прогресс, особенно заметный при переходе к так называемому шестому технологическому укладу, означаемому, в том числе, резкий скачок в развитии информационных технологий. Второй фактор – это институциональное проектирование, т.е. сознательная целенаправленная деятельность, ориентированная на организацию взаимодействия институтов.

Механизм взаимодействия базовых социальных институтов может быть охарактеризован как реализуемая посредством деятельности социальных субъектов система социальных связей между ними, основу которой составляют социально-коммуникационные процессы. Критерием эффективности такой системы связей служит комплексное удовлетворение фундаментальных социальных потребностей общества. Отмеченные социальные связи могут характеризоваться кооперацией, конкуренцией, прямым социальным противоборством (конфликтом). Сложное сочетание такого вида социальных взаимосвязей формирует конкретный тип механизма взаимодействия базовых социальных институтов.

На этапе информационного общества в числе характерных черт изменения как самих базовых

социальных институтов, так и механизма их взаимодействия могут быть выделены: 1) децентрализация организационно-управленческих структур; 2) смена субъектов планирования, мотивации и контроля; 3) снижение степени формализации организационных норм и процедур; 4) дифференциация санкций; 5) рост мобильности социальных статусов и изменчивости статусных отношений. Исследователями выделяется и тенденция к плюрализму социальных ценностей. Примером может стать прогноз о неизбежной трансформации иерархических социальных структур в особые образования с наименьшей формализованностью поведения (адхократии). В результате такой трансформации базовых социальных институтов изменяются формы их взаимодействия: а) обмена (изменение содержания предмета обмена, места, процессуальных норм), б) кооперации (изменение оснований дифференциации труда, рост социальной мобильности агентов), в) конкуренции и конфликта (изменение характера дефицитных ресурсов, рынков сбыта и ценностей).

Возрастает реальная роль такого типа механизма социального взаимодействия, основой которого становятся многомерные сетевые взаимодействия базовых (политических, экономических, образовательных, культурных, научных и других) институтов, функционирующих на постоянно совершенствующейся технологической базе.

Литература

1. Лукашевич Н.П., Туленков Н.В. Социология. – Киев: МАУП, 2002.
2. Фотев Г. Джордж Хоманс: теория социального обмена // Современная американская социология / под ред. В.И. Добренкова. – М., 1994.
3. Шахназаров Г.Х. О концепции общественного развития // Социологические исследования. – 1994. – №10. – С.32–40.
4. Франчук В.И. Основы современного обществознания. – М.: Союз, 2008.
5. Штофф В.А. Моделирование и философия. – М.: Наука, 1966.
6. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

Власова Светлана Александровна, кандидат философских наук, доцент, и.о. директора филиала Российского государственного социального университета, г. Нефтеюганск, e-mail: rgsu86@bk.ru

Vlasova Svetlana Alexandrovna, candidate of philosophical sciences, associate professor, acting director, Russian State Social University, Nefteyugansk, e-mail: rgsu86@bk.ru

БЕЗРАБОТНЫЕ ЖЕНЩИНЫ КАК НАИБОЛЕЕ УЯЗВИМАЯ МАРГИНАЛЬНАЯ ГРУППА НАСЕЛЕНИЯ: ПОЛОЖЕНИЕ И МЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ

Рассматривается социальное и экономическое положение безработных женщин, составляющих значительную часть наиболее социально уязвимой маргинальной группы населения. Предлагаются меры, способствующие положительной социальной мобильности.

Ключевые слова: безработные женщины, маргиналы, рынок труда, регулирование занятости.

P.A. Chukreev

UNEMPLOYED WOMEN AS THE MOST VULNERABLE MARGINALIZED POPULATION GROUP: STATUS AND SOCIAL SUPPORT MEASURES

The social and economic status of unemployed women, constituting a significant part of the most socially vulnerable marginalized population, is considered. The measures are proposed that promote positive social mobility.

Keywords: unemployed women, marginal, labor market, employment regulations.

Маргинализация признается широкомасштабным процессом, с одной стороны, приводящим к тяжелым последствиям для больших масс людей, потерявших прежний статус и уровень жизни, с другой, являющимся ресурсом формирования новых отношений.

В современной науке термином «маргинальность» обозначается пограничность, периферийность или промежуточность состояния отдельных лиц, социальных или этнических групп либо общества в целом [1]. Маргинальность является порождением и следствием двух более общих социальных процессов – мобильности и дискриминации. Позитивный вариант маргинальности реализуется при перемещении индивида или группы в процессе восходящей мобильности, т.е. перемещений снизу вверх. Негативный – результат вертикальной нисходящей мобильности, т.е. перемещений сверху вниз. Условием для рождения и воспроизводства негативной маргинальности является также существование в обществе различных норм дискриминации и ограничений, основанных на предубеждениях и стереотипах большинства общества по отношению к группам меньшинств или индивидам.

Проблемы различных социальных групп, объединенных признаками маргинальности в трансформирующемся обществе, тесно взаимосвязаны. В целом они имеют общий набор рецептов их решения – государственное регулирование оптимальных социальных условий; профессиональная реабилитация групп экономически активного населения и меры помощи в социальной адаптации по отношению к группам с наиболее сложным положением. Однако существует острая необходимость в исследовании применения этих решений по отношению к мар-

гинальной группе «безработные» как наиболее социально уязвимой из них.

Особое положение в этой группе занимают женщины, поскольку по отношению к ним действуют существенные дискриминационные ограничения.

В ст. 5 «Государственная политика в области содействия занятости населения» закона РФ «О занятости населения в РФ» декларируется, что «государство проводит политику обеспечения равных возможностей всем гражданам РФ независимо от ... пола, возраста ... в реализации права на добровольный труд и свободный выбор занятости» [2]. Но при этом в Трудовом кодексе сохраняются положения, создающие предпосылки дискриминации женщин: ограничивается применение труда женщин на тяжелых работах и работах с вредными и опасными условиями труда; запрещена работа в ночное время; ограничено время командировок и сверхурочных. Существует перечень более 500 видов работ, в которых введены ограничения для женщин в различных отраслях производства. Тем самым вопрос о выборе формы труда выводится из-под компетенции женщин [3].

Важным источником дискриминации служат прочно укоренившиеся представления о социальной роли и поведении мужчин и женщин. Если сравнить фактические роли женщин и мужчин, а не смотреть на женщин как на изолированную группу, то становится очевидным, что они имеют разный доступ к ресурсам, возможностям трудоустройства и статусу. В результате гендерного неравенства женщин «вытесняют» в узкий круг занятий с меньшей ответственностью и/или более низкой заработной платой или менее продолжительным рабочим днем, а также ограниченными возможностями служебного ро-

ста. Помимо гендерных различий в структуре рабочего времени, дополнительным фактором неравенства служит то, что мужчины и женщины выполняют разную работу, а так называемые «женские» рабочие места считаются менее ценными в смысле квалификационных требований и вознаграждения. Благодаря развитию новых методов оценки рабочих мест часто оказывается, что места, занимаемые женщинами, на деле требуют квалификации, ответственности, умения решать сразу несколько сложных задач, которые сходны с теми, которые нужны мужчинам для занятия высокооплачиваемых рабочих мест.

Профессиональной сегрегации во многом способствуют социальные установки и гендерное неравенство в образовании и профессиональной подготовке, в результате чего мужчины и женщины идут в разные профессии и на разные рабочие места. Часто это явление называют горизонтальной сегрегацией.

Мужчины и женщины не только занимают разные рабочие места, существуют также различия в том, как они представлены в иерархии должностей внутри отдельных профессий. Даже в профессиях, где преобладают женщины, мужчины обычно находятся на более квалифицированных, ответственных и лучше оплачиваемых постах. Например, в педагогической профессии большинство учителей нередко женщины, а высшие администраторы – мужчины. Точно так же в сфере здравоохранения врачи и руководители больниц очень часто мужчины, тогда как большинство сестер и обслуживающего персонала – женщины. Обычно это именуют «вертикальной гендерной сегрегацией». Продвижение женщин наверх по профессиональной лестнице на управленческие и более ответственные посты затруднено из-за институциональных барьеров и социальных установок. В отношении этого вида вертикальной сегрегации обычно применяют выражение «стеклянный потолок»; решающее значение для занятия управленческой должности при этом зависит от признания таких факторов, как уровень квалификации, заработная плата, характер ответственности данного поста, его статуса и властных полномочий.

Особенность современного рынка труда заключается в том, что с работниками, не имеющими хорошей профессиональной подготовки, в процессе реструктуризации производства высвобождаются высококвалифицированные рабочие и специалисты, среди которых преобладают женщины [4, с. 33].

Особое положение незанятых в обществе существенно деформирует их субъективное вос-

приятие действительности, порождает ситуативные ценностные ориентации и установки.

В ходе исследования нами выявлено три социальных типа незанятых.

Первый тип объединяет незанятых, считающих наиболее приемлемыми экономические отношения, в основе которых рынок без каких-то ограничений. Признаком этого типа, условно обозначенного как ВА (высокоактивные), соответствовали 8,3% всех опрошенных [5, с. 91]. В основном индивиды, отнесенные к этому типу, имеют наибольшие способности к адаптации в новых рыночных условиях, проявляют наибольшую активность. Высокоактивные используют внедряемые рыночные отношения в качестве возможности для удовлетворения своих потребностей в повышении материального благосостояния, уверенности в своем будущем и будущем своей семьи, а также для удовлетворения духовных потребностей, потребностей в общественно-политической деятельности. Эти незанятые поддерживают преобразования общественных отношений и предпринимают конкретные шаги для их утверждения. Представители этого типа в большинстве принадлежат к работникам высокой квалификации, имеют более высокий образовательный уровень, владеют необходимыми знаниями особенностей рыночной экономики, они потенциально готовы действовать в новых условиях и добиваться успехов. Их самочувствие можно определить как уверенность в завтрашнем дне. В группу, составляющую этот тип, входит больше мужчин, женщины в меньшей степени тяготеют к этому социальному типу, меньше, чем в среднем по выборке и в двух других типах.

Незанятые второго типа, условно обозначенные как СА (среднеактивные), представляют собой наиболее многочисленную группу – 52%. С их точки зрения наиболее приемлемыми являются экономические отношения, в основе которых регулируемый рынок. Этот тип в основном представлен средней возрастной группой, со средним уровнем образования. Здесь, как в целом по выборке, как по двум другим типам, преобладают женщины (62,5%). Ответы на вопросы анкеты, входящих в него респондентов, показывают, что они проявляют среднюю активность в удовлетворении своих потребностей, их действия менее разнообразны и результативны. Имеют меньше потенциальных возможностей, и переход к рынку связан у них с трудностями и большим напряжением физических и интеллектуальных сил, потерями и приобретениями, разочарованиями и успехами.

Третий социальный тип – низкоактивные (НА), куда относятся те незанятые граждане, которые проявляют наименьшую активность в поиске работы и решении других жизненно важных проблем (37%). Этот социальный тип испытывает наибольшее опасение негативных последствий от внедрения рыночных отношений для себя и своей семьи. Женщины здесь составляют 63,8%. В данном типе значительно больше тех, кто остро неудовлетворен своим социальным и материальным положением, им характерна категоричность суждений, максимализм оценок, неудовлетворенность или отсутствие активных позиций. К этому типу относятся люди старших возрастов, наименее образованные и квалифицированные.

Совершенно особое социальное явление представляют собой незанятые социального типа – «обескураженные трудящиеся». Сюда относятся лица, которые хотят работать и готовы приступить к работе в данный момент, но прекратили активный поиск, поскольку полагают, что не смогут найти работу, так как считают свой уровень образования, активности и квалификации, физические данные заведомо недостаточными, чтобы иметь успех. Именно среди лиц этой группы чаще всего встречаются женщины. «Обескураженные» острее, чем другие, чувствуют свою правовую незащищенность, так как 85% из них считают, что государство не обеспечивает защиту их интересов. Среди представителей этой группы высокий процент неуверенных в завтрашнем дне (69%), их характеризует тревожность. Оценивая причины, по которым они оказались в сегодняшнем положении, большинство из них ссылается на влияние обстоятельств (60%) и только 39% считают, что это следствие их собственного неумения, незнания. С лицами данного типа необходима особая психологическая работа, психологическая поддержка.

Неспособность быстро адаптироваться к изменениям ситуации на рынке труда, неподготовленность к такого рода отношениям – сильные стрессовые факторы. Для людей, потерявших работу, характерен высокий уровень стресса. Появление подобных проблем у многих вызывает соматические (инфаркт, инсульт, язва желудка) и психические (неврозы, психопатические реакции) изменения состояния здоровья. Кроме того, выявлены негативные последствия потери работы и для ближайшего окружения высвобожденного: его семьи, друзей. Вряд ли нужно искать дополнительные аргументы для обоснования того, что человек, оказавшийся без работы не по своей воле, нуждается в квалифи-

цированной помощи специалистов службы занятости населения [5, с. 86]. Важнейшим адаптером на рынке труда выступает институт государственной службы занятости населения. Государственная служба занятости является важнейшим агентом, действующим на рынке труда, и призвана на практике осуществлять государственную политику в этой сфере.

Насколько активно ведет себя человек, оказавшийся на рынке труда, определяется разными мотивами. Обращаясь в службу занятости, люди уже проявляют активность. Чаще всего в службу занятости обращаются чтобы: найти работу или информацию о вакансиях; получить профессию или повысить квалификацию; переждать тяжелые времена; получить официальное прикрытие; получить психологическую помощь и консультацию.

На основании результатов исследования можно сделать вывод, о том, что у безработных женщин наблюдается высокий потенциал активности, достаточный уровень образования, у них в большей мере выражено желание учиться. Им, в первую очередь, необходимо помочь поверить в свои силы и преодолеть сложившиеся стереотипы поведения.

Ухудшение позиций женщин на рынке труда за счет вытеснения этой группы в низкооплачиваемой отрасли экономики и увеличение численности женщин среди безработных должны предопределять гендерный подход при формировании государственной политики в сфере занятости. При этом должны учитываться индивидуальные способности и возможности женщин, уровень их профессиональной подготовки и готовности к участию в производстве. То есть эффективная политика занятости может быть только при условии, что имеется в виду не абстрактная женщина вообще, а более конкретные представления о ней: различие по возрасту, образованию, профессиональным группам, месту проживания, уровень материальной обеспеченности и нуждаемости в социальной защите (с выделением таких групп как: женщины с малолетними детьми, многодетные и одинокие матери, родители, воспитывающие ребенка-инвалида, инвалиды и т.д.).

В целях формирования государственной политики, направленной на улучшение положения женщин, руководствуясь положениями Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и итоговыми документами IV Всемирной конференции по положению женщин (Пекин, сентябрь 1995 г.), разработана и утверждена Постановлением Правительства РФ Концепция улучшения положения женщин в Российской Федерации (от 8 января 1996 г.,

№6), в которой определены стратегические цели и основные подходы для их реализации. Концепция основывается на том, что права женщин являются неотъемлемой частью общих прав человека. Полное и равноправное участие женщин в политической, экономической, социальной и культурной жизни на федеральном, региональном и международном уровнях должно стать главной целью государственной политики в области улучшения положения женщин в Российской Федерации.

Государственную политику занятости следует рассматривать как процесс, происходящий на трех уровнях: макроуровне, региональном и местном уровнях. Государственная политика занятости населения – система мер прямого государственного и косвенного воздействия на трудовую сферу (рынок труда) для достижения поставленных целей.

На макроуровне высшие органы государственной законодательной и исполнительной власти решают кардинальные задачи политики занятости, осуществляя: 1) согласование целей и приоритетов политики занятости с экономической, социальной демографической и миграционной политикой; 2) согласование системы целей и приоритетов политики занятости с финансово-кредитной, структурной, инвестиционной, внешнеэкономической политикой; 3) выработка политики трудоустройства и социальной поддержки незанятого населения.

На региональном уровне государственная политика занятости в основном осуществляется в тех же трех направлениях, но с учетом специфических особенностей региона. Регионы должны включать содействие занятости в число основных приоритетов своей политики и в рамках своей компетенции – разграничения полномочий с федеральными органами и возможностей соответствующих бюджетов и внебюджетных фондов осуществлять социальную политику. На региональном уровне во многих случаях более эффективны меры поддержки фермерства, малого бизнеса.

Задача политики трудоустройства и социальной поддержки незанятого населения в регионах выполняется региональными подразделениями федеральной службы занятости и включает:

- развитие системы подготовки и переподготовки населения (в первую очередь временно незанятого);
- совершенствование информационного обеспечения (включая компьютеризацию);
- обеспечение приспособленными помещениями и подготовленными кадрами центров занятости;

- целевая поддержка рабочих мест для сдерживания высвобождения работающих;

- повышение эффективности регистрации, трудоустройства и социальной поддержки безработных;

- поддержка на рынке труда беженцев и вынужденных переселенцев, граждан с ограниченной трудоспособностью, длительно безработных, женщин, молодежи и подростков и других социально незащищенных групп населения;

- организация общественных и временных работ.

На местном уровне политика занятости включает финансовое, налоговое и иное стимулирование поведения на рынке труда предприятий, организаций, индивидуальных зарегистрированных (формальный сектор) и незарегистрированных (неформальный сектор) предпринимателей и домохозяйств (семей). На данном уровне ведется вся практическая работа, которая предусматривает мероприятия занятости: трудоустройство, обучение, выплата пособия и т.д. [6].

Регулирование занятости на всех уровнях должно осуществляться на основе общеэкономической концепции социально-ориентированной рыночной экономики и отражать стремление общества к эффективной, свободно избранной занятости.

В рамках многоуровневой политики занятости следует рассмотреть инструменты ее реализации.

Значимым для эффективного регулирования женской занятости является Республиканская целевая программа содействия занятости населения Республики Бурятия на 2012–2014 гг. (в дальнейшем – программа). Она представляет собой комплекс оперативных действий государства по адаптации на рынке труда индивидов, оказавшихся незанятыми. Включает в себя меры по созданию условий их информирования, обеспечению социальной поддержки, трудоустройству на имеющиеся рабочие места, созданию рабочих мест в сфере малого бизнеса для временной и постоянной занятости, организации общественных работ, профессиональной подготовки молодежи, впервые ищущей работу, и переподготовке безработных, имеющих профессии, не востребованные на рынке.

Программа как технология оперативного регулирования взаимоотношений между субъектами рынка труда со стороны государства ежегодно утверждается правительством и на ее основе организована деятельность Федеральной службы занятости.

Профессиональное обучение и переподготовка занимают особое место среди мер, способствующих смягчению не всегда гуманной ситуации на рынке труда. Являясь наиболее эффективными мерами, способствующими трудоустройству, они играют важную роль в повышении конкурентоспособности женщин, а также в вопросе усиления их профессиональной мобильности.

Сегодня ситуация на рынке труда такова, что более чем в половине случаев новое рабочее место предъявляет иные требования к человеку, чем прежде.

Умело организованная, квалифицированно исполняемая специалистами, профориентационная работа позволяет на стадии первичного обращения гражданина помочь ему правильно сориентироваться в ситуации, сделать верный выбор в поиске подходящей работы. Как сообщает республиканское агентство занятости населения, государственные услуги по профессиональной ориентации, социальной адаптации и психологической поддержке оказаны более 24 тыс. безработных граждан, услуги по содействию самозанятости получили около 700 человек, 329 из которых зарегистрировались в качестве индивидуальных предпринимателей [7]. В 2013 г. на подготовку, переподготовку и повышение квалификации направлено 53 женщины, из которых 42 успешно завершили обучение. Они приобрели профессии, востребованные на рынке труда: медицинские сестры, парикмахеры, кассиры, операторы «1С: Предприятие», «1С: Бухгалтерия», бухгалтеры, секретари-референты, повара. Женщине, прошедшей в полном объеме курс обучения и аттестацию, выдается документ установленного образца: удостоверение, свидетельство или диплом [8].

В большинстве случаев обращения за такого рода помощью связаны с желанием человека поменять профессию. Причины для этого могут быть самыми разными: состояние здоровья, усталость от прежней профессии, отсутствие спроса на нее на рынке и т.д. Человек приходит уже с определенным выбором и ждет от психолога подтверждения своего решения. В этой ситуации важно не брать на себя ответственность за выбор клиента, а показать ему все «плюсы» и «минусы» новой профессии, принятие же окончательно решения должно оставаться за ним. Часто выбор бывает случайным: клиент слышал, что представители этой профессии много зарабатывают, и хочет попробовать свои силы в этой сфере [9].

Покинуть ряды безработных женщины могут, занявшись предпринимательством. Малое пред-

принимательство, самозанятость, семейный, домашний бизнес способны не только пополнить рынок нужными товарами и услугами, но и стать достойным способом самореализации предприимчивой личности, весомым источником семейного бюджета и питательной почвой для новых экономических отношений. Западные исследования предпринимательских качеств по основным критериям, определяющим успех предпринимательства, часто говорят в пользу женщин, а не мужчин. Женщинам более свойственны независимость, контактность в отношении с людьми, находчивость в предотвращении ущерба, склонность к риску, приспособляемость к изменениям, отсутствие страха перед неудачей, восприимчивость к информации и работоспособность. Более того, женщины старательнее, менее амбициозны, проявляют большую ответственность, четко представляют цели своей деятельности и менее склонны к панике на начальной стадии создания предприятия, охотнее используют советы опытных коллег. Они легче вписываются в новую среду, придавая особое значение отношениям в коллективе [4, с. 51].

Основной сферой, в которой занято наибольшее количество женщин, является сфера торговли. Такая ситуация характерна для всей республики в целом. В сфере предпринимательства четко обнаруживается асимметрия: чем крупнее бизнес, тем меньше в нем женщин. Распределение женщин-предпринимателей по отраслям экономики Республики Бурятия воспроизводит так называемый стереотип женского предназначения и свидетельствует о феминизации ряда сфер. Наиболее предпочтительная отраслевая структура занятости женщин, где они действуют успешнее, чем мужчины, связана с традиционными женскими занятиями. К группе отраслей, активно осваиваемых женщинами, можно отнести непроизводственные виды бытового обслуживания населения, общественное питание, легкую промышленность, розничную торговлю, социальное обеспечение, услуги по туризму, образовательные услуги. Количество женщин-предпринимателей, работающих в этих отраслях, колеблется от 65 до 80% [10].

Комплекс мер, направленных на создание необходимых условий для положительной вертикальной мобильности в рамках рассматриваемой в данной работе группы позволит большинству женщин, оказавшихся в маргинальном состоянии, преодолеть жизненные обстоятельства и занять достойное каждой из них место в социальной структуре общества.

Литература

1. Кротт И.И. Сибирский социум в конце XIX – начале XX в.: социальные основания и мотивация развития этнического предпринимательства // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – №1(9). – С.113.
 2. Закон Российской Федерации №1032-1 от 19 апреля 1991 г. «О занятости населения в Российской Федерации». – URL: <http://roszakon.narod.ru/zakon/zzn.htm> (дата обращения 11.02.2011).
 3. Гусева Н.А. Женщине – достойное место в обществе // Права женщин в России: законодательство и практика. – М: Речь, 2007. – С.246.
 4. Овчинникова Е.В. Государственное регулирование женской занятости. – Улан-Удэ, 2001. – С.33.
 5. Чукреев П.А., Кoryтова Е.В. Занятость населения и ее регулирование. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2010. – С.91.
 6. Государственная политика в области занятости населения. – URL: <http://www.grandars.ru/student/ekonomicheskaya-teoriya/gosudarstvennaya-politika-zanyatosti.html> (дата обращения 25.05.2013).

7. Безработные в Бурятии прошли профобучение. – URL: <http://vt-inform.ru/vti/142/62669.php> (дата обращения 26.05.2013).
 8. В Бурятии молодым мамам предлагают профессиональное обучение. – URL: <http://www.baikal-daily.ru/news/15/68447/> (дата обращения 01.06.2013).
 9. Гулина А.М. Психология социальной работы. – СПб.: Питер, 2002. – С.264.
 10. Женщины-предприниматели: нравственные основы жизнедеятельности (на материалах Республики Бурятия). – URL: http://discollection.ru/article/28052009_lygdenova_julija_jur_evna_84018/3 (дата обращения 01.06.2013).

Чукреев Петр Александрович, доктор социологических наук, профессор кафедры социальных технологий Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ, e-mail: chukreev00@mail.ru
Chukreev Petr Aleksandrovich, doctor of sociological sciences, professor, department of social technology, Eastern-Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, e-mail: chukreev00@mail.ru

УДК 316.752; 316.356.2

© С.А. Ильных

**ТИПОЛОГИЯ СЕМЕЙНОГО СОЗНАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

В статье обосновывается введение нового термина «семейное сознание». Рассматривается типология семейного сознания, полученная на основании исследования российских и белорусских студентов. Описываются и эмпирически обосновываются традиционный, эгалитарный и мозаичный типы семейного сознания. Обосновывается специфика мозаичного типа семейного сознания.

Ключевые слова: семейное сознание, традиционный тип семейного сознания, эгалитарный тип семейного сознания, мозаичный тип семейного сознания, формы семейной жизни, мотивы вступления в брак, родительство, гендерные стереотипы.

S.A. Ilinykh

**TYPOLOGY OF FAMILY CONSCIOUSNESS AT STUDENTS YOUTH:
THE EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS**

The article explains the introduction of a new term «family consciousness». The typology of family consciousness is considered, it has been derived from the study of the Russian and Belarusian students. The traditional, egalitarian, and mosaic types of family consciousness are described and empirically grounded. The specificity of the mosaic type of family consciousness is substantiated.

Keywords: family consciousness, traditional type of family consciousness, egalitarian type of family consciousness, mosaic type of family consciousness, forms of family life, the motives for marriage, parenthood, gender stereotypes.

Тема статьи возникла неслучайно, а явилась следствием осмысления результатов эмпирического исследования семейных ценностей студенческой молодежи двух городов – Новосибирска и Минска. Полученные данные оказались таковыми, что потребовали введения двух новых понятий – «семейное сознание» и «мозаичный тип семейного сознания». В рамках данной статьи мы дополняем идеи, изложенные ранее в другой работе [7].

Проведенное нами исследование дало основание полагать, что в настоящее время индивиды имеют несколько типов семейного сознания, а именно традиционный, эгалитарный, мозаичный. Эти типы условны, хотя каждый из них в самом общем виде отражает специфику мышления больших групп людей. В сознании существуют латентные переменные, которые являются доминантными и вокруг которых фокусируются остальные переменные. Задача исследователя состоит в выделении данных типов, анализе

этих переменных. С точки зрения социологии важно проследить тенденции изменения индивидуального сознания молодых, и в частности студенческой молодежи, которые с течением времени внесут новые аспекты в уровни, формы и виды общественного сознания, в институт семьи.

Укажем также, что традиционный и эгалитарный типы семейных отношений являются известными в рамках социологического знания. А вот мозаичный тип представляет собой новый тип, но вместе с тем, как нам представляется, достаточно распространенный в молодежной среде. Его особенности и предстоит раскрыть в рамках статьи в сравнении с другими типами. Стоит обратить также внимание и на то, что в «чистом» виде все рассмотренные типы вряд ли встречаются. Скорее всего, имеют место сочетания в самых разнообразных вариациях. Но в исследовательских целях мы рассмотрим каждый из типов в отдельности.

Прежде всего, необходимо определиться с понятиями. Мы полагаем, что введение термина «семейное сознание» вполне закономерно с социологической точки зрения. Семейное сознание, на наш взгляд, представляет собой высший уровень психического отражения семейных отношений. Оно ориентирует на тот или иной вид семейных отношений. В рамках данной статьи мы будем рассматривать три типа семейного сознания, а, соответственно, и три типа семейных отношений – традиционный (или патриархальный), эгалитарный, мозаичный.

Семейное сознание, как и любое другое сознание, имеет свою структуру, которая может быть рассмотрена как совокупность аффективных, когнитивных, мотивационных, ценностно-нормативных и других компонентов. В зависимости от типа семейного сознания содержательно изменяются структурные компоненты, которые определяют тот или иной тип семейных отношений. Это означает, что в традиционном, эгалитарном и мозаичном типах семейного сознания формируются специфические, характерные для каждого из них, аффективные, когнитивные, мотивационные, ценностно-нормативные компоненты.

Укажем также на то, что выделенные нами типы семейного сознания характерны не только для студенческой молодежи, но и в целом для других групп. Такой подход обусловлен выбранной нами методологией, а именно теорией конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана [1]. Опираясь на социально-конструктивистский подход, можно говорить о том, что семейные отношения рассматриваются

как конструируемые отношения мужа и жены, которые затрагивают все сферы жизни семьи. В качестве методологического основания нами используется также и второй подход, а именно теория структуризации Э. Гидденса. Социальные действия создают структуры, и только через них осуществляется и воспроизводство структур [12]. Гидденс предлагает взглянуть на социальную реальность, ориентируясь на изучение конкретных социальных практик, которые воспроизводятся благодаря активному характеру действий социальных субъектов. Социальные практики не являются неизменными, раз и навсегда данными.

При этом социолог особо подчеркивает, что социальная практика постоянно воспроизводится социальными акторами и имеет характер преемственности, упорядоченности. Социальные практики «одинаковы» в определенном времени и пространстве благодаря рефлексивности агентов [3, с. 41]. Теория структуризации Э. Гидденса позволяет осмыслить несколько важных моментов в отношении семейного сознания. Во-первых, соответствующие типы семейных отношений детерминированы типами семейного сознания. Во-вторых, через совокупность таких семейных социальных практик (сознаний и отношений) воспроизводятся социальные системы. В одних из этих социальных систем могут доминировать традиционные социальные практики, в других – эгалитарные, в третьих – мозаичные. В-третьих, поскольку социальная деятельность оказывается повторяющейся и постоянно воспроизводится социальными агентами, то сами семейные социальные практики становятся преемственными. Особенности этих преемственных практик можно изучать, анализируя типы семейного сознания.

Итак, социально-конструктивистский подход ориентирует на то, что индивиды конструируют семейные отношения в соответствии с типом семейного сознания. А теория структуризации нацеливает на то, что эти отношения в совокупности с типом сознания представляют собой вид постоянно воспроизводящихся семейных социальных практик. Повторение социальных практик делает возможным их типизацию, а также и научный анализ.

В традиционном сознании семейные отношения ориентированы на главенство мужчины и подчинение женщины. К идее главенства мужчины в современном варианте добавились «живые», экспрессивные аспекты. Мы полагаем, что традиционный тип семейного сознания уже ориентирован не только на строгое выполнение ролей мужчиной и женщиной в семье, но и на

расширение инструментально-экспрессивных отношений между полами, разработанных Т. Парсонсом [13].

В рамках нашего исследования предполагалось, что при современном патриархальном типе семейное сознание гипотетически содержит следующие латентные переменные: 1) между мужчиной и женщиной брак должен быть зарегистрирован; 2) в качестве ведущего мотива вступления в брак должно быть желание быть вместе с любимым и желание иметь детей; 3) в брак можно вступать, если есть взаимные чувства и родительское согласие; 4) глава семьи – мужчина; 5) предназначение женщины – рождение детей; 6) родители должны быть жертвенными.

Ведя речь об эгалитарном типе семейного сознания, мы имеем в виду сознание и паттерны поведения, ориентированные на уход от традиционного уклада. Трактовка эгалитарного типа семейного сознания, предлагаемая нами, имеет черты сходства с разработанной Н.Н. Нечаевой феминистской картиной мира [10]. В частности, в эгалитарном типе семейного сознания имеет место: 1) неприятие существования в семье строго закрепленных мужских и женских ролей; 2) принятие образа женщины, главными чертами которого являются активность, уверенность в себе, стремление к независимости; 3) взгляд, согласно которому для женщины высокую ценность имеют не только семья, но и профессиональная самореализация; 4) равное участие отцов и матерей в воспитании ребенка.

Мы предположили, что при эгалитарном типе семейного сознания гипотетически содержатся следующие латентные переменные: 1) брак между мужчиной и женщиной может быть не зарегистрирован; 2) в качестве ведущего мотива вступления в брак должно быть желание быть вместе с любимым. Желание иметь детей также важно, но оно не относится к ведущим мотивам; 3) в брак можно вступать, если есть взаимные чувства, а также тогда, когда молодые закончили высшее учебное заведение (указанное время вступления в брак обусловлено тем, что у девушки появляется возможность не только для самореализации в семье, но и в профессиональной деятельности); 4) глава семьи не обязательно должен быть мужчиной. Эту роль может выполнять и женщина; 5) хотя материнство для женщины одно из ее предназначений, она может свободно выбирать, иметь ей детей или не иметь; 6) родители не должны быть жертвенными.

Термин «мозаичный тип семейного сознания» вводится нами для описания сознания, ко-

торое характеризуется отрывочностью представлений о семье из-за отсутствия целостности ценностно-смысловой структуры личности. В нем эклектично сосуществуют совершенно разные, порой прямо противоположные «кусочки» разных картин мира. В нашем случае, это патриархальная и эгалитарная картины. Эти «кусочки» извлекаются на поверхность хаотично: на одну и ту же ситуацию мозаичное сознание в одних случаях привлекает традиционные аспекты, а в других – эгалитарные.

Мозаичное сознание практически не исследуется в рамках социологии. Мы полагаем, что мозаичное сознание формируется в процессе социализации благодаря действию ряда факторов. Одним из наиболее существенных является «мозаичная культура». Мозаичная культура по А. Молю состоит «из разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей. Эти обрывки не образуют структуры, но они обладают силой сцепления, которая не хуже старых логических связей придает «экрану знаний» определенную плотность, компактность, не меньшую, чем у «тканеобразного» экрана гуманитарного образования». Как указывает А. Моля, «мозаичная культура» составлена в сознании каждого индивидуума из разрозненных фрагментов знаний, которые по определенным статистическим законам оседают в его памяти наподобие геологических осадочных пород и образуют в его мозгу нечто вроде хранилища сообщений, передаваемых средствами массовой коммуникации [9, с. 276].

Концепция А. Моля, позволяет нам сделать вывод о том, что, во-первых, мозаичная культура присутствует в сознании каждого человека, во-вторых, она влияет на случайное, хаотическое восприятие разнородной информации, в-третьих, в результате влияния мозаичной культуры эта информация не организуется сознанием человека в иерархически упорядоченные структуры.

Мозаичное сознание как продукт мозаичной культуры отличают следующие черты: поверхность, несклонность к рефлексии, непрерывное стремление к поиску нового, которое быстро становится неинтересным.

Как нам представляется, в мозаичном сознании находятся в тесном переплетении прагматические и гедонистические устремления, касающиеся семейных отношений. Прагматические устремления в мозаичном сознании по-особому рационально связывают цели и средства. Рациональное заставляет просчитывать все варианты,

все альтернативы и выбирать наиболее успешный, который нередко сопряжен с гедонистическими посылами человека. Семья, работа, друзья рассматриваются как средства достижения рациональных целей. При этом семья расценивается с позиции индивидуалистического сохранения личной свободы, сопряженной с гедонистическими устремлениями. Еще одной характеристикой мозаичного типа сознания является страх одиночества, что заставляет людей искать разные пути ухода от этого.

Мозаичный тип семейного сознания может иметь место не только у молодых людей и девушек добрачного периода, но и у уже создавших семью. Этот вывод иллюстрируют исследования М.Н. Родштейн и Т.К. Рулиной: «Идеальные образы современного мужчины и женщины плохо согласуются с супружеской стабильностью и многодетностью. Поэтому первоначальная радость от родительского статуса (если она ощущается) вскоре вступает в противоречие с социальными и прочими потребностями личности. Порой она пропадает или перерождается в ощущение обременяющей обязанности, вызывающей внутреннее напряжение и конфликтность» [11]. Мозаичный тип сознания в некотором смысле противоречив [4; 5].

Укажем, что при мозаичном типе семейного сознания содержатся следующие латентные переменные: 1) брак между мужчиной и женщиной может быть зарегистрирован, а может оставаться и незарегистрированным. Вполне допустимы альтернативные формы семейной жизни; 2) в качестве ведущего мотива вступления в брак может быть любой, но в имплицитной форме доминирует боязнь одиночества; 3) в брак можно вступать, если молодые прошли проверку на прочность отношений в незарегистрированном браке, мужчина имеет хорошую обеспеченность, а также в наличии имеется квартира (все указанные обстоятельства отражают прагматичность условий вступления в брак); 4) глава семьи может быть, а может и не быть. Если такой имеется, то лучше, если эта роль каким-либо образом распределяется между мужчиной и женщиной; 5) хотя предназначение женщины и состоит в рождении детей, но она не обязательно должна их иметь; 6) родители не должны быть жертвенными.

С российской стороны под руководством автора было проведено социологическое исследование путем опроса студентов 7 новосибирских вузов в период с октября по ноябрь 2011 г. Научно-исследовательский проект с белорусской стороны возглавляла кандидат социологических наук И.В. Лашук, заведующая сектором

культурных инноваций Института социологии Национальной Академии наук Беларуси. В процессе исследования были изучены представления студенческой молодежи 7 минских вузов в тот же временной период. Выборочная совокупность формировалась в две ступени: на первой ступени осуществлялся простой случайный отбор вузов города, на второй – стратифицированный отбор. Выборочная совокупность составила: в Новосибирске – 561 респондент, в Минске – 507 респондентов.

Исследуя представления о формах семейной жизни, нам удалось выделить все три типа семейного сознания. Отвечая на вопрос «Как Вы относитесь к существующим формам семейной жизни?», респонденты оценивали зарегистрированный брак между мужчиной и женщиной, свободное сожительство мужчины и женщины, зарегистрированный однополый брак, свободное однополое сожительство, свободное сожительство нескольких мужчин и женщин. В качестве вариантов ответов предлагались следующие: «в целом положительно», «безразлично», «в целом отрицательно», «затрудняюсь ответить».

Традиционный тип семейного сознания в этом вопросе проявился в положительном отношении респондентов к зарегистрированному браку (Новосибирск: М – 94,4%, Ж – 97,3%; Минск: М – 88,5%, Ж – 96,1%), отрицательном отношении ко всем остальным альтернативным формам брака: зарегистрированному однополую браку (Новосибирск: М – 78,2%, Ж – 49,2%; Минск: М – 71,5%, Ж – 42,5%), свободному однополую сожительству (Новосибирск: М – 61,8%, Ж – 35,5%; Минск: М – 52,0%, Ж – 34,3%), свободному сожительству нескольких мужчин и женщин (Новосибирск: М – 51,5%, Ж – 66,9%; Минск: М – 44,5%, Ж – 69,4%).

Эгалитарный тип семейного сознания выделен у респондентов, которые позитивно оценивают свободное сожительство мужчины и женщины, которое в обыденном сознании получило название «гражданский брак» (Новосибирск: М – 50,0%, Ж – 53,2%; Минск: М – 44,5%, Ж – 43,6%).

Мозаичный тип семейного сознания обнаружен у респондентов, которые одновременно поддерживают и официальную форму семейной жизни, и незарегистрированную форму. Мы полагаем, что во втором случае сожительство не расценивается ими как семья в строгом смысле слова. Эта форма выступает как некая «репетиция» перед официальной формой брака, что характеризует прагматические варианты выбора партнера, стремление к просчету всех вариантов и альтернатив.

Нужно отметить, что мозаичный тип семейного сознания встречается и тогда, когда респонденты положительно оценивают однополое сожительство. Хотя таких ответов немного, но, тем не менее, они имеют место. Так, о зарегистрированном однополым браке говорят 1,7% новосибирских молодых людей и 7,7% девушек, 3,5% молодых людей из Минска и 10,1% девушек; о свободном однополым сожительстве – 3,1% новосибирских молодых людей и 8,4% девушек, 5,0% молодых людей из Минска и 13,1% девушек.

Типы семейного поведения исследовались с помощью вопроса «Как Вы считаете, что побуждает людей вступать в брак?». В качестве вариантов респондентам были предложены такие мотивы вступления в брак, как желание быть вместе с любимым человеком, возможность решить свои материальные проблемы, желание иметь детей, боязнь одиночества.

Анализируя полученные результаты, мы можем сделать выводы о наличии всех трех типов семейного сознания. Респонденты, выбравшие в качестве ведущего типа два мотива, а именно «желание быть вместе с любимым человеком» и «желание иметь детей» (Новосибирск: М – 55,0%, Ж – 61,9%; Минск: М – 68,3%, Ж – 73,3%), имеют преимущественно традиционный тип семейного сознания. Указавшие на мотив «желание быть вместе с любимым человеком» (Новосибирск: М – 80,2%, Ж – 88,3%; Минск: М – 85,4%, Ж – 89,9%) демонстрируют эгалитарный тип сознания.

У трети девушек (31,4% и 36,5% соответственно) и пятой части молодых людей (21,0% и 28,6% соответственно) обнаруживается мозаичный тип семейного сознания. Они мотивированы вступлением в брак боязнью одиночества. Этот же тип выявляется у девушек, мотивированных возможностью решить свои материальные проблемы (19,4% и 23,5% соответственно).

Таким образом, изучение представлений о мотивации вступления в брак показывает, что она может быть продиктована у значительного числа респондентов традиционными и эгалитарными аспектами семейного сознания. Вместе с тем обнаруживаются и мозаичные аспекты сознания, которые чаще обнаруживаются у девушек.

Оптимальное время вступления в брак изучалось с помощью вопроса «Лучше всего вступать в брак в случае, когда...» и следующих вариантов ответов: молодые закончили высшее учебное заведение; мужчина имеет хорошую материальную обеспеченность; есть взаимные чувства; родители дали согласие; есть квартира; молодые прошли проверку на прочность своих

отношений (например, пожилы в незарегистрированном браке).

Анализируя результаты, мы пришли к выводу о наличии разных типов при оценке времени вступления в брак, но преимущественно мозаичном. Примерами мозаичного типа семейного сознания являются варианты ответов о хорошей материальной обеспеченности, имеющейся у мужчины: Новосибирск: М – 51,9%, Ж – 44,8%; Минск: М – 59,3%, Ж – 50,8%; о проверке на прочность своих отношений: Новосибирск: М – 58,8%, Ж – 50,8%; Минск: М – 61,1%, Ж – 68,6%; о наличии квартиры. Как мы указывали, мозаичность в данном случае связана с прагматизмом. Выйти замуж или жениться можно с уверенностью тогда, когда мужчина обеспечен, проверены отношения и имеется квартира. Конечно, прагматизм имеет место и при традиционном и при эгалитарном типах сознания. Однако мозаичное сознание отличается тем, что по значимости в одном ряду с личностными отношениями располагаются прагматично-материальные отношения, а, возможно, и превосходят первых.

Традиционный тип представлен крайне редко, поскольку о родительском согласии высказались лишь единицы. В пользу эгалитарного типа свидетельствуют данные о взаимных чувствах: Новосибирск: М – 71,4%, Ж – 81,6%; Минск: М – 77,9%, Ж – 84,7% и о том, чтобы молодые закончили высшее учебное заведение.

Итак, полученные данные свидетельствуют о том, что некоторые характеристики традиционного типа отношений в вопросах времени вступления в брак утрачивают свою ценность, тогда как эгалитарные и мозаичные аспекты, напротив, упрочиваются.

Респонденты в большинстве случаев считают, что в семье должен быть глава. Однако молодые люди и девушки расходятся во взглядах, кто же должен исполнять роль главы семьи. Так, молодые люди в обеих выборках полагают, что им должен быть муж (55,6% и 51,3% соответственно). Девушки же проявляют большую гибкость во взглядах и говорят о том, что роль главы семьи распределяется попеременно между мужем и женой в зависимости от ситуации (64,1% и 63,8% соответственно). Как видим, у молодых людей доминируют традиционные аспекты семейного сознания о распределении ролей, а у девушек – эгалитарные и мозаичные.

Что же касается распределения обязанностей, то мы задали респондентам два вопроса о том, как должно быть с распределением и как обстоят дела в действительности. При этом им необходимо было все виды домашней работы отне-

сти либо к исключительно «мужским» обязанностям, либо к исключительно «женским» обязанностям, либо указать, что муж и жена выполняют их в равной мере. Оказалось, что в идеальном варианте (как «должно быть») значительная часть работы должна выполняться мужчиной и женщиной в равной мере, что согласно нашему подходу характеризует эгалитарный тип сознания. Сюда относятся воспитание детей, заготовка продуктов, уход за животными, организация досуга, управление бюджетом, забота о здоровье членов семьи, принятие ключевых решений.

Исключение составляют такие работы, как приготовление пищи, домашний ремонт, ремонт одежды, стирка одежды и глажение белья. Обими группами респондентов ремонт одежды, стирка одежды и глажение белья отнесены к исключительно «женским» обязанностям. Новосибирские респонденты отнесли сюда также и приготовление пищи. Все перечисленные виды деятельности отражают наличие традиционных аспектов сознания.

Совсем иная картина получается при описании студентами реальной картины распределения обязанностей в их семьях. Большинство работ оцениваются опрошенными как исключительно «женские» обязанности, что соответствует традиционализму. К «мужским» отнесен лишь домашний ремонт. Организация досуга, управление бюджетом и принятие ключевых решений, по мнению респондентов, в равной мере выполняются мужем и женой, что является пример эгалитарных аспектов сознания.

Полученные результаты позволяют в некоторой степени понять, что мозаичность сознания студенческой молодежи конструируется через противоречие представлений и социальных практик. Будучи свободными от семейных уз, они рассуждают в феминистском направлении, но социальная практика свидетельствует об обратном. Взаимное противоречивое влияние представлений и практики становится причиной формирования мозаичности.

Мы предложили респондентам оценить несколько дихотомичных высказываний, в которых содержались представления о родительстве.

Анализ первого высказывания «Женщина обязательно должна иметь детей, в этом ее предназначение» показал, что полностью согласны с этим утверждением обе новосибирские группы (М – 64,7%, Ж – 52,7%) и молодые люди из Минска (53,8%). 45,4% минских девушек скорее согласны с этим высказыванием. Иными словами, у примерно половины респондентов обнаружилось аспекты традиционного типа сознания.

Второе высказывание «Женщина может свободно выбирать, иметь ей детей или нет» отражает уход от традиционализма к свободе выбора личности. 54,5% новосибирских молодых людей обнаруживают полное несогласие с этим утверждением. Девушки в обеих группах (55,7% и 43,1% соответственно) полностью соглашаются, а 39,2% молодых людей из Минска выбирают ответ «скорее, да». Мы полагаем, что у согласившихся респондентов имеет место эгалитарный тип сознания. У тех респондентов, которые разделяют оба мнения, наблюдается мозаичный тип сознания.

Рассмотрим следующие два дихотомичных высказывания. Первое о том, что «Родители должны все лучшее отдавать детям, даже в ущерб своему благополучию и жизненным целям» содержит аспекты традиционного типа семейного сознания. Девушки в обеих выборках не согласны с этим утверждением (43,6% и 42,5% соответственно), а молодые люди частично согласились (35,3% и 36,9% соответственно). Очевидно, что примерно у трети молодых людей наблюдаются традиционализм. Отказываясь быть жертвенными родителями, девушки проявляют эгалитарный и мозаичный тип семейного сознания.

Второе высказывание «У родителей, кроме заботы о детях, должна быть и своя жизнь, которую вовсе не надо приносить никому в жертву» имеет прямо противоположный характер. Результаты показывают, что с ним полностью или частично согласны все респонденты: Новосибирск: М – 58,4%, Ж – 70,8%; Минск: М – 49,2%, Ж – 63,3%. Это означает наличие эгалитарного и мозаичного типов семейного сознания. Сопоставляя результаты двух высказываний, можем говорить о том, что у молодых людей в этом вопросе имеют место традиционные и эгалитарные аспекты сознания, а у девушек – эгалитарные и мозаичные.

Таким образом, латентная переменная, связанная с родительством чаще всего была связана с традиционными аспектами сознания у молодых людей. У девушек же в большей мере проявлялись эгалитарные и мозаичные представления.

Подведем итоги. Традиционный тип семейного сознания ориентирован на семейные отношения, в которых признается «традиция», примерами которой являются зарегистрированная форма семейных отношений, главенство мужчины и т.д. Эгалитарный тип семейного сознания нацелен на избегание «традиции» в семейных отношениях, что может проявляться, например, в незарегистрированной форме брака,

главенстве и мужчины и женщины и т.д. Мозаичный тип семейного сознания рассматривается нами как особый тип сознания, в котором имеется отрывочность представлений о семье из-за отсутствия целостности ценностно-смысловой структуры личности. В нем эклектично сосуществуют «кусочки» разных картин мира. Они привлекаются на поверхность хаотично: на одну и ту же ситуацию мозаичное сознание в одних случаях может привлекать традиционные, а в других – феминистские аспекты.

Эмпирическое изучение латентных переменных, показало, что практически во всех компонентах семейного сознания содержатся как традиционные, эгалитарные, так и мозаичные аспекты семейного сознания. Чаще всего мозаичные аспекты сознания были обнаружены нами при изучении когнитивных и мотивационных компонентов сознания. Что касается когнитивных компонентов, то мозаичность выявилась при изучении представлений о формах семейной жизни. Интересно, что у девушек мозаичность сознания встречается чаще, чем у молодых людей. Исследование главенства в семье показало наличие традиционализма у молодых людей и мозаичности сознания у девушек.

При исследовании мотивационных компонентов сознания мозаичные аспекты обнаружены у молодых людей и девушек в вопросе времени вступления в брак, что, согласно нашим представлениям, объясняется чрезмерно прагматичными устремлениями молодежи.

Если оценивать частоту проявления рассматриваемых типов семейного сознания, то можно отметить следующее. Хотя традиционные аспекты семейного сознания встречаются в обеих группах, все же в большей мере они присутствуют у молодых людей. На наш взгляд, это связано с процессами передачи гендерной культуры и большего усвоения гендерных стереотипов из этой культуры молодыми людьми. У девушек чаще, чем у молодых людей, обнаруживаются эгалитарные и мозаичные аспекты семейного сознания, что опять-таки связано с влиянием гендерных стереотипов [2; 6; 7; 8].

Таким образом, у студенческой молодежи присутствуют разные типы семейного сознания. Важно, что сохраняются преимущественно традиционные аспекты, которые касаются, например, главенства в семье, форм семейной жизни. Вместе с тем имеют место также эгалитарные и мозаичные аспекты. В большей мере мозаичность имеет место там, где наблюдается альтернативность выбора, возможность просчета вариантов, иными словами, прагматизм. Показательным примером выступает такой мотивационный

компонент сознания, как время вступления в брак. Выйти замуж или жениться студенческая молодежь может с уверенностью тогда, когда мужчина обеспечен, проверены отношения и имеется квартира. Конечно, прагматизм имеет место и при традиционном, и при эгалитарном типах сознания. Однако мозаичное сознание отличается тем, что по значимости в одном ряду с личностными отношениями располагаются прагматично-материальные отношения, а возможно, и превосходят первых.

В целом можно говорить о подвижности семейного сознания, о преобразованиях в соответствии с изменениями в обществе. Мотивационные и когнитивные аспекты сознания испытывают наибольшие перемены. То, что полученные нами результаты отражают сходные тенденции в семейном сознании студенческой молодежи в разных странах, свидетельствует о глобализационных процессах, влияющих на все сферы жизни, включая семью, которые социологам предстоит еще изучить.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания: пер. с англ. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Бери Ш. Гендерная психология. – СПб.: Прайм-еврознак, 2004. – 320 с.
3. Гидденс Э. Элементы теории структуриации // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – С.40–80.
4. Ильиных С.А. Теория и практика организационной культуры // Проблемы современной экономики. – 2007. – №2. – С.174–176.
5. Ильиных С.А. Новые аспекты в понимании феномена организационной культуры: авторский социолого-управленческий подход // Современные направления теоретических и прикладных исследований 2010: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. – Одесса: Черноморье, 2010. – Т.23.
6. Ильиных С.А. Концепты маскулинности и фемининности в русле гендерного подхода // Идеи и идеалы. – 2011. – Т.1, №4. – С.131–144.
7. Ильиных С.А. Фамилистика: введение нового понятия «семейное сознание» // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – Ч.1, вып.3. – С.231–240.
8. Клецина И.С. Психология гендерных отношений: теория и практика. – СПб.: Аллетейя, 2004. – 408 с.
9. Моль А. Социодинамика культуры: пер. с фр. / предисл. Б.В. Бирюкова. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 416 с.
10. Нечаева Н.А. Патриархатная и феминистская картины мира: анализ структуры массового сознания // Гендерные тетради. – 1997. – №1. – С.17–43.
11. Родштейн М.Н., Рулина Т.К. Гендерный конструкционизм в кризисном обществе: трансформация социальных ролей // Грани познания. – 2010. – №2(7).
12. Giddens A. Modernity and self-identity. – Stanford: Stanford University Press, 1991. – pp.89–97.
13. Parsons T. Age and sex in the social structure (1942) // Parsons T. Essays in sociological theory pure and applied. – Glencoe, Illinois, 1949. – P.218–232.

Ильиных Светлана Анатольевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социальных коммуникаций и социологии управления Новосибирского государственного университета экономики и управления, г. Новосибирск, e-mail: ili.sa@mail.ru

Ilinykh Svetlana Anatolievna, doctor of sociological sciences, professor, department of social communications and sociology of management, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, e-mail: ili.sa@mail.ru

УДК 316.356.2

© Л.Н. Чукреева

КУЛЬТУРА СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В МОЛОДОЙ СЕМЬЕ

В статье рассматривается роль культуры в семейной коммуникации как источника сохранения стабильности. Особое внимание отводится вопросу формирования ценностно-нормативной структуры молодой семьи. Приводятся данные социологического исследования по анализируемой проблеме.

Ключевые слова: культура семейных отношений, семья, ценности.

L.N. Chukreeva

CULTURE OF FAMILY RELATIONS IN A YOUNG FAMILY

This paper considers the role of culture in family communication as a source of maintaining stability. Special attention is paid to formation of valuable and normative patterns of a young family. The data of sociological research on analyzed case study problem are submitted.

Keywords: culture of family relations, family, values.

Семья является одним из источников социальной стабильности общества. И сегодня вопросы, касающиеся устойчивости и благополучия российской семьи остаются актуальными, особенно в отношении молодых семей. Несмотря на то, что государство стремится улучшить социально-экономические условия функционирования как семьи в целом, так и молодой семьи, в частности, реализуя различные целевые программы, оно не может гарантировать обществу устойчивость молодой семьи, поскольку данная проблема имеет ряд специфических особенностей.

Хотя, законодательно в Российской Федерации не закреплено понятие «молодая семья», в ряде федеральных законов указывается, что молодой семьей является семья с детьми, в которой оба супруга (мать или отец, если семья неполная) не старше 35 лет [1]. С позиции научного осмысления под молодой семьей понимается семья в первые три года после заключения брака (в случае рождения детей – без ограничения продолжительности брака), в которой оба супруга не достигли 30-летнего возраста, а также семья, состоящая из одного из родителей в возрасте до 30 лет и несовершеннолетнего ребенка. Молодая семья является особым социальным субъектом, имеющим свои характерные отличия от семьи «более старшего возраста».

Н.А. Тырнова определяет молодую семью как субъект воспроизводства населения и объект социальной политики: это супруги активного

репродуктивного возраста (до 28 лет), проживающие совместно с момента фактического образования супружеского союза не менее двух лет, с родственниками или без них, с детьми или без них, с любыми ориентациями на детность [2]. Специфика молодой семьи определяется тем, что она находится в процессе своего становления, интенсивного развития, нестабильности отношений между ее членами, освоения ими социальных ролей, а также социализации семьи в обществе как самостоятельного социального субъекта и выполнения функций как социального института.

Существенным вкладом в решение этой важнейшей проблемы могут стать эффективные действия по реализации принятой в России «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.» [3]. Это позволит создать условия для каждого ребенка, его образования, воспитания и социализации. Достижение заданных целей возможно при условии государственной поддержки семьи путем разработки и реализации программы государственной поддержки семьи, включающей пропаганду через средства массовой информации, систему образования, социальной защиты, здравоохранения и культуры семейных ценностей, приоритетов ответственного родительства, защищенного детства, нетерпимости ко всем формам насилия и телесного наказания в отношении детей. В то же время, невозможно решать проблему устойчивости без участия самой семьи, поэтому важную

роль приобретает культура внутрисемейных отношений и семейно-бытового взаимодействия. Она отражает не только сложный комплекс взаимоотношений супругов и членов семьи, но и связь поколений.

На разных этапах своего развития семья выполняет различные функции, следовательно, меняется и ее ценностно-нормативная структура. Такой процесс адаптации позволяет ей не только приспособиться к выполнению «новых» функций, но и делает ее более устойчивой в изменяющихся социально-экономических, социокультурных условиях.

Исследование культуры семейных отношений многогранно. Каждый исследователь определяет не только проблемное поле в семейной культуре, но и, обладая собственным методологическим подходом, определяет переменные для его изучения. В этом контексте представляют определенный интерес результаты комплексного исследования условий функционирования молодой семьи в Республике Бурятия, проведенного творческим коллективом, включая автора, в 2014 г. по заказу Комитета по молодежной политике Министерства образования и науки Республики Бурятия. Выборочная совокупность составила 200 человек (100 семейных пар, состоящих в зарегистрированном браке).

Особого внимания заслуживают социологические данные, характеризующие морально-психологический климат семьи, поскольку он отражает не только нормы и правила поведения в семье, но и их согласованность с общепринятыми моделями поведения в обществе. Были выявлены преимущественно положительные оценки семейного морально-психологического климата (94,5%). Причем, 27% респондентов оценили его как «скорее благоприятный», что свидетельствует о наличии некоторых противоречий в семье, которые супруги стремятся решать. При распределении ответов респондентов следует учитывать и тот факт, что у 69% опрошенных продолжительность семейной жизни составляет не более 7 лет, а образовательный уровень достаточно высокий – 63% имеют высшее образование.

Отношения внутри семьи – процесс сложный и многообразный, поэтому важную роль в этих отношениях играет каждый участник. Во многом, благодаря духовному родству, в семье формируется круг значимых социальных субъектов, которые вносят свой «особый» вклад в выстраивание этих отношений, а, значит, именно от них зависит уровень духовной и бытовой культуры семьи, настроение ее членов и их психологический комфорт. Данные проведенного

опроса молодых семей свидетельствуют, что настроение в семье «задают» оба супруга (28,5%). Это является подтверждением того факта, что молодые семьи ориентированы на эгалитарный тип семьи (совместное руководство в семье). При этом особенностью является то, что молодые супруги совместно участвуют не только в распределении доходов своей семьи, но и в воспитании детей (52%), планировании и организации досуга семьи (63%), приглашении гостей и выстраивании социальных связей вне семьи (61,5%), совместно заботятся о сохранении здоровья (62%).

В молодых семьях Республики Бурятия, как и в целом по России за мужчиной традиционно закрепляется роль «добытчика» (51%). В то же время, наряду с патриархальными семьями в обществе усиливается позиция эгалитарной семьи. Доля молодых семей в республике, разделяющих такой взгляд на семью, составила 38,5%. Для женщины традиционными семейными обязанностями остаются бытовые заботы (56,5%) и обязанность поддерживать уют и комфорт в доме (65,5%). Полученные данные, с одной стороны, свидетельствуют о тенденции к перераспределению гендерных ролей в реализации функций семьи, прежде всего, экономической и воспитательной. С другой стороны, в обществе формируются «двойные стандарты» по отношению к женщине в вопросе выполнения социальных ролей. Успешная женщина сегодня это не только замужняя женщина, имеющая детей, но и активно занимающаяся своей карьерой. Данная ситуация не всегда благоприятно сказывается на внутрисемейных отношениях и часто является почвой для семейных разногласий. От активного участия женщины в функционировании семьи, как малой социальной системы, зависит социальное самочувствие семьи, ее репродуктивные установки.

Развитие, поддержание культуры брачно-семейных отношений предполагает умение членов семьи решать возникающие конфликты. Наиболее частыми причинами семейных конфликтов являются личные отношения супругов (30%). Этот факт объясняется тем, что в молодой семье происходит процесс адаптации к совместной семейной жизни, освоению новых для них социальных ролей, выстраиванию значимых социальных отношений с родственниками супруга(и). Ценности и нормы переосмысливаются во взаимодействии с членами семьи. Не менее важной причиной конфликтов в семье является ее материальное положение (24,5%): низкие доходы, отсутствие собственного жилья, высокая закредитованность населения и пр. По данным

органов статистики, у семей с низким уровнем дохода (ниже черты прожиточного минимума) в 1,5–2 раза снижены возможности для развития детей. Выходом в данной ситуации могло бы стать снижение уровня безработицы, развитие малого и семейного предпринимательства, повышение экономической самостоятельности семей.

Третьей по значимости причиной семейных конфликтов является распределение обязанностей по дому (11%). Хотя эта проблема не является феноменом современности, тем не менее, ее обострение происходит из-за роста однополовых семей, где ребенок занимает свое исключительное место. В дальнейшем он, транслируя собственный социальный опыт, опыт родительской семьи, стремится к выстраиванию аналогичных отношений уже в созданной ими семье. Разрешению проблемы нарастания эгоистических настроений в молодых семьях и эскалации конфликтов может способствовать повышение уровня культуры семейных отношений. Следующую позицию по причинам конфликта разделили проблемы воспитания детей (10%) и распределения семейного бюджета (10%). Причины последнего были описаны выше среди экономических факторов, влияющих на формирование неблагоприятных материальных условий. Нередко стиль воспитания становится причиной не только конфликтов между матерью и отцом, но и между родителями и бабушками, дедушками. В результате опроса были выявлены тенденции: снижение роли старшего поколения в формировании личности ребенка и усиление роли отца в воспитательном процессе детей, что в современных условиях очень важно.

Распределение ответов респондентов полностью отражает процессы, происходящие в молодой семье: идет адаптация к роли жены/мужа, матери/отца, в семьях рождаются и подрастают дети, что ведет к перестройке личных отношений внутри семьи между супругами, родителями и детьми. Расширение семьи требует больших материальных затрат, но именно в этот период женщины, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком, ограничены в своей профессиональной деятельности, что создает дополнительные трудности. «Бичом» современного общества стали кредиты, которые также вносят свою долю раздора в семьи, деформируя процессы распределения семейного бюджета, поскольку существующие социально-экономические условия невозможно полностью ликвидировать. Важно показать молодым супругам, что трудности проходят и научить находить компромисс в любой

ситуации. Это позволит стабилизировать молодые семьи.

Конфликт по своей социальной природе противоречив: в нем есть как позитивные стороны, так и негативные. Преодолевая конфликты, семья не только разрешает возникшие противоречия, но и «социально взрослеет». Опрос показал, что в 56% молодых семей способом разрешения конфликтных ситуаций являются переговоры, то есть респонденты идут по конструктивному пути, при этом 30% опрошенных стараются уступать. Данный способ выхода из конфликтной ситуации не всегда является конструктивным, хотя этот способ позволяет сохранить семейное спокойствие и позволяет снять напряженность в отношениях, но не ликвидирует причины конфликта. Это, в свою очередь, может приводить к негативным последствиям в последующей семейной жизни, когда обиды накапливаются, решения нет, частота конфликтов может увеличиваться, также как и их продолжительность, что в конечном итоге ведет к разрушению семьи. Неразрешенные конфликты внутри семьи негативным образом сказываются не только на супругах, но и их детях. Накопленную агрессию взрослые выплескивают на детей, что выражается в проявлении актов насилия. Данные рисунка 1 показывают, что именно дети становятся объектами критики чаще, чем супруги. Если критика в меру и по существу, то она может носить воспитательный характер. Но если она постоянная, да еще на фоне низкой семейно-бытовой культуры, то возможно это уже проявление насилия в форме психологического давления.

Такие факты вызывают обеспокоенность и тревогу, поскольку общество отстранилось от участия в решении острой проблемы современности - домашнее насилие, переложив ее на государственные органы и структуры, занимающиеся вопросами семьи и детей. С молчаливого согласия большинства насилие становится угрозой стабильности общества, жизни и здоровью членов семьи.

В выстраивании семейных отношений, как уже отмечалось выше, важен каждый член семьи, поскольку семья это «миниатюрная» социальная система, в которой каждый член семьи выполняет определенную функцию: от адаптации до интеграции системы и поддержания образца. При таком понимании семьи актуализируется необходимость достижения взаимопонимания и учета интересов близких, родных людей порой выше своих собственных, ради поддержания целостности системы и ее эффективного функционирования. В целях анализа данной си-

туации респондентам были заданы вопросы: «Отмечаете ли Вы достижения и успехи членов вашей семьи?» и «Критикуете ли Вы действия членов своей семьи?». Ответы респондентов представлены на рисунке 1.

Из представленных данных видно, что чаще всего в семье отмечают успехи и достижения детей, но, в тоже время, они же в большей мере становятся и объектами критики. Что касается супругов, то здесь респонденты отметили, что и хвалят и критикуют супругов также как и себя. Более постоянным вниманием, по мнению респондентов, все-таки пользуется супруг(а), на фоне постоянной самокритики. Данное распределение показывает, что в культуре семей осо-

бую ценность имеют дети. Это важно отметить на фоне малодетности современной семьи. Высокая критика действий ребенка свидетельствует об активном участии родителей в воспитании детей, с одной стороны, а, с другой, это является свидетельством гиперопеки, либо приверженности родителей к жесткому стилю воспитания. Также разброс ответов респондентов говорит об отсутствии предпочтений в выборе конкретных моделей воспитания детей. Аналогичная ситуация наблюдается и в ответах на вопрос о целях воспитания, поскольку современные молодые родители стремятся к всестороннему развитию ребенка при минимальных временных затратах на его воспитание.

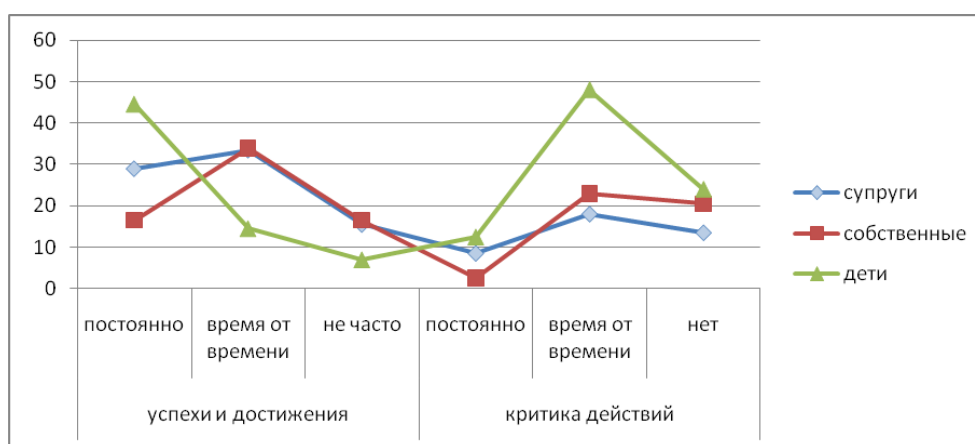

Рис. 1. Оценка респондентами действий членов семьи

Анализируя культуру брачно-семейных отношений, необходимо отметить, что она проявляется в умении жить в семье и напрямую зависит от уровня нравственности, воспитанной с детства. Исследование показало, что супружество занимает второе место в иерархии культурных ценностей. Возможно, это особенность молодой семьи, поскольку именно в период репродуктивного родительства внимание переключается на детей, в то время как супруги начинают испытывать его дефицит. Согласно мнению респондентов, в вопросах формирования общих семейных норм они чаще руководствуются жизненными правилами и принципами как жены (38%), так и мужа (37%). Правила старшего поколения (23%) оттесняются на второй план.

В семье происходят процессы сохранения, производства и трансляции культурных ценностей. Одни ценности общекультурные, другие семейные, но, так или иначе, семья это один из важных агентов социализации, который помогает усваивать не только социальные нормы, но и способствует формированию ценностной структуры в целом. Наиболее значимые нравственные

ценности, формируемые в семье, представлены на рисунке 2.

Как видно по ответам респондентов, самой значимой ценностью семьи является нравственная ценность – забота о близких (61%). Она базируется на принципах альтруизма, поэтому ориентирована на бескорыстное участие в жизни родных, взаимопомощь. Благоприятными условиями формирования этой ценности является, на наш взгляд, расширенная семья, поддержание родственных связей и отношений с близкими родственниками. Тому же принципу отвечает и ценность «уважение к старшим» (21%). В ней нередко заменяется личностно-нормативный (чувство морального долга) мотив действия на эмоциональный (сочувствие).

Важнейшими базовыми ценностями российского общества являются: соборность и стремление к правде. Под соборностью понимается устремленность к высшим духовно-нравственным ценностям, основанная на единстве людей, она реализуется через такие ценности как: доброта (24%), трудолюбие (16%), милосердие (4%), честность (34,5%), справедливость (17%), верность (34,5%). Представленные на рисунке 2

показатели свидетельствуют об их не достаточно высоком уровне. Это имеет существенное значение, поскольку соборность представляет собой компромисс между поколениями, которые

сформировались в эпоху СССР, и современным молодым поколением, и это нельзя не учитывать в социальной практике.

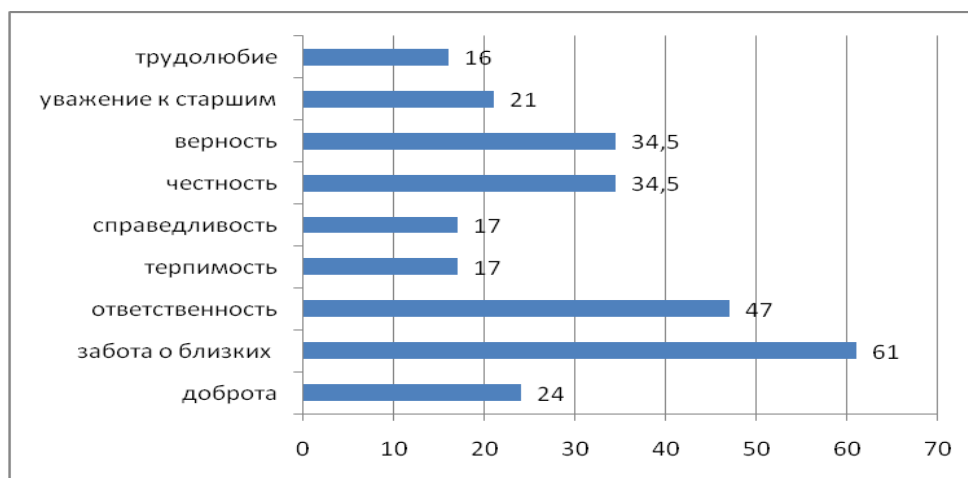

Рис. 2. Нравственные ценности молодой семьи

Подводя итог, необходимо акцентировать внимание на то, что наличие культуры семейных отношений является основой для существования стабильных семей и поступательного развития общества. Проведенное исследование показало:

1. Современная молодая семья – эгалитарная семья. Распределение обязанностей в семье имеет тенденцию закрепления гендерного равенства;

2. В формировании культуры семейных отношений участвуют оба супруга в равной степени, отесняя старшее поколение, но, не исключая его;

3. Формирование ценностно-нормативной структуры в молодой семье несет отпечаток компромисса между поколениями, что позволяет сохранять преемственность и снижает конфликтогенность в семьях;

4. Особого внимания заслуживает культура общения родителей и детей, поскольку молодые родители имеют размытое представление о цели и стиле воспитания, у них не отработан социокультурный механизм влияния на личность ребенка в процессе взаимодействия.

Для повышения уровня культуры семейных отношений необходимо:

- формирование у молодежи высоких нравственных ценностей и культуры добрачного поведения молодежи;
- широкая пропаганда положительного опыта современной семьи в целом, ответственного материнства, отцовства и детства;
- проведение психологами, социальными педагогами и социальными работниками более широкой просветительской работы по расшире-

нию знаний о семье и детях, детской и гендерной психологии в рамках образовательных программ образовательных учреждений, тренингов, консультаций и иных методов;

- организация «школ молодой семьи», которые позволили бы реализовать систему подготовки молодежи к семейной жизни;
- проведение мониторинговых социологических исследований с целью изучения состояния молодежи, ее настроений и своевременное диагностирование проблем.

Литература

1. Федеральный закон от 29.12.2006 г. №256 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [Электронный ресурс]. – URL: <http://mol7ya.ru/zakon-gospodderzhka.html> (дата обращения 11.09.2014).
2. Тырнова Н.А. Молодая семья в современной России: проблемы и тенденции развития: дис. ... канд. социол. наук. – М., 2005 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/125863.html> (дата обращения 01.10.2014).
3. Указ Президента РФ от 1.06. 2012 г. №761 «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.» [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/70183566/> (дата обращения 16.09.2014)

Чукреева Лариса Николаевна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социальных технологий Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ, e-mail: chukreeva_water@mail.ru
Chukreeva Larisa Nikolaevna, candidate of sociological sciences, senior lecturer, department of social technology, Eastern-Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, e-mail: chukreeva_water@mail.ru

УДК 347.91/95

© А.В. Саргаев

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ И ПРАВОВОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье обоснованы разработка и необходимость внедрения мероприятий по оптимизации процессов социально-культурной и правовой адаптации иностранных граждан в Российской Федерации. Даны рекомендации для повышения эффективности работы в области содействия адаптации и интеграции мигрантов в принимающий социум.

Ключевые слова: иностранные граждане, мигранты, оптимизация, трудовые отношения, социальная установка, социальная структура, социологическое исследование.

A.V. Sargaev

OPTIMIZATION OF PROCESSES OF SOCIO-CULTURAL AND LEGAL ADAPTATION OF FOREIGN CITIZENS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article considers the development and the need for implementation of measures on optimization of the processes of socio-cultural and legal adaptation of foreign citizens in the Russian Federation. Recommendations have been elaborated for improving effectiveness in promoting the adaptation and integration of migrants in the host society.

Keywords: foreign citizens, migrants, optimization, labor relations, social setting, social structure, sociological research.

Данная статья посвящена разработке рекомендаций по повышению эффективности работы в области социально-культурной и правовой адаптации и интеграция мигрантов в принимающий социум, а также обоснованию необходимости внедрения мероприятий по оптимизации наиболее проблемных областей данных социальных процессов. Важно отметить, что мероприятия по оптимизации должны осуществляться не только в сфере оказания помощи мигрантам в адаптации и интеграции, но и в сфере политики протекционизма, направленной на защиту социально-экономической стабильности и поддержания разумного баланса между реальной потребностью в иностранном труде и его избытком, приводящим к безработице коренного населения и росту преступности мигрантов.

В целях стабилизации и увеличения численности постоянного населения РФ, обеспечения потребности экономики в рабочей силе, а также обеспечения национальной безопасности была принята концепция государственной миграционной политики на период до 2025 г. (утв. Указом Президента РФ от 13 июня 2012 г.) [1], включающая в себя несколько этапов. Реализация первого этапа (2012–2015 гг.) предполагает разработку нормативно-правовых актов, апробацию программ, обеспечивающих адаптацию и интеграцию мигрантов в принимающий социум, а также создание инфраструктуры для их проживания. Необходимо также отметить, что одним из важных мероприятий, запланированных в рамках первого этапа, является проведение выборочных исследований, посвященных во-

просам внутренней и внешней миграции. На втором этапе (2016–2020 гг.) главное внимание отводится принятию программ в рамках реализации основных направлений миграционной политики и их дальнейший мониторинг. Одна из первостепенных целей второго этапа – приостановить миграционный отток населения из Сибири и Дальнего Востока к 2021 г. На третьем этапе (2021–2025 г.) планируется проведение комплексной оценки эффективности принятых программ, уточнение и корректировка стратегии их реализации. И, наконец, к 2026 г. предполагается обеспечить миграционный приток населения в районы Сибири и Дальнего Востока. Таким образом, в настоящее время государственная система адаптации и интеграции иностранных граждан находится в разработке и может быть скорректирована с учетом результатов проведенных исследований.

Принятая концепция учитывает все основные факторы, влияющие на социально-культурную и правовую адаптацию иностранных граждан и, безусловно, отвечает общепризнанным принципам и нормам международного права. Однако с учетом современной динамики социальных процессов мероприятия, изложенные в данной концепции, не способны в полной мере обеспечить решение всех существующих и возникающих вопросов. Недостаточное внимание уделяется правовой адаптации иностранных граждан с учетом дифференцированного подхода, отсутствуют превентивные мероприятия, направленные на выявление и снижение конфликтного потенциала, не полностью раскрыта проблема

формирования положительной общественной позиции к мигрантам с помощью средств массовой информации. Важно подчеркнуть и отсутствие нововведений, касающихся реальных механизмов обеспечения доступа иностранных граждан к социальным, медицинским и образовательным услугам. Внедрение же предложенных нами мероприятий позволит более эффективно решить поставленные задачи государственной миграционной политики Российской Федерации.

На сегодняшний день одним из наиболее значимых мероприятий по оптимизации миграционных процессов, на наш взгляд, является повышение качества и эффективности процедур постановки на миграционный учет и осуществления дальнейшего контроля над передвижением и деятельностью иностранных граждан. При въезде в страну мигранты встают на учет, указывая туристические или частные цели визита. Как показывает практика, далее их фактически не контролируют, и мигранты могут беспрепятственно приступить к трудовой деятельности, не имея при себе патента или разрешения, хотя при этом на официальный учет по месту пребывания обязан встать любой гражданин иностранного государства, прибывающий на территорию РФ, в том числе с целью осуществления трудовой деятельности. В аналитическом отчете УФМС по Республике Бурятия [2] отмечается, что лидирующее положение по привлечению иностранной рабочей силы во всех отраслях экономики занимают граждане Китая и уроженцы стран СНГ, и таким образом, исследование деятельности данных мигрантов позволит наиболее наглядно продемонстрировать обозначенные проблемы в текущем регулировании миграционных процессов.

В 2013 г. границу России в международных пунктах пропуска ст. Наушки, МАПП «Кяхта», ППК «Монды», аэропорт г. Улан-Удэ пересекло в обоих направлениях 10 тыс. граждан КНР и 3,6 тыс. граждан СНГ, при этом по состоянию на 1 января 2014 г. состоят на миграционном учете 8,6 тыс. граждан КНР и 22,1 тыс. граждан СНГ. Важно отметить, что сама по себе постановка на миграционный учет по месту пребывания не дает право заниматься трудовой деятельностью, для этого требуется отдельное специальное разрешение.

Как видно из представленных данных аналитического отчета УФМС по Республике Бурятия, количество граждан КНР въехавших и выехавших из Республики Бурятия ежегодно увеличивается, при этом количество обратившихся за разрешением на работу заметно сокращается,

также обращает внимание и тот факт, что мигрантами не оформлено ни одного патента для осуществления трудовой деятельности. Сложившуюся ситуацию можно было бы объяснить вступлением в силу с 11 января 2013 г. изменения в ФЗ от 25.07.2002 г. №115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [3], согласно которому временно проживающие на территории Российской Федерации иностранные граждане имеют право осуществлять трудовую деятельность без оформления разрешений на работу. Однако за период с 2012 по 2013 гг. всего лишь 100 граждан КНР официально получили разрешение на временное проживание. Можно сделать вывод, что мигранты выполняют все формальные регистрационные процедуры при въезде на территорию РФ. Но остается неизвестным, каким образом при отсутствии разрешения на временное проживание (а значит, и на трудовую деятельность) граждане КНР сохраняют одно из лидирующих положений на рынке иностранной рабочей силы. Анализ полученных данных позволяет предположить, что их заработок находится в теневом секторе экономики, и осуществляемая ими деятельность не подпадает под систему налогообложения.

Поток граждан из СНГ имеет более стабильные показатели: количество полученных разрешений на работу также заметно сокращается, но данный факт объясняется увеличением количества оформленных патентов на осуществление трудовой деятельности. Здесь необходимо подчеркнуть, что введение системы патентов в нашем регионе позволило вывести из теневого сектора экономики несколько тысяч нелегально работающих мигрантов из стран СНГ и пополнить бюджет более чем на 100 млн рублей, в то же время в отношении легализации незаконно трудящихся граждан Китая эта мера оказалась безрезультатной. Нежелание граждан КНР пользоваться системой патентов возможно связано с действующей системой профилактики правонарушений и преступлений среди иностранных граждан, которая предполагает обязательное дактилоскопирование всех мигрантов, оформляющих патенты.

Установленные факты указывают на наличие пробела в системе регулирования миграционных потоков и свидетельствуют о необходимости внедрения эффективных систем контроля над перемещением мигрантов и определением сферы их занятости. Введение дополнительных систем контроля, несомненно, приведет к повышению затрат, но вместе с тем и позволит пополнить бюджет за счет выявления значитель-

ной части нелегальных трудовых процессов и выведения денежных расчетов из теневого сектора экономики, которые ранее не подпадали под налогообложение.

Дальнейший приток мигрантов будет только расти. Согласно данным УФМС РФ, количество иностранных граждан, прибывающих на территорию РФ, ежегодно увеличивается. Так, за 7 месяцев 2014 г. число оформленных патентов уже превысило соответствующий показатель за 2013 г. Расширение трудового миграционного потока с целью получения заработка также говорит о достаточно высоком уровне развития российской экономики.

На фоне возрастающей интенсивности трудовой миграции в Россию, приток иностранных работников в Республику Бурятия значительно сокращается, аналогичная ситуация наблюдается и в Забайкальском крае. Согласно отчетным данным УФМС по Забайкальскому краю, в 2013 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года количество иностранных работников уменьшилось на 13,1% [4], в Бурятии снижение данного показателя составило 28,8% (с 5 тыс. до 3,6 тыс. трудовых мигрантов). Снижения численности трудовых мигрантов по Иркутской области не зафиксировано [5]. Для всех вышеперечисленных регионов характерным является отсутствие зависимости уровня безработицы от давления иностранной рабочей силы на внутриобластной рынок труда. Так, в Республике Бурятия на сегодняшний день совокупная доля иностранной рабочей силы составляет 0,8% от численности экономически активного населения республики и не является дестабилизирующим фактором регионального рынка труда (по сведениям Бурятстата, численность экономически активного населения в октябре 2013 г. соответствовала оценке 468,3 тыс. человек, или 48,2% от общей численности населения республики) [6].

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о том, что при поиске работы мигранты отдают предпочтение регионам с более развитой экономикой. Сложившаяся ситуация требует разработки и внедрения стратегии повышения социально-экономической привлекательности Республики Бурятия, которая бы включала в себя комплекс мер по повышению уровня и качества жизни населения, снижению безработицы, разработке социальных программ, направленных на помощь в адаптации и интеграции иностранных граждан. Высокий уровень социально-экономических возможностей и перспектива получения более высокого дохода обеспечат не только повышение интенсивности

миграционных потоков в Республику Бурятия, но и приток высококвалифицированных иностранных специалистов.

Эффективное внедрение описанной стратегии тесно связано с необходимостью создания единой информационной базы о вакансиях на рынке труда, о государственных программах трудоустройства и иных видах государственной поддержки иностранных граждан, о доступности необходимых медицинских и образовательных услуг, о центрах бесплатной правовой помощи. В том числе база должна содержать сведения о работодателях, допустивших нарушения в сфере миграционного законодательства. Открытый и беспрепятственный доступ к информационной системе должен быть обеспечен в территориальных отделах УФМС как посредством самостоятельной работы с терминалами, так и при помощи специалиста.

Повышение социально-экономической привлекательности Байкальского региона также должно обеспечиваться путем внедрения мероприятий, направленных на снижение правовой незащищенности иностранных граждан. Необходимо создание центров специализированной бесплатной юридической помощи, поскольку в силу особого правового и социального положения иностранных граждан данная мера представляется наиболее актуальной и востребованной. Работа в центрах должна строиться с учетом возможности получения юридической консультации по защите прав мигрантов и помощи в подаче соответствующей жалобы в правоохранительные органы (прокуратуру, роспотребнадзор, трудовую инспекцию и т.д.). Создание подобных учреждений возможно на базе уже существующих центров бесплатной правовой помощи, оказывающих помощь социально незащищенным слоям населения.

Нельзя упускать из внимания и работодателей, привлекающих иностранных граждан к осуществлению трудовой деятельности. Результативность проводимой государством миграционной политики во многом зависит от уровня контроля и надзора над деятельностью данных организаций. На сегодняшний день требуется ужесточение ответственности за нарушения, допущенные в сфере трудового и миграционного законодательства: незаконное привлечение иностранной трудовой силы, эксплуатацию мигрантов, занижение заработной платы, не предоставление надлежащих условий труда и т.д.

Оптимизационные направления работы по регулированию миграционных потоков, включающие в себя содействие социально-культурной и правовой адаптации и интеграции мигран-

тов (юридическая помощь, взаимодействие со средствами массовой информации, этническими и национально-культурными сообществами), должны реализовываться с учетом дифференцированного подхода к различным категориям иностранных граждан.

Необходимо учитывать, что мигранты-предприниматели и мигранты-рабочие, находящиеся в России относительно долгий срок (более 3-х лет), уже прошли первоначальные стадии социально-культурной и правовой адаптации и уровень их интеграции в принимающий социум достаточно высок. Интеграция для них – это уже иная ступень деятельности в формате миграционного процесса. Они владеют русским языком на высоком уровне, а их поведение строится с учетом норм и традиций местного населения. Цель многих мигрантов, относящихся к данной категории, не только заработать в России, но и стать ее гражданами в перспективе, поэтому основной акцент при работе с ними должен быть смещен в сторону безусловного обеспечения, гарантии и реализации их прав и свобод, постепенного выравнивания их правового статуса с коренным населением. Правовая адаптация предполагает дальнейшее повышение уровня правовой культуры, а именно, достижение не только знания и понимания права, но и принятия его как высшей социальной ценности. Немаловажный аспект – работа с подсознательным отношением: мигранты в основной массе не воспринимают Россию как свое государство, и задача специалистов состоит в том, чтобы сформировать положительное подсознательное отношение к органам власти РФ и коренному населению, которое будет, в свою очередь, стимулировать мигрантов всячески способствовать укреплению правопорядка и социально-экономическому развитию РФ.

Мигранты-рабочие, приехавшие в РФ относительно недавно (менее 3-х лет назад), проходят первоначальные стадии адаптации и интеграции в принимающий социум. Основные направления работы с ними должны включать в себя меры по оказанию помощи в решении наиболее острых проблем: поиск жилья и трудоустройства, включение в социокультурную среду принимающего общества, получение правовой поддержки. Мигранты данной категории стремятся овладеть минимальным набором правовых знаний, связанных с легитимизацией трудовой деятельности, но из-за существующей отрицательной направленности социальных установок, высок риск, что иностранные граждане отдадут предпочтение нелегальным заработкам. В связи с этим особое внимание необходимо

уделить правовой адаптации и прежде всего выработке положительного подсознательного отношения. Задача специалистов – разъяснить положительные моменты легального труда и ознакомить с возможностями использования законов не только для защиты прав, но и в качестве инструмента реализации собственных целей.

Отдельного рассмотрения требует вопрос содействия образовательной миграции, поскольку именно данный вид миграционного притока является важнейшим источником квалифицированных специалистов. В 2013 г. в Республике Бурятия проходили обучение более 1000 иностранных студентов. Анализ направлений деятельности УФМС по РБ показал, что указанному направлению уделяется недостаточно внимания. Ключевым моментом, с точки зрения долгосрочной перспективы, в работе с мигрантами-студентами должно стать формирование устойчивой мотивации к продолжению трудовой деятельности на территории РФ, где в виде стимулов могут выступать: предоставление специальных льгот и поддержка со стороны государственных программ по трудоустройству. Что касается мигрантов-студентов, желающих после завершения обучения покинуть Россию, то здесь важно ориентировать будущих специалистов на то, чтобы их дальнейшая трудовая деятельность находилась в трансграничной, межгосударственной сфере и способствовала укреплению экономических, политических и культурных связей. Для Республики Бурятия данное направление работы по содействию образовательной миграции представляет особую важность, поскольку большинство иностранных студентов являются уроженцами стратегически важных партнеров – стран Азиатско-тихоокеанского региона.

В качестве особой сферы предлагаемых оптимизационных мероприятий нами выделяется разработка системы, направленной на выявление подсознательных показателей межкультурного и межнационального взаимодействия, что необходимо для объективной оценки конфликтного потенциала. Своевременно заметив признаки зарождающегося конфликта на почве межнациональных или социально-экономических отношений, органы власти смогут среагировать и предпринять меры для его быстрого предотвращения путем применения специальных средств регулирования миграционных процессов: дисперсного расселения мигрантов, установления квот выдачи патентов и разрешений на работу в определенных сферах экономики и т.д. Выбор средств регулирования также

должен основываться на дифференцированном подходе к различным категориям мигрантов.

Важной особенностью социального конфликта является тот факт, что его первоначальная стадия может быть скрыта и никак не проявляться во внешних обстоятельствах [7]. Так, согласно официальным данным управления УФМС по Республике Бурятия, конфликтов на почве ксенофобии и дискриминации в отношении иностранных граждан не выявлено, однако при этом у большинства мигрантов присутствует подсознательная отрицательная социальная установка, которая разрушительным образом сказывается на межнациональных, межкультурных связях. Выявления данных латентных показателей возможно лишь при помощи использования специальных психологических методов, поскольку на прямые вопросы об отношении к России и о состоянии межнациональных взаимоотношений, мигранты склонны отвечать уклончиво, тем самым, скрывая истинное положение дел.

Реалиями современной российской действительности уже не единожды подтверждено, что мигранты, находясь на территории РФ, способны к массовым организованным противоправным действиям. Из-за отсутствия информации о реальном положении дел государственные органы не всегда могут оперативно реагировать и предотвращать события негативного характера мирным путем – и в ход идут средства силового воздействия. Разработка специальной системы, выявляющей уровень конфликтного потенциала, позволит эффективно оптимизировать работу в данном направлении.

Таким образом, сегодня государство, с одной стороны, берет на себя обязательства по обеспечению защиты социально-экономической стабильности рынка труда, прав и законных интересов собственных граждан, а, с другой стороны, стремится удовлетворить существующие потребности экономики, привлекая иностранную рабочую силу, что влечет за собой определенные последствия. Для преодоления возникших негативных тенденций, таких как нелегальная миграция, этническая сегментация рынка труда, криминализация социально-экономической сферы общества, анклавность размещения мигрантов, обострение конкуренции на рынке жилья и труда, конфликты в сфере межнациональных отношений и т.д., необходимо выработать миграционную политику, способную вме-

сте с тем обеспечить защиту прав и свобод иностранных граждан.

Поиск баланса между обозначенными векторами интересов и создание системы эффективного управления миграционными потоками, с учетом потребностей работодателей, привлекающих к работе мигрантов, становится наиважнейшей задачей современного российского государства. Внедрение же предложенных оптимизационных мероприятий позволит решить данную задачу более результативно, а также существенно повысит эффективность реализации существующей концепции государственной миграционной политики.

Литература

1. Концепция государственной миграционной политики // Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/priime/doc/70088244/#ixzz2y6prMvhE> (дата обращения 08.02.2014).
2. Управление Федеральной миграционной службы России по Республике Бурятия. Аналитический обзор миграционной ситуации и деятельности УФМС России по Республике Бурятия по реализации государственной политики в сфере миграции в 2013 году [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ufmsrb.ru> (дата обращения 02.08.2014).
3. Федеральный закон №115 «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/popular/pravove-polozhenie-inostrannyh-grazhdan-v-rf> (дата обращения 05.03.2014).
4. Управление Федеральной миграционной службы России по Забайкальскому краю. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности УФМС России по Забайкальскому краю на 2013 и плановый период 2014–2016 гг. // [Электронный ресурс]. – URL: <http://ufms.chita.ru/?page=20&theme=9> (дата обращения 02.08.2014).
5. Управление Федеральной миграционной службы России по Забайкальскому краю. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности УФМС России по Иркутской области на 2013 и плановый период 2014–2016 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ufms.irkutsk.ru> (дата обращения 02.08.2014).
6. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. Социально-экономическое положение Республики Бурятия: комплексный доклад [Электронный ресурс]. – URL: <http://burstat.gks.ru> (дата обращения 02.07.2014).
7. Радугин А.А., Радугин К.А. Социология. – М.: Центр, 1996. – С.122–123.

Саргаев Алексей Вячеславович, аспирант кафедры связей с общественностью, социологии и политологии Бурятской государственной сельскохозяйственной академии, г. Улан-Удэ, e-mail: epaylo@mail.ru
Sargaev Alexey Vyacheslavovich, postgraduate student, department of public relations, sociology and political science, Buryat State Academy of Agriculture named after V.R. Philippov, Ulan-Ude., e-mail: epaylo@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИЧИН УЧЕБНОЙ МИГРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ВУЗЫ РОССИИ

В статье рассматриваются причины учебной миграции иностранных студентов в вузы Улан-Удэ, Томска, Москвы, Воронежа, Саратова, Нижнего Новгорода и Уфы. На основе проведенного опроса и результатов исследований других авторов приводится сравнительный анализ мотивов, побуждающих иностранных студентов выбирать разные вузы России для получения образования.

Ключевые слова: иностранные студенты, учебная миграция, мотивы учебной миграции, социальная адаптация иностранных студентов в России.

V.B. Stepanova

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CAUSES OF FOREIGN STUDENTS' EDUCATIONAL MIGRATION IN RUSSIAN UNIVERSITIES

In the article the causes of educational migration of foreign students in the universities of Ulan-Ude, Tomsk, Moscow, Voronezh, Saratov, Nizhny Novgorod and Ufa are considered. On the basis of the survey and the results of other authors' research the comparative analysis is made to reveal the motives inspiring foreign students to choose different universities in Russia for getting education.

Keywords: foreign students, educational migration, motives for educational migration, social adaptation of foreign students in Russia.

Обучение иностранных студентов – важная составляющая образовательной системы любого российского региона. Присутствие этой группы студентов в вузах субъекта России демонстрирует востребованность учебных заведений, повышает их рейтинг, а также способствует включению России в международную образовательную систему. Таким образом, обучение в вузе значительного количества иностранных студентов – залог успешного развития, как каждого конкретного вуза, так и образовательной системы страны в целом. Необходимо выявить, какие причины побуждают иностранных абитуриентов выбирать для получения высшего образования именно российские вузы. Знание причин учебной миграции позволит оптимизировать работу российских вузов на международном рынке образовательных услуг и послужит базой для создания привлекательных для иностранцев условий обучения и проживания в России, способствующих нормализации процесса социальной адаптации.

Нами было проведено исследование, в рамках которого были опрошены 176 иностранных студентов, обучающихся в вузах г. Улан-Удэ. В общей сложности в 2013–2014 учебном году в вузах города обучалось 496 студентов-мигрантов. Мы выяснили, какие причины побуждают иностранцев выбирать для обучения вузы г. Улан-Удэ, почему иностранные студенты стремятся обучаться в Бурятии и чем их привлекает обучение в России.

На основе анализа работ исследователей миграционных учебных процессов можно сформулировать типологию причин учебной миграции. Выбор учебы за границей, как правило, обусловлен двумя группами причин: внешними и внутренними. К внутренним относятся причины, связанные с желаниями и стремлениями будущих студентов, сюда относятся: престиж, нежелание жить и учиться в родной стране, интерес к иной культуре.

Под престижем мы понимаем следующие факторы: 1) высокое качество образования в выбранной стране; 2) репутация конкретного вуза, готовящего специалистов в определенной сфере деятельности; 3) желание учиться за рубежом в силу того, что само по себе этот факт повышает авторитет индивида в его социальной группе (в семье, среди товарищей, бывших одноклассников и т.д.). Таким образом, выбор образования за рубежом может быть обусловлен ориентированностью на конкретный вуз или узкопрофильную специальность (престиж вуза), на обучение за границей (престиж заграничного образования) или на конкурентоспособность выпускников вузов определенной страны, их востребованность на внутреннем или внешнем трудовом рынке (престиж государства).

Нежелание учиться в своей стране продиктовано как объективными, так и субъективными факторами. К объективным факторам мы относим причины экономического, религиозного и политического характера: конфликты и вооруженные столкновения на территории родного

государства, экономическая и социальная нестабильность, отсутствие вузов, обучающих востребованным специальностям. Среди субъективных причин нежелания продолжить обучение в своей стране выделяются такие как: напряженные отношения с семьей, стремление уехать из своей страны в силу негативной оценки своих перспектив на родине, нацеленность на получение образования за границей как более конкурентоспособного (смежная с первой группой причин).

В основе третьей группы причин ориентации на заграничное образование – интерес. Выбор абитуриентов обусловлен стремлением узнать ближе конкретную страну, ее культуру, историю, традиции, язык и стиль жизни. В этом случае получение образования служит инструментом для того, чтобы посетить интересующее государство, погрузиться в культурную среду и, возможно, остаться там на длительный период (во время обучения и после него путем заключения брака, продолжения образовательного процесса, поступления на работу).

Необходимо отметить, что чаще всего будущие студенты руководствуются сразу несколькими причинами. На выбор конкретной страны влияют те же группы причин, но с некоторыми уточнениями. Интерес к конкретной стране априори подразумевает выбор этой страны. То же самое относится и к выбору страны обучения по критерию престижа конкретного государства или вуза в контексте востребованности на рынках образовательных услуг и трудовых ресурсов. Нежелание учиться и жить в своем родном государстве может порождать следующие варианты выбора страны обучения: 1) в соответствии с финансовыми возможностями индивида и/или его семьи. Если студент или его семья неспособны обеспечить обучение в стране с высоким уровнем жизни и дорогим образованием, то круг выбора доступных стран сужается (исключение составляют стипендиальные и грантовые программы, подразумевающие полное обеспечение студента на весь период обучения); 2) полагаясь на случай и везение. Индивид выбирает страну обучения случайно, подав документы в несколько вузов в разных странах или, сделав свой выбор на основании доступных источников информации; 3) согласно личной заинтересованности. Будущий студент выбирает страну обучения, основываясь на советах друзей, знакомых, родственников или ориентируясь на наличие в этой стране знакомых или родных, способных оказать моральную и материальную поддержку.

Внешние причины связаны с давлением, которое оказывают на потенциального студента

родители (семья) или государство. В этом случае абитуриенты вынуждены соответствовать требованиям, предъявляемым к ним со стороны влиятельных сил, имеющих возможность настоять на приоритете своего выбора будущего места учебы.

Мы задали респондентам вопрос «Укажите причины, побудившие Вас выбрать обучение в России». Были получены следующие ответы: высокое качество образования (57,95%), географическая близость (40,91%), близость культуры, традиций, языка (пункт как наиболее значимый при выборе страны обучения выбрали 41,48%), рекомендации родственников, друзей, знакомых (34,09% респондентов отметили, что эта причина значительно повлияла на их выбор), живут родственники, друзья, знакомые (29,55%), случайный выбор (18,75%).

В нашем исследовании затронуты в основном причины субъективного характера. К смежным причинам (пограничным между субъективными и объективными) можно отнести рекомендации родственников, друзей и знакомых, поскольку мнение родственников может носить обязательный характер. Однако по итогам опроса видно, что указанный фактор не играет значительной роли, лидируют – высокое качество образования, географическая близость и близость культуры и языка.

Сходные данные дает и анализ вариантов ответов на вопрос «Что повлияло на Ваш выбор г. Улан-Удэ для получения образования?». Большинство опрошенных иностранных студентов в качестве ведущего фактора выделило качество образования. Однако, нельзя не отметить тот факт, что при выборе города культурная близость уступила географической, и важным оказался пункт о комфортности проживания в выбранном городе (41,48%). Что же касается фактора случайного выбора, то данный показатель снизился с 18,75% до 11,36%.

Последним в «мотивационном блоке анкеты» стал вопрос о выборе вуза. По-прежнему среди наиболее важных причин выбора места обучения указываются качество образования и возможность получения востребованной специальности. Также значимым является такой параметр, как хорошие условия учебы и проживания. Более трети студентов отметили в качестве основополагающей причины поступления в конкретный вуз направление (37,5%), 35,8% высказались о желании остаться в России после окончания вуза и 35,8% выделили географически удобное расположение вуза. Более 31% опрошенных сделали свой выбор, основываясь на рекомендациях выпускников вуза. Значимым

мотивом для почти четверти респондентов стала реклама вуза и это, возможно, свидетельствует о том, что вузы г. Улан-Удэ предоставляют недостаточно информации абитуриентам из других стран. Для решения указанной проблемы необходимо обратить особое внимание на возможности сети Интернет в силу ее общедоступного и всеобъемлющего характера.

Мотивационный блок вопросов является частью практически всех исследований, посвященных особенностям адаптации иностранных студентов в вузах России. Сравним мотивы, побуждающие иностранных студентов выбирать разные города России для обучения.

В первый блок причин, условно названный «качество образования», входят: престиж диплома российского вуза в родной стране студента, высокое качество образовательных услуг в России, положительный имидж страны (как в отношении системы образования, так и в политическом, социальном, культурном отношении), наличие в российских вузах интересных и/или востребованных специальностей. Это причины субъективного характера, связанные либо с интересом к конкретной профессии, либо с престижем вуза (или российского образования в целом). Выбор Бурятии в качестве места обучения по этому параметру актуален для 51,4% респондентов в нашем исследовании, незначительным этот пункт назвали 30,7%, а 8,5% отметили, что высокое качество образования в вузах г. Улан-Удэ никак не повлияло на их выбор. Таким образом, этот мотив является основным побудительным мотивом выбора образования в России вообще и в г. Улан-Удэ в частности.

Во всех рассмотренных исследованиях высокое качество образования играет значительную роль в процессе выбора студентами страны, региона и вуза. Согласно данным исследования, проведенного на базе вузов Саратова, качество образования в России стало причиной выбора страны для прохождения учебы для 45% респондентов [6, с. 46]. При выборе томских вузов 36% опрошенных студентов-мигрантов также ориентировалось на «качественное образование в Томске» [4, с. 155]. Исследование, проведенное в Воронеже, показывает следующее: для 39% респондентов было важно получение российского образования [5, с. 285]. Примечательно то, что незначительное число иностранных студентов в Башкирии отмечает качество российского образования как основной мотив, побудивший их приехать в Россию (всего 2,3%) [3, с. 274]. Невысок интерес к качеству российского образования и среди студентов-иностранцев Нижнего Новгорода: всего 19% респондентов

отметили, что на их родине престижно иметь диплом российского вуза [1]. В то же время 34% респондентов хотели учиться именно в России, что можно связать как с высоким качеством российского образования, так и с интересом к культуре страны. Масштабное исследование, проведенное на базе университетов трех городов (Москва, Томск, Воронеж), показало следующие результаты: 41% респондентов выбрали вуз ориентируясь на высокое качество образования, для 23% важным при выборе профессии стала ее престижность [2].

Второй фактор, рассматриваемый в качестве мотива в нашем исследовании, – это получение определенной специальности в конкретном вузе. Данная причина актуальна и значима для 46% респондентов. В исследованиях других авторов вопросы, относительно мотивов поступления, касаются в основном выбора страны. Исключение – исследование А.Б. Бедного и Л.В. Ерушкиной, в котором отдельный блок вопросов посвящен выбору специальности [1]. Результаты опроса показала: 41% опрошенных иностранных студентов выбирали специальность в соответствии со своими способностями, 43% респондентов в качестве ведущего мотива назвали престиж профессии, 31% ориентировались на востребованность профессии, и для 29% анкетированных основной причиной выбора профессии стала ее высокооплачиваемость. Таким образом, можно сделать вывод о том, что российские вузы предоставляют иностранным студентам возможность получить востребованную, интересную и престижную профессию. При этом 34% респондентов хотят учиться именно в России, что вновь говорит о востребованности российских вузов, в первую очередь, благодаря предоставлению качественного образования.

Поступление в российский вуз по направлению – актуальная причина обучения в конкретном вузе для 37,5% респондентов, принявших участие в нашем опросе. В исследовании на базе саратовских вузов данный мотив не рассматривался. В томском анкетировании причины «государственное направление» и «программа обмена» смешаны («направило государство по программе обмена студентами» [4, с. 156]). Эта причина стала основополагающей для 18% респондентов. С нашей точки зрения, такое смешение не совсем корректно, так как существует и негосударственная система обмена студентов. Чуть меньше половины опрошенных иностранных студентов в Воронеже (43%) не ставили целью попасть в Россию: они хотели учиться за рубежом и в рамках государственных и негосударственных обменных программ попали на

обучение именно в эту страну [5, с. 286]. Преобладающее большинство студентов-иностранцев, опрошенных в Башкирии, отметили направление на учебу в конкретную страну со стороны государства как основную причину обучения в России (65,9%) [3, с. 76]. В Нижнем Новгороде выявлены следующие показатели: 25% респондентов поступили в российские вузы по направлению, 24% получили грант на обучение в России. Наконец, в рамках исследования, проведенного на базе вузов Москвы, Томска и Воронежа, было выявлено, что 14% респондентов учатся в России по направлению.

Проведенное нами исследование показало, что 26,14% иностранных студентов поступило на обучение в вузы Бурятии по программе обмена студентами. В качестве отдельной причины этот вариант выделен только нижегородскими исследователями (показатель составил 24%).

В рамках нашего исследования было установлено, что 31,25% респондентов выбрали вузе по рекомендации выпускников. В саратовском исследовании не был предусмотрен такой вариант ответа. Исследования, проведенные в Нижнем Новгороде, Воронеже и Башкирии, охватывают только советы и рекомендации родственников (в число которых, возможно, входят выпускники выбранных студентами вузов, однако главным для авторов этих исследований остается фактор влияния семьи на будущего студента). В работе Е.Ю. Кошелевой и Е.И. Самофаловой отмечено, что на решение будущего студента учиться в России (в частности в Томске) влияют как родственники (29%), так и друзья (19%) [4]. Причем, в число последних включаются и выпускники вуза: выбор варианта «друзья» при ответе на вопрос о том, кто стал источником информации о вузах Томска и убедил поступать именно в тот или иной вуз, «свидетельствует о наличии образовательного информационного канала на родине респондента» [4, с. 156]. Исследование, проведенное на базе вузов Москвы, Томска и Воронежа, также рассматривает такой мотив поступления в российский вуз, как рекомендации выпускников (10%).

Низкая стоимость обучения и несложные условия поступления – основные мотивы выбора конкретного российского вуза для 27,84% студентов-мигрантов, учащихся в вузах Улан-Удэ. Аналогичное исследование, проведенное в Саратове, показало, что 41% опрошенных студентов отдали предпочтение высшим учебным заведениям данного города, привлеченные именно невысокой стоимостью обучения. Исследования на базе томских, нижегородских, московских, воронежских и башкирских вузов

не охватывают этот блок причин выбора российских вузов.

Желание остаться в России после завершения обучения является причиной выбора российского вуза для 35,8% респондентов нашего исследования. Этот вариант ответа не был предусмотрен в анализируемых исследованиях других авторов, хотя, на наш взгляд, интересно и полезно узнать, как много иностранных студентов хотят стать частью российского общества после окончания вуза. Подобного рода мотив в значительной степени помогает раскрытию потенциал учебной миграции в Российской Федерации как фактора, стабилизирующего демографическую обстановку в стране.

Хорошие условия учебы и проживания в стране (городе) – актуальный мотив выбора вуза для 42,05% опрошенных нами респондентов. Для сравнения: 9% респондентов в исследовании Е.Ю. Кошелевой и Е.И. Самофаловой отметили хорошие условия обучения как решающий фактор при выборе вуза [4, с. 156]; 33% респондентов (исследование С.В. Дементьевой) отметили в качестве основополагающей причины при выборе вуза «социокультурную привлекательность города» [2, с. 160].

Четверть опрошенных иностранных студентов (25,57%) поступила в вузы Бурятии, получив положительное впечатление от рекламы вуза. В данном блоке мы объединили результаты других исследований, связанные с получением информации о вузе в Интернете, поскольку именно так попадает к будущим студентам большая часть сведений о российских вузах (в том числе рекламного характера). Согласно результатам проведенных исследований, 15% иностранных студентов Томска получили сведения о вузах города через Интернет и приняли решение учиться в российском вузе, руководствуясь найденной информацией; в Воронеже и Нижнем Новгороде этот же показатель составил 27% и 32% соответственно. Реклама вуза повлияла на решение 6% нижегородских студентов и 7% респондентов исследования «Москва-Томск-Воронеж».

Наконец, последний мотив – случайный выбор вуза. Этот мотив стал актуален для 16,48% опрошенных иностранных студентов в Бурятии. На наш взгляд, полученный показатель достаточно высок в сравнении с данными, выявленными в ходе других исследований: 7% в Томске и 10% в Нижнем Новгороде. Стоит отметить, что указанное значение 16,48% актуально в ситуации выбора вуза обучения. Когда студенты-иностранцы отвечали на вопрос о причинах выбора страны и города обучения, значимость

фактора случайности была иной (соответственно 18,75% и 11,36%).

В целом наиболее важной причиной при выборе страны, города и вуза для обучения является высокое качество образования, о чем свидетельствуют результаты проведенных исследований. Кроме того, практически все респонденты уделяют внимание такому фактору, как международные программы обмена для студентов и направление со стороны государственных структур. Большую роль также играют советы людей, чье мнение важно для будущих студентов: родных, друзей, знакомых выпускников конкретных вузов. Информация, которую абитуриенты могут получить в Интернете, как правило, довольно скудна и ее недостаточно для того, чтобы сделать обдуманный выбор.

Проведенный анализ показал, что иностранные студенты отдают предпочтение вузам Бурятии по следующим причинам: стремление к высококачественному образованию, географическая и культурная близость, комфортность проживания в г. Улан-Удэ, а также возможность поступления по направлению. Таким образом, можно сделать вывод, что привлекательность вузов Бурятии для иностранных студентов объясняется желанием получить качественное образование в регионе, приемлемом с точки зрения географической и культурной близости и предоставляющим достаточно комфортные условия проживания.

Для того чтобы местные вузы не потеряли своей привлекательности для иностранных студентов, необходимо ориентироваться на сохранение высокого уровня качества образовательных услуг и повышение комфортабельности проживания. Кроме этого, стоит обратить внимание на информирование иностранных абитуриентов о вузах Бурятии, предоставляемых образовательных услугах, специальностях, возможностях студентов и перспективах выпускников. Наиболее востребованными станут инфор-

мация относительно условий обучения и образования, сведения о специальностях и данные, иллюстрирующие возможности вуза и высокий уровень предоставляемых им образовательных услуг. Важно размещать информацию не только на русском, но и на английском, а также китайском и монгольском языках (интерес представителей этих стран к обучению в Бурятии достаточно высок в силу географической близости и других особенностей региона).

Литература

1. Бедный А.Б., Ерушкина Л.В. Нижний Новгород глазами иностранных студентов: социологический анализ. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2011. – 58 с.
2. Дементьева С.В. Вузы России как механизм адаптации учебных мигрантов (в контексте социологического и философского анализа) // Известия Томского политехнического университета. – 2008. – №6. – С.158–164.
3. Дорожкин Ю.Н., Мазитова Л.Т. Проблемы социальной адаптации иностранных студентов // Социологические исследования. – 2007. – №3. – С.73–77.
4. Кошелева Е.Ю., Самофалова Е.И. Социологический портрет образовательного мигранта из стран дальнего зарубежья на примере Томского политехнического университета // Портрет образовательного мигранта: основные аспекты академической, языковой и социокультурной адаптации / под ред. Е.Ю. Кошелевой. – Томск: РАУШ МБХ, 2011. – С.153–165.
5. Кривцова И.О. Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза (на примере Воронежской государственной медицинской академии им. Н.Н. Бурденко) // Фундаментальные исследования. – 2011. – №6. – С.284–288.
6. Тихонова Е.Г. Особенности адаптации иностранных студентов в вузах региона // Регионоведение. – 2010. – №2. – С.45–49.

Степанова Баирма Баировна, аспирант кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: 682022@mail.ru

Stepanova Bairma Bairovna, postgraduate student, department of political sciences and sociology, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: 682022@mail.ru

УДК 3231/6:347.471:334.754

© О.Ю. Корпусова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ БУРЯТИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ (РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Статья посвящена исследованию общественных объединений Бурятии. Рассмотрены источники финансирования, характер взаимодействия общественных организаций с властными структурами и обществом. Дана оценка возможности влияния на сферу их деятельности. Проанализированы особенности кадрового состава и уровень квалификации сотрудников.

Ключевые слова: общественные объединения, общественные организации, источники финансирования, возможность влияния, повышение квалификации, стабильность кадров.

O.Yu. Korpusova

FUNCTIONING OF PUBLIC ASSOCIATIONS OF THE REPUBLIC OF BURYATIA
IN MODERN CONDITIONS
(RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)

This article is devoted to the research of public associations of Buryatia. In this regard the financing sources, nature of interaction of public organizations with power structures and society are considered. The possibility of influence on the sphere of their activity is estimated. The features of personnel structure and professional development of employees are analyzed.

Keywords: public associations, public organizations, financing sources, possibility of influence, professional development, stability of personnel.

В настоящее время общественные объединения являются третьим сектором наряду с государственным и коммерческим секторами, и в условиях становления и развития гражданского общества их роль становится все более значимой. Именно общественные объединения могут рассматриваться в качестве одного из важнейших механизмов общественного воздействия на государственную и региональную политику.

В последние годы исследования общественных настроений в области деятельности некоммерческих и общественных организаций получили довольно широкое распространение. Так, исследования в данной сфере проводились группой ЦИРКОН, Аналитическим центром Юрия Левады, ROMIR monitoring. Но в Бурятии ничего подобного до настоящего времени не проводились. В этой связи представляется весьма актуальным исследование общественных объединений Республики Бурятия. Вопросы функционирования общественных организаций, а также их взаимодействия с властью и обществом стали предметом социологического исследования, проведенного нами в сентябре 2013 г.

Метод исследования: экспертный опрос сотрудников общественных объединений. Объем выборочной совокупности составил 35 организаций.

Финансирование – один из важнейших аспектов деятельности любой организации. Исследование показало, что наиболее распространенным источником финансирования являются членские взносы, их отметили 74,29% организаций. Значительно менее распространены благотворительные взносы и пожертвования граждан, этот источник финансирования используют 37,14% организаций. Гранты и субсидии различных уровней власти как источник финансовых средств отметили только 22,86% респондентов. По данным исследования «Динамика развития и текущее состояние сектора НКО в России – 2008» основную роль в формировании бюджета российских НКО играют добровольные

взносы, пожертвования, безвозмездные поступления. По свидетельствам официальной статистики, в 2007 г. их доля в общей структуре денежных поступлений организаций составила 82% [3]. Столь незначительный показатель использования бюджетных средств может свидетельствовать не только о недостатке финансирования, так как сумма финансовой поддержки общественных организаций Бурятии в 2011 г. составила 1 млн руб., в 2012 г. – 13,1 млн руб. [5], но это может говорить и о недостаточно активном участии общественных объединений в разнообразных конкурсах. В свою очередь, использование разнообразных источников финансирования способствует наибольшей финансовой независимости подобных организаций.

В ходе осуществления своей основной деятельности общественные объединения очень тесно и достаточно часто взаимодействуют с различными органами власти. Большая часть респондентов характеризует свои взаимоотношения с властными структурами положительно. Так, 62,86% организаций отметили совместное осуществление проектов, 20% – единые планы деятельности, 22,86% – присутствие представителей власти в составе своих управляющих органов (координационного, наблюдательного, учредительного совета), 40% организаций считают, что власть им доверяет. Однако следует обратить внимание, что есть, хотя и относительно небольшие, но негативные характеристики: 11,43% организаций говорят об отсутствии сотрудничества с представителями власти, 17,14% считают, что власть очень редко поддерживает их инициативы, и 8,57% организаций утверждают, что они не обращаются к власти за помощью.

Исследование показало, что практически все общественные объединения (82,86%) считают, что степень доверия власти к ним выражается в том, что их приглашают на совещания, советы, касающиеся сферы их деятельности. Треть организаций (31,43%) отметила, что им делегируют

организацию мероприятий, к 20% опрошенных обращаются как к экспертам при принятии решений. Равная доля организаций (по 17,14%) ответила, что властные структуры обращаются к ним за информацией, отработанной технологией, а также пользуются их наработанными связями. Всего 5,71% организаций ответили, что доверительных отношений с властью у них нет. Несомненно, в силу социальных, политических и экономических изменений, отношения общественных объединений и представителей власти периодически меняются. Так 65,71% респондентов на вопрос «Изменились ли Ваши отношения с представителями власти за последние годы?» ответило, что они изменились в лучшую сторону, 25,71% организаций считают, что их отношения с властью практически не изменились, и только 5,71% организаций утверждают, что произошло ухудшение этих отношений.

По данным исследования «Третий сектор России: оценка влияния» отношения между властью и НКО являются хотя и не конфликтными, но проблемными. В то же время отмечается, что на общем фоне существуют отдельные примеры конструктивного взаимодействия, когда партнерство некоммерческого сектора и власти действительно является эффективным. Тем не менее, было выявлено, что власть конструктивно взаимодействует с теми организациями, в которых видит эффективных проводников и исполнителей социальных инициатив или заказов власти. Так, например, за последнее время значительно улучшились отношения между властью и социальными, экологическими, молодежными организациями. Напротив, серьезное противостояние наблюдается с правозащитными организациями [2].

В ходе исследования было выявлено, что большая часть опрошиваемых общественных объединений предпринимает некоторые меры в целях улучшения отношений с властью, в числе которых: регулярный выход на контакт с органами власти с предложениями (68,57%), извещение органов власти о проводимых мероприятиях (62,86%), стремление быть в курсе тех программ, которые инициирует власть (60%), участие в проектах и мероприятиях, организуемых властными структурами (54,29%). Совсем небольшая часть общественных объединений (8,57%) не предпринимает никаких шагов по улучшению отношений с властью, в связи с тем, что считают их благоприятными.

По оценке представителей общественных объединений степень известности их организаций достаточно высока. Так 60% организаций считают, что они известны всем, 34,29% пред-

полагают, что их организация известна для граждан определенной профессии, социальной группы, и только 5,71% организаций придерживаются мнения, что они известны в узких кругах. По мнению большинства организаций (57,14%) известность достигается за счет прозрачности деятельности. Также, значительная часть опрошиваемых указала на то, что их известность обеспечивается активной деятельностью (51,43%), большой вовлеченностью волонтеров, активистов и целевых групп (40%), и 20% организаций связывает свою известность с популяризацией деятельности в СМИ.

Данные опроса говорят об увеличении степени информированности о деятельности общественных объединений. Так, 71,43% организаций подтвердили, что к ним стали больше обращаться. Чуть менее половины (43,71%) считают, что население стало больше доверять им. Четверть организаций (25,71%) показала, что растет география их воздействия. Подобная тенденция подтверждается и на общероссийском уровне. За период между 2004 и 2012 гг. (между двумя замерами общественного мнения с использованием одинаковых вопросов) информированность россиян о деятельности НКО значительно выросла. Граждане, которые ничего не знают об НКО, перестали составлять большинство – их доля снизилась с 58% до 44% [4].

Тем не менее, в обществе присутствуют и факты, свидетельствующие о происходящих негативных изменениях в отношении к общественным объединениям. Небольшая часть организаций (5,71%) считают, что деятельность их организации становится менее значимой, а 2,86% организаций указывает на падение степени доверия населения.

В целях приобретения большей известности, а также налаживания отношений с властью, бизнесом и обществом, организации стараются улучшить свой имидж. Большая часть (71,43%) для достижения этой цели пытается разнообразить и улучшить свою деятельность. Более половины (57,14%) популяризуют свою деятельность через СМИ. 37,14% общественных объединений привлекают внимание населения к своей деятельности при помощи проведения встреч, распространения буклетов и листовок. И всего 20% организаций в целях улучшения своего имиджа работают с целевыми группами.

Исследование показало, что более половины (51,43%) организаций придерживаются мнения, что в их силах оказывать реальное влияние на ту сферу, в которой осуществляется основная деятельность, 45,71% ответили, что подобное не всегда возможно, и только 2,86% утверждают,

что их организация не оказывает существенного влияния на сферу своей деятельности. Среди основных причин, по которым общественные объединения могут влиять на ту сферу, в которой они осуществляют свою деятельность, выделяются: большое количество сторонников и единомышленников (68,57%), вес руководителя и сотрудников организации (40%), высокие достижения за последний период деятельности (11,43%). Что касается причин, напротив, препятствующих влиянию организаций, то здесь лидируют: отсутствие интереса властных структур (17,14%), не отлаженность работы на должном уровне (14,29%), небольшой срок существования (5,71%).

Особую важность для некоммерческих организаций имеет наличие профессиональных и квалифицированных кадров. В результате исследования было выявлено, что большая часть (68,57%) руководителей общественных объединений имеет высшее гуманитарное образование. У четверти руководителей (25,71%) – высшее техническое образование. На наличие среднего профессионального образования указали 11,43% респондентов. Примечательно, что среди опрошенных не было выявлено руководителей с послевузовским образованием.

В настоящее время, в связи с возникновением и развитием новых технологий, повышение профессиональной квалификации сотрудников должно носить регулярный и плановый характер. Данные исследования показали, что в 62,86% организаций руководители постоянно повышают квалификацию в той сфере деятельности, в которой работает их организация, 17,14% повышают квалификацию в случае необходимости, 2,86% опрошенных отметили, что руководитель занимался повышением квалификации только в самом начале деятельности. Отсутствие профессионального и квалификационного развития руководителей 11,43% организаций объясняют отсутствием курсов по данной проблеме, а также наличием большого опыта (5,71%).

Зачастую возможность повышения квалификации сотрудников и руководителей во многом напрямую зависит от финансовых возможностей организации. В целом руководители некоммерческого сектора демонстрируют довольно большую заинтересованность в дополнительном обучении. Почти две трети руководителей (64%) отметили высокую потребность в обучении хотя бы по одной из предложенных тем. При этом обучение PR-технологиям и администрированию заметно популярнее, чем обучение работе с добровольцами. Среди предложенных в анкете

форм обучения сотрудников чаще других отмечались краткосрочные тренинги, а наименее популярной формой оказалось дистанционное обучение через Интернет [1]. Исследование показало, что наиболее распространенной формой повышения квалификации сотрудников среди исследуемых организаций является самообразование, оно применяется в 71,43% организаций. Примерно половина организаций (48,57%) использует выездные курсы и стажировки, 40% организаций приглашают специалистов, 20% – сами организуют курсы с привлечением специалистов и слушателей, в 11,43% организаций сотрудники получают профильное образование в данное время, и только 2,86% организаций для повышения квалификации сотрудников используют дистанционное обучение.

Данные исследования показывают, что коллективы общественных объединений характеризуются стабильностью и отсутствием текучести (82,86%). В то время как об умеренной текучести заявили 17,14% организаций, на высокую же текучесть не указала ни одна организация. Большинство исследуемых организаций (60%) отметило, что коллектив меняется постепенно, и они сами выращивают новых последователей. Практически треть организаций (28,57%) указала на то, что актив не менялся с начала образования. Среди причин низкой и умеренной текучести кадров выделяют следующие: хороший морально-психологический климат (77,14%), наличие интересной и творческой работы (42,86%), уровень зарплаты (11,43%) и требования руководителя (8,57%).

Возрастная структура активистов общественных объединений характеризуется достаточно большим разбросом. Так 45,71% организаций указали на преобладание сотрудников в возрасте от 35 лет и старше. В 37,14% организаций основную часть актива составляют представители целевых групп в любом возрасте, в 31,43% – пожилые люди пенсионного возраста. Студенты и волонтеры являются основной частью актива 11,43% организаций, а активная, работающая молодежь до 35 лет только в 8,57% исследуемых организаций.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время деятельность общественных объединений вносит значительный вклад в развитие гражданского общества в Бурятии, взаимоотношения с властью носят регулярный и благоприятный характер, основным источником финансирования деятельности общественных объединений являются членские взносы, а степень информированности населения об их деятельности довольно высока. Кадровый состав

общественных объединений характеризуется стабильностью, но в тоже время основной формой повышения квалификации на сегодняшний день является самообразования и данный факт может свидетельствовать о недостатке образовательных программ в сфере некоммерческого сектора.

Литература

1. Общественная поддержка НКО в российских регионах: проблемы и перспективы: аналитический отчет по результатам опросов руководителей НКО // АНО «Социологическая мастерская Задорина» (ЦИРКОН). – 2008 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zircon.ru/> (дата обращения 20.09.2013).

2. «Третий сектор» России: оценка влияния: аналитический отчет по результатам экспертного опроса // АНО «Социологическая мастерская Задорина» (ЦИРКОН). – 2008 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zircon.ru/> (дата обращения 20.09.2013).

3. Динамика развития и текущее состояние сектора НКО в России: аналитический обзор // АНО «Социологическая мастерская Задорина» (ЦИРКОН). – 2009. – №3

[Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zircon.ru/> (дата обращения 22.09.2013).

4. Отношение россиян к ужесточению закона о некоммерческих организациях // Негосударственные некоммерческие организации в Санкт-Петербурге. Информационные материалы для молодежных и детских общественных объединений о деятельности НКО / сост. В.В. Мойсов, Л.В. Шубина. – СПб., 2012.

5. Режим доступа: <http://baikal-media.com/news/society/185964/>

6. Динамика развития и текущее состояние сектора НКО в России: аналитический обзор // АНО «Социологическая мастерская Задорина» (ЦИРКОН). – 2006 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zircon.ru/> (дата обращения 22.09.2013).

Корпусова Ольга Юрьевна, аспирант кафедры философии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: korpuseva_olga@mail.ru

Korpusova Olga Yuriena, postgraduate student, department of philosophy, Buryat State University, e-mail: korpuseva_olga@mail.ru

УДК 316.624

© К.С. Латыпова

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ВОДИТЕЛЕЙ АВТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ НА ДОРОГАХ РОССИИ

Статья посвящена актуальным вопросам, касающимся причин и условий девиантного поведения водителей автотранспортных средств на дорогах России. Автор выделяет и систематизирует причины, влияющие на формирование девиантного поведения водителей автотранспортных средств, выявленные в ходе эмпирического исследования. Рассматриваются возможные пути их сокращения, а также предпринимается попытка обозначить тенденции дальнейшего развития дорожно-транспортных происшествий на дорогах России. По мнению автора, проблема причинности девиантного поведения водителей вызывает научный и практический интерес и требует дальнейшего углубленного изучения на примере Республики Бурятия.

Ключевые слова: девиантное поведение, дорожная безопасность, дорожно-транспортное преступление, водитель автотранспортного средства, формы девиантного поведения, личность водителя.

K.S. Latypova

CAUSES AND CONDITIONS OF DEVIANT BEHAVIOR OF VEHICLES DRIVERS ON THE ROADS OF RUSSIA

The article is devoted to topical issues related to the causes and conditions of deviant behavior of vehicles drivers on the roads of Russia. The author points out and systematizes causes influencing on formation of deviant behavior of motor vehicle drivers, based on the results of empirical research. The possible ways to reduce the causes are considered, as well as the attempts to identify trends in the further development of road accidents on the roads of Russia. According to the author, the problem of causality of drivers' deviant behavior arises scientific and practical interest and requires further in-depth study on the example of the Republic of Buryatia.

Keywords: deviant behavior, road safety, traffic offense, driver of the vehicle, forms of deviant behavior, driver's personality.

В условиях роста мировой автомобилизации и повышения интенсивности дорожного движения, увеличилось количество дорожно-транспортных происшествий, что привело к значительному росту проявлений девиантного поведения водителей автотранспортных средств на дорогах. Аварийность на автомобильном транс-

порте – одна из острейших социально-экономических проблем современности. Структура смертности от неестественных причин показывает, что наиболее социально и экономически значимой становится смертность от транспортного травматизма, на долю которого, по данным ВОЗ, приходится 30–40% и более всей смертно-

сти от несчастных случаев. Автотранспорт – наиболее потенциально опасное средство передвижения: на него приходится подавляющая часть транспортных происшествий – 98,8–99,2% от общего количества, при этом в дорожно-транспортных происшествиях (ДТП) на планете ежегодно гибнет 1,2 млн человек и более 15 млн получают ранения [4].

Наряду с положительным влиянием на экономику и социальное развитие государства, ускоренные темпы автомобилизации влекут отрицательные последствия. За последние 10 лет в нашей стране в ДТП погибло свыше 300 тыс. человек, а более 2 млн – получили увечья. Количество ежегодно пострадавших на дорогах России соизмеримо с населением крупного областного центра. При этом в большинстве случаев основной причиной ДТП является пренебрежительное отношение к требованиям правил дорожного движения (ПДД) [1].

Главным компонентом процесса дорожного движения является человек и в первую очередь – водитель транспортного средства. Водитель должен обладать высокими профессиональными качествами, развитым чувством долга и ответственности, хорошо знать ПДД.

Статистика свидетельствует, что подавляющее большинство ДТП и преступлений происходит по вине нерадивых, безответственных, недисциплинированных водителей, которые либо сознательно нарушают предписанные им нормы поведения, проявляя тем самым грубое пренебрежение к своим обязанностям (соблюдению ПДД), либо допускают небрежное отношение к своему долгу, легкомысленно и невнимательно оценивая дорожную обстановку [3]. На наш взгляд, такое поведение водителей транспортных средств на дорогах является одной из форм проявления девиантности.

Проблема девиантного поведения всегда интересовала исследователей. Так, по мнению С.П. Татаровой, девиантное поведение – это формы массового поведения индивидов или групп в обществе, характеризующиеся многообразием причинно-следственных факторов, отклоняющихся от общепринятых или подразумеваемых норм и вызывающих со стороны группы, организации или общества ответные реакции в виде социальных санкций.

Термин «социальная норма» рассматривается учеными, как правило, в качестве образца действия или меры допустимого (дозволенного или обязательного) поведения и действия людей, социальных групп, которые сложились на определенном этапе развития общества [7]. Это мо-

гут быть нормы психического здоровья, права, культуры или морали. Исследуются различные формы девиантного поведения в современных условиях: агрессивное поведение, алкоголизм, наркомания, коррупция, противоправное поведение и др.

На наш взгляд, большой интерес для общества представляют исследования в области причин и условий девиантного поведения водителей автотранспортных средств. Это объясняется тем, что волна преступлений подобного рода буквально «захлестнула» всю страну, и возросла нетерпимость общества к ним [6].

Почему же нарушается взаимодействие в системе «человек–автомобиль–дорога», чем вызваны несчастные случаи на дорогах, и что нужно сделать для того, чтобы не оказаться виновником или жертвой ДТП [5]. Ответить на этот вопрос не просто. Во-первых, потому что причин, которые приводят к трагедии на дорогах, множество. В результате, исключив одну или несколько из них, есть риск упустить другие, и отрицательный результат может оказаться тем же. Во-вторых, в дорожном движении участвуют как водители, так и пешеходы и другие субъекты, действия которых в не меньшей мере влияют на его безопасность. Наконец, помимо непосредственных причин, каждому дорожно-транспортному преступлению сопутствует целый ряд условий, которые нередко выступают в качестве катализаторов, ускоряющих неблагоприятное развитие событий.

Рассмотрим водителей автотранспортных средств как социальную группу, члены которой заняты трудом, связанным с управлением автомобилем. В 2013–2014 гг. нами был проведен анкетный опрос водителей, целью которого было – выявить причины проявления девиантного поведения рассматриваемой социальной группы. Исследование базировалось на следующих утверждениях:

1) управление автомобилем – источником повышенной опасности – требует от водителей высокого профессионального уровня;

2) необходимо наличие эмоциональной выдержанности, развитого чувства долга, ответственности и др.;

3) важна способность к длительному поддержанию высокого уровня бдительности и готовности к экстренным действиям, правильное распределение и быстрое переключение внимания.

Причины и условия рассматриваемых преступлений (правонарушений) в первую очередь связаны с действиями водителей автотранспорт-

ных средств. В этой связи, в литературе исследуются дефекты воспитания, нравственного сознания, моральная запущенность, низкий уровень культуры и многие другие недостатки, которые являются наиболее частыми спутниками правонарушений, из которых начинает развиваться преступное поведение [2].

Количество ДТП по вине неопытных водителей (чей стаж не превышает 3 лет) за первый квартал 2013 г. увеличилось на 39% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и составило 390 аварий [9].

Анализ ДТП показал, что одной из причин аварийности среди начинающих водителей является низкий уровень их подготовки. Это связано с несоответствием материально-технической базы образовательных учреждений, недостаточной квалификацией преподавательского состава, невыполнением в полном объеме программ обучения и отсутствием воспитательной работы среди кандидатов в водители. В ходе проведенного анкетирования водителей, обучавшихся в автошколах на вопрос о том эффективно ли обучение водителей, 87,4% ответили, что «школа подготовки мало что дает, основные навыки вождения водитель приобретает в ходе самоподготовки» [11].

Сложившаяся ситуация на дорогах может быть связана с отсутствием предварительного тестирования будущих водителей на пригодность к управлению транспортным средством с учетом их психофизиологических характеристик. Из-за ограниченного числа учебных часов, отсутствия необходимых методических разработок и специальных технических средств для предварительного тестирования не дается объективная оценка профессиональной пригодности и надежности будущего водителя к управлению автомобилем.

Основной же причиной проявления девиантного поведения водителей на дорогах и совершения ДТП является управление транспортным средством в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, под воздействием психотропных или одурманивающих веществ. Тем самым водители сознательно не выполняют требования безопасности и нарушают ПДД. По данным ГИБДД более 14 тыс. ДТП произошло по вине водителей, которые находились за рулем в состоянии опьянения [8].

К сожалению, пьянство за рулем остается довольно распространенным явлением, более того усугубляющимся. Ведь у водителей под воздействием алкоголя запускаются различные процессы, приводящие к снижению скорости реак-

ции (зрительно-моторная реакция), нарушению точности выполнения маневров, неспособности к правильному распределению и быстрому переключению внимания. Употребление алкоголя напрямую связано с рядом сдвигов в функциональном состоянии зрения (в частности, значительно ограничивается поле зрения). Исследования кафедры судебной медицины 1-го Московского медицинского института показали, что при ДТП травмы у нетрезвых водителей возникают не только в 1,5 раза чаще, чем у трезвых водителей, но и более опасны.

При употреблении спиртных напитков у водителей появляется склонность к агрессивной манере вождения и игнорированию требований дорожных знаков и светофоров, что обусловлено торможением нервно-психических процессов, нарушением координации, снижением способности правильно оценивать расстояния и сложившуюся дорожную ситуацию. Водитель, даже порой сознавая, что за рулем автомобиля этого делать нельзя, нарушает установленные правила, поэтому пьянство «за рулем» неизбежно вызывает различные трудно объяснимые процессы [6].

Кроме того, при выявлении причин и условий девиантного поведения водителей автотранспортных средств необходимо обратить внимания на влияние лекарственных средств. Исследование показало, что 8,9% водителей, совершивших ДТП, принимали время от времени лекарственные средства. В большинстве случаев водители знают о том, что им не рекомендуется принимать снотворные или успокоительные лекарства. Они могут вызвать у них различные побочные явления, например, вялость и сонливость, что повышает риск совершения ДТП. И это не обязательно классические психотропные средства, подобные эффекты могут возникнуть и при употреблении водителем лекарственных средств, которые используются при понижении давления, лечении острых респираторных заболеваний, кашля и др.

К одной из причин необходимо также отнести и использование мобильных телефонов при управлении транспортным средством. В ходе исследования было выявлено: 75,3% опрошенных водителей подтвердили тот факт, что использование мобильных телефонов отвлекает от вождения, внимание становится более рассеянным, и это нередко приводит к ДТП. Поддержание телефонного разговора существенно снижает способность ежесекундно анализировать дорожную обстановку, что влечет за собой неблагоприятные последствия.

Рассмотрим еще одну причину – наружная реклама на дорогах. По мнению большинства опрошенных в 2013 – 2014 гг. респондентов (водителей, работников правоохранительных органов), 93,4% – рассматриваемый вид рекламы является отвлекающим фактором от управления автомобилем. В целях соблюдения условий безопасности движения во многих странах мира установка подобного рода рекламной продукции вдоль дорог запрещена. Но, к сожалению, в России на сегодняшний день отсутствуют нормативно-правовые акты, регламентирующие данный вид рекламы.

Также следует отметить, что выявления условий проявления девиантного поведения водителей автотранспортных средств имеет большое значение для их минимизации, и, как следствие, сокращения уровня ДТП. Все условия можно разделить на технические, организационно-управленческие и организационно-правовые [3].

На вопрос о том, что можно отнести к техническим условиям совершения ДТП, которые влияют на проявление девиантного поведения водителей, в 27,6% случаев респонденты указали на плохое качество дорог; в 18,9% – на недостаточную освещенность; в 13,2% – на отсутствие своевременного и качественного ремонта дорог; в 7,8% – на конструктивные недостатки транспортного средства (отсутствие ремней безопасности, амортизационных устройств и т.д.). Анализируя перечисленные условия, можно сделать вывод о том, что все это в совокупности способствует проявлению легкомысленно-небрежного отношения водителей к своим обязанностям по управлению автомобилем. Это невнимательное отношение к оценке дорожных условий, отсутствие должного контроля над дорожной ситуацией, и, как следствие, медленная реакция на возникшую опасность.

К организационно-управленческим условиям респонденты отнесли дефекты в организации дорожного движения, недостатки в техническом обслуживании и ремонте автомобилей, эксплуатацию транспортных средств с неисправностями. Все перечисленное создает дополнительную опасность возникновения ДТП.

Кроме того, немаловажную роль респонденты отводят организационно-правовым условиям. В большинстве случаев (53,4%) респонденты указали на недостаточные знания участниками дорожного движения соответствующих ПДД и плохую организацию их изучения, 24,6% отметили сложности в осуществлении надзора и контроля за движением, и 13,9% акцентировали внимание на недостаточной нормативной урегу-

лированности всего комплекса вопросов, касающихся обеспечения безопасности дорожного движения.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что в последние годы повышается уровень проявления девиантного поведения водителей автотранспортных средств на дорогах России, что напрямую связано со сложившейся неудовлетворительной социально-экономической обстановкой в стране, низкой эффективностью профилактических работ в области безопасности дорожного движения среди водителей, а также отсутствием должного внимания к проблеме повышения уровня правосознания и культуры вождения. Поэтому проблема причинности девиантного поведения водителей вызывает большой научный и практический интерес и требует дальнейшего всестороннего углубленного исследования.

Литература

1. Абрамочкин В.В. Расследование дорожно-транспортных преступлений. – М.: Щит-М, 2010. – С.4.
2. Вицин С.Е. Системный подход и преступность. – М., 1980. – С.40–41.
3. Алауханов Е. Криминология. – Алма-Ата, 2008. – С.368.
4. Евтюков С.А., Васильев Я.В. Дорожно-транспортные происшествия: расследование, реконструкция, экспертиза. – СПб.: ДНК, 2008. – С.25.
5. Жулев В.И., Гирько С.И. Ответственность участников дорожного движения. – М., 1997. – С.82.
6. Кузьменко Д.А. Криминологический анализ дорожно-транспортных преступлений, связанных с наездами на пешеходов: дис. ... канд. юр. наук. – Тамбов, 2011. – С.41.
7. Котцова А.М. Воровство как одна из форм девиантного поведения несовершеннолетних в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Улан-Удэ, 2013. – 25 с.
8. Официальные данные о количестве ДТП по РФ // Официальный сайт ГИБДД // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.03.gibdd.ru/sta>. (дата обращения 01.09.2014).
9. Официальный сайт МВД [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mvd.ru/news/575> (дата обращения 23.08.2014).
10. Татарова С.П. Девиантное поведение подростков и социальные технологии его профилактики в условиях перехода российского общества к рыночным отношениям: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – Улан-Удэ, 2007. – С.9.
11. Чипурина Е.А. Криминологическая характеристика и профилактика дорожно-транспортных происшествий в условиях крупного города, повлекших тяжкие последствия: автореф. дис. ... канд. юр. наук. – М., 2005. – С.18.

Латыпова Кристина Сергеевна, ассистент кафедры уголовного процесса Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: krista.100@mail.ru
Latypova Kristina Sergeevna, assistant, department of criminal proceedings, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: krista.100@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ БУРЯТСКОГО ЭТНОСА НА ФОНЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сохранение и развитие культуры бурятского этноса в перспективе будет способствовать сохранению и развитию бурятской культуры в целом. Будущее бурятской культуры во многом зависит от воспитания молодежи, от того, какие ценности будут приоритетными для них.

Ключевые слова: этническая культура, традиционная культура, материальная культура, духовная культура, экологическая культура, село.

I.B. Galsanova

THE TRANSFORMATION OF THE SPIRITUAL VALUES OF THE BURYAT ETHNOS IN THE TIME OF GLOBALIZATION

Preservation and development of the Buryat ethnos culture in the prospect will promote the preservation and development of the Buryat culture as a whole. The future of the Buryat culture mainly depends on the upbringing of youth, first of all its moral aspect and what values will be prior for them.

Keywords: ethnic culture, traditional culture, material culture, intellectual culture, ecological culture, rural areas.

В сфере духовной культуры имеют место как воспроизведение традиций, так и их преобразование.

Однако простое воспроизводство традиций культуры прошлого не всегда возможно, поскольку меняется социокультурный контекст, условия бытования возрождаемых элементов духовной культуры. Например, чрезвычайно актуальные традиции экологической культуры бурят нередко нуждаются в соответствующей правовой поддержке. Места родового и буддийско-тенгрийского поклонения должны функционировать при условии урегулирования земельных отношений, права собственности хозяйствующих субъектов и т.д.

Кроме того, придание традиционным местам поклонения и отправления обрядов статуса охраняемых объектов – лишь часть большой работы по их оптимальному функционированию в условиях нынешней культурной среды. Необходима разъяснительная работа с разными слоями населения для того, чтобы поднять уровень их экологического сознания.

Актуальными для современной жизни являются почитание предков, уважение к старшим, родителям, крепость родственных связей. Это не только помогает человеку адаптироваться к окружающей природной и социальной среде, но и служит укреплению и консолидации этноса.

Сегодня наблюдаются восстановление разрушенных и забытых мест религиозного культа, строительство новых дацанов, дуганов, рост авторитета шаманов и лам, многие из которых имеют и светское образование, занимаются активной общественной деятельностью, в том числе в составе ассоциаций. В данном случае

имеет место инновация, т.к. в современных условиях многие шаманы и по своей подготовке, и по формам организации, и по направленности своей деятельности отличаются от шаманов прошлого.

Изменились и верующие. Многие из них имеют высшее образование, работают в разных сферах сельскохозяйственного и промышленного производства, в учреждениях и организациях. Каждый из них по собственному выбору определяет отношения с той или иной конфессией.

Проявлением тенденции сохранения и возрождения традиционной культуры бурят являются актуализация исторического наследия, сохранение исторической памяти. Так, жители Агинского Бурятского автономного округа хорошо помнят выдающихся земляков, таких как первооткрыватель Тибета Г. Цыбиков, востоковед Б. Барадин, основоположник тибетской медицины в России П.А. Бадмаев, известные ученые, писатели, художники и т.д.

Проводится работа по укреплению материально-технической базы учреждений культуры: ремонт, строительство новых учреждений, в том числе детской школы искусств. Проводятся фестивали «Ага – моя вселенная», «Алтаргана», международный конкурс вокалистов им. Л.Л. Линховойна, конкурсы «Белый месяц», «Золотые россыпи». Активно развивается в округе музейное дело. Особенно многогранна деятельность Агинского окружного краеведческого музея им. Г. Цыбикова [1, с. 167–175].

На сегодня можно говорить о том, что представителями бурятского народа осознается необходимость сохранения богатства этнической культуры. Многие в этом плане сделано и

делается учеными, музейными работниками, учителями, другими представителями национальной интеллигенции, которые не только собирают, хранят, но и популяризируют достояние культуры. Примером сдвигов в этом направлении является издание учебных пособий, например, В.Д. Бабуевой «Материальная и духовная культура бурят», адресованное школьникам и студентам, а также наличие в учебных планах высших и средних учебных заведений предметов и курсов этнокультурного цикла.

Наряду с этим имеют место возрождение и развитие многих элементов традиционной этнической культуры, национальное возрождение, которое связывается в Республике Бурятия с процессом демократизации, что привело к частичному восстановлению традиционной культуры, считавшейся в советское время не только тормозом развития, но и культурно-изолирующим фактором.

Весьма важно осознание жителями села необходимости этих процессов. Это осознание, несмотря на трудности трансляции национальной культуры последующим поколениям, может способствовать усовершенствованию механизма адаптации бурятского этноса и его культуры к современным условиям.

Существуют определенные перспективы гармонизации современных и традиционных форм культуры. Для того чтобы гармонизация современных и традиционных форм стала возможной, необходимо усиление позиций традиционной культуры, расширение пространства ее функционирования, рост престижа. Она должна рассматриваться как равноправный участник культурного диалога, так как только в этом случае она впишется в современное социокультурное пространство.

Усиление позиций традиционной культуры возможно при взаимодействии двух основных субъектов. Одним из них является государство, обладающее огромным потенциалом воздействия на социальные процессы, управляющее, в частности, сферой образования и культуры. Государственная политика по отношению к этносу реализуется и на уровне страны, региона, местного самоуправления.

Другим субъектом развития своей этнической культуры является сам народ. Изменение общества, настрой народа на сохранение, возрождение и развитие культуры обуславливаются не только естественным ходом истории, но во многом (особенно это касается характера этих процессов, их политического и нравственного содержания) зависят от воли и целей, установок людей, которые в пределах данных объективных

условий располагают возможностями разумного выбора путей и средств.

На необходимость и даже обязанность народов сохранить себя и свою культуру справедливо указывает Т.П. Григорьева: «Народ обязан сберечь свое национальное достояние, ибо только в этом случае он сможет внести в общую сокровищницу народов что-то свое, неповторимое, без чего невозможно мировое единство. В этом, а не в том, чтобы быть «как все», и состоит его интернациональный долг. Тот, кто забывает об этом, не только ущемляет национальное чувство другого народа, но и наносит ущерб самому себе, ибо отказывается от того, что принадлежит всем» [2, с. 19–20].

Это высказывание относится и к бурятскому этносу. Большинство исследователей бурятской культуры основное внимание уделяют ее истории. Что же касается современного состояния, а тем более перспектив развития, они чаще всего остаются вне внимания ученых.

Прежде всего, следует отметить, что, несмотря на все трудности, культура бурятского народа в обозримом будущем, очевидно, сохранится, благодаря адаптивным способностям самого бурятского этноса. Сопоставляя последний с малочисленными этносами, Д.Д. Мангатаева отмечала, в частности, поиск национальной идеологии, смену нравственных ориентиров, переориентацию с коллективизма на индивидуализм, с традиции на инновацию [3, с. 121].

Данные исследования свидетельствуют о доминировании у респондентов молодого и среднего возраста современных этнических ценностей над традиционными. В перспективе именно эти поколения станут основной частью бурятского этноса, поэтому закономерно, что современные этнические ценности станут ядром культуры бурят.

Возможно, и даже необходимо моделировать содержание этих ценностей завтрашнего дня уже сегодня, поставив во главу угла нравственные ценности, которые характерны для этнической культуры бурят и вместе с тем являются ценностями культуры всего человечества. Это, прежде всего, значимость семьи, уважение к старшим, забота о слабых, бережное отношение к природе и т.д. Эти ценности не являются только коллективистскими, они в равной мере обращены к современной личности, способной гибко сочетать в себе индивидуальные и личные начала с коллективными и семейно-родственными.

Опору на нравственные начала А.А. Елаев считает основной стратегией развития бурятского этноса, предлагая выработать нравственный

кодекс этнической жизни бурятского народа как «свод нравственных норм и правил» внутриэтнической жизни, гармонично сочетающихся с ценностями общества, высокой культурой и образом жизни...» [4, с. 316].

Нравственные ценности могут стать основой этнической культуры в современных условиях, только если они постоянно будут воспроизводиться в образе жизни конкретных действиях, праздничной и повседневной культуре этноса.

Благодаря достижениям в возрождении бурятской культуры за последние 15–20 лет, многое из наследия этноса удалось сохранить, зафиксировать, ввести в процесс функционирования. Так, активно возрождается шаманизм. «Сегодня в республике функционируют «Духовный центр бурятской народной религии «Б-мургэл», «Лусад» и «Тэнгэри» [5, с. 594]. Проводится большое число фестивалей, национальных праздников, конкурсов, научно-практических конференций и других мероприятий, посвященных бурятской культуре и являющихся непосредственными акциями по ее развитию и пропаганде.

Остановимся подробнее на роли национальных праздников. Выше уже отмечалось значение праздника в жизни общности, в том числе этноса. Бурятские праздники в сконцентрированном виде актуализируют ценности, в том числе связанные внутриэтнически, отношением человека к природе и др. «Праздник позволяет людям ощутить свое единство и целостность, идентифицировать себя с другими представителями этноса, с самой историей народа», – пишет Е.В. Матвеева. Далее автор утверждает: «На наш взгляд, именно праздник как эмоционально приемлемая форма этнической идентичности в сложившихся условиях территориального и культурного слияния способен к выживанию и положительно воспринимается абсолютным большинством населения. Через праздничную культуру с легкостью осуществляется трансляция культурных ценностей поколениям» [6, с. 164–165]. Сохранение и развитие праздничной культуры бурятского этноса в перспективе будут способствовать сохранению и развитию бурятской культуры в целом.

В повседневной культуре современных бурят этнические ценности более широко представлены в культуре села. В связи с этим необходима огромная работа по распространению, пропаганде и внедрению адаптированных к нынешним условиям этнических ценностей в повседневную жизнедеятельность этноса. Необходимо использовать национальную символику па-

мятников национальным героям, в использовании бурятских элементов в архитектуре и дизайне и т.д. Много в этом направлении уже делается, но еще больше необходимо сделать для того, чтобы в культурную среду современного города, села, поселка внести национальное своеобразие.

Особая миссия в этом процессе принадлежит семье, системе образования и учреждениям, профессиональным работникам культуры, ученым. Г.Р. Галданова, задаваясь вопросом «может ли современная семья, особенно городская, представлять базовую основу воспроизводства этнической культуры во всем многообразии ее аспектов?», отвечает, что «далеко не каждая семья может реализовать этнокультурное воспитание своих детей», хотя, благодаря усилиям по подъему национальной культуры, часть молодежи обладает знаниями в области этнической культуры и внутренне подготовлена к ее восприятию [7, с. 72–73].

Этнокультурное воспитание в семье должно быть основано, прежде всего, на личном примере родителей, других представителей старшего поколения, которые, если они действительно хотят добиться успеха в воспитании, должны каждодневно быть олицетворением того образа старшего, который сформировался в традиционной культуре бурят и который предполагает уважительное к нему отношение.

Родители должны показывать примеры бережного отношения к культуре родного народа, культивировать соответствующие традиции и т.д. Если же они сами не обладают глубокими знаниями этих традиций, целесообразно осваивать их вместе с детьми. В наши дни нет недостатка в материалах культурного характера: издано множество научных и популярных изданий, в том числе для детей, учебных пособий и т.д. Главная задача семьи – пробуждение интереса к культуре родного народа, воспитание любви к родине и родному городу, селу, к родному народу, своей семье.

Немаловажное место в развитии этнической культуры принадлежит системе образования. Образование Республики Бурятия развивается динамично. Наряду с другими направлениями активно реализуется национально-региональный компонент. Осуществляется преподавание на родном языке, все желающие могут изучать бурятский язык. Ряд учебных заведений работает в режиме диалога культур, межкультурного образования, углубленного изучения истории и культуры бурятского народа. Многие учителя реализуют авторские программы, включающие наци-

онально-региональный компонент, благодаря чему учащиеся осваивают экологические аспекты бурятской культуры, изучают музыкальное, изобразительное, прикладное искусство бурят, овладевают навыками работы с традиционными для художественных промыслов материалами. В последние годы школьники более основательно изучают национальные виды спорта бурят, функционируют бурятские классы, работают бурятские лицеи, гимназии. Учебные заведения начального профессионального образования готовят швей национальной одежды, мастеров по чеканке, мастериц-гобеленщиц и т.д.

Активно разрабатываются и внедряются различные формы внешкольной работы, проводятся факультативные занятия по широкому кругу тем, отражающих богатство и своеобразие бурятской культуры, программы, предназначенные для них. Широко используются шедевры фольклора, театрализации, произведения бурятских композиторов, художников и т.д. Проводятся выставки народного творчества, демонстрации традиционной одежды, проводятся соревнования по национальным видам спорта, национальные игры и т.д.

Многоступенчатая система современного образования и воспитания начинается с дошкольных учреждений. К сожалению, их роль в становлении личности, воспитании человека высокой культуры, развитии национальной культуры недооценивается. Между тем дошкольные учреждения могли бы стать партнером семьи в деле освоения ребенком основ национальной культуры. Для этого необходимо изменение концепции дошкольного образования, переподготовка кадров, осуществляющих воспитательный процесс, повышение статуса воспитателя дошкольного учреждения.

Отмечая сдвиги в приобщении подрастающего поколения к бурятской культуре, Г.Р. Галданова подчеркивает, что целью воспитания являются не просто приобщение к знаниям, а освоение их, т.е. «привитие положительных ценностных ориентаций, следование им в жизни» [7, с. 80].

Будущее бурятской культуры во многом зависит от воспитания молодежи, прежде всего нравственного, от того какие ценности будут приоритетными для них. основополагающие ценности национальной культуры совпадают с общечеловеческими ценностями, поэтому эффективность воспитания человека высокой нравственной культуры является главной задачей деятельности государства, всех его институтов, семьи, этноса в целом.

Судьба бурятской культуры во многом зависит от профессиональных работников этой сферы, от состояния культуры региона в целом, которая неотрывна от общероссийской культуры. Работники культуры внесли и вносят большой вклад в процесс возрождения национальной культуры, реализуя множество проектов, осуществляя практическую работу по пропаганде культуры, поднимая ее престиж. Многим творческим коллективам удается гармонично сочетать традиционные элементы с современными, создавая произведения, отвечающие художественным потребностям публики.

В структуру современной культуры внедряются новейшие принципы менеджмента; осуществляется многоканальное финансирование этой сферы, в том числе через ряд целевых программ.

Новый импульс для интенсификации многогранной деятельности учреждений и работников культуры Забайкалья, возможно, даст создание в Республике Бурятия туристско-рекреационной зоны. Это потребует трансформации принципов деятельности значительной части учреждений культуры, которые должны будут ориентироваться на создание и продвижение востребованного потребителями туристического продукта, отвечающего мировым стандартам и вместе с тем ярко воплощающего своеобразие природной среды и этнической культуры Байкальского региона.

Это требует соответствующего системного осмысления культур коренных этносов Забайкалья, выработки как принципов презентации их элементов общероссийскому и зарубежному потребителю, так и стратегии долгосрочного развития этнической культуры, в условиях быстро меняющегося мира. В связи с этим необходимо дальнейшее расширение исследований в регионе, сотрудничества ученых различных специальностей (этнографов, историков, философов) с исследователями культуры. Это поможет научному анализу путей развития современной этнической культуры в регионе, в том числе культуры бурятского народа, станет основой практической деятельности работников культуры.

Сохранение и развитие бурятской культуры в будущем, как отмечалось, во многом зависят от деятельности обоих основных субъектов развития национальной культуры: государства и самого этноса. Деятельность государства в сфере культуры реализуется в проводимой им культурной политике, одним из главнейших аспектов которой (особенно применительно к коренным и некрупным по численности этносам) является поддержание культурной идентификации.

Подчеркивая определяющую роль государства в реализации культурной политики, В.Б. Прокопьев предлагает использовать категорию «государственная культурная политика», обозначая этим термином «ключевую категорию политики государства в области культуры, направленную на реализацию права каждого гражданина свободно участвовать в культурной жизни общества, выявление и учет культурного аспекта во всех социально-экономических и технических проектах, сохранение и обогащение культурной самобытности народов, развитие международных культурных обменов» [8, с. 11].

В Республике Бурятия и Агинском Бурятском автономном округе на практике начали достаточно эффективно реализовываться элементы политики социального партнерства между органами управления культурой, творческими работниками и широкими массами общественности. О преимуществах такой политики В.Б. Прокопьев пишет: «Во-первых, политика, выработанная в сотрудничестве с профессионалами той области, где она будет претворяться в жизнь, имеет большие шансы на успех, поскольку в ней отразится опыт. Во-вторых, она будет более зрелой в творческом плане, поскольку появится в результате открытого обсуждения и диалога, отражающего широкий диапазон точек зрения, а не только кулуарное планирование. Цели этой политики и критерии успеха будут ближе интересам общественности. И, наконец, в-третьих, сам процесс обсуждения представляет собой важный элемент гражданского общества, дающий возможность и поощряющий граждан принимать на себя ответственность в той области, где большинство людей имеет свое мнение и не боятся заявить в полный голос» [8, с. 16–17].

Наряду с существующими программами, направленными на сохранение и развитие бурятской культуры, нужны новые программы, охватывающие все сферы национальной культуры. Требуется также их координация, оперативное управление деятельностью в этой сфере. Реализация такой государственной культурной политики в дальнейшем является одним из необходимых условий развития бурятской культуры.

Состояние бурятской культуры в значительной степени зависит, и будет зависеть от позиции и практической деятельности представителей бурятского этноса. Выше говорилось о значении семьи, примере родителей и других воспитателей подрастающего поколения, а также о миссии всех представителей национальной интеллигенции по отношению к культуре родного народа. Особенно большая ответственность за

будущее культуры лежит на работниках образования, культуры, ученых-гуманитариях.

Развитие и распространение научных знаний, урбанизация, увеличение роли и объема получаемой извне информации, в том числе информации общепланетарного характера, ускорение темпов развития человечества и другие явления современной действительности стали важными социокультурными факторами интенсификации этнокультурного взаимодействия.

Литература

1. Батомункина Ц.Ц. Ценностно-эстетические приоритеты традиционной культуры бурят как основы культурной политики в Агинском Бурятском автономной округе // Бурятия в контексте современных этнокультурных и этносоциальных процессов. Традиционная культура, народное искусство и национальные виды спорта бурят в условиях полиэтничности: сб. ст.: в 3 т. – Улан-Удэ, 2006. – Т.1. – С.167–175.
2. Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. – М., 1979. – С.19–20.
3. Мангатаева Д.Д. Эволюция традиционных систем жизнеобеспечения коренных народов Байкальского региона. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. – С.121.
4. Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. – М., 2000. – С.316.
5. Буряты / под ред. Л.Л. Абаевой, Н.Л. Жуковской. – М.: Наука, 2004. – С.592.
6. Матвеева Е.В. Этнокультурные ценности молодежи Бурятии // Бурятия в контексте современных этнокультурных и этносоциальных процессов. Традиционная культура, народное искусство и национальные виды спорта бурят в условиях полиэтничности: сб. ст.: в 3 т. – Улан-Удэ, 2006. – Т.1. – С.164–165.
7. Галданова Г.Р. Образование и воспитание на фоне национально-культурного возрождения // Сибирь: этносы и культуры (традиции и инновации в этнической культуре). – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 1999. – Вып. 5. – С.72–73.
8. Прокопьев В.Б. Основы государственной культурной политики: сущность, направления, принципы реализации // Интеллигенция и взаимодействие культур: материалы VI Междунар. науч. конф. (Байкальская встреча, 26–29 июня 2007 г.): в 2 т. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2007. – Т.1. – С.11.

Галсанова Ирина Будажаповна, кандидат культурологии, заведующая отделом аспирантуры и докторантуры Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова, доцент кафедры связей с общественностью, социологии и политологии, г. Улан-Удэ, e-mail: Galsanova@bgsha.ru
Galsanova Irina Budazhapovna, candidate of culturalological sciences, head of the department of graduate and doctoral programs, associate professor, department of public relations, sociology and political science, Buryat State Academy of Agriculture named after V.R. Philippov, Ulan-Ude, e-mail: Galsanova@bgsha.ru

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.344.42

© В.М. Очирова

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ: ВЗГЛЯДЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

В статье раскрываются ценностные ориентации политических элит Бурятии, Саха (Якутия), Тывы, касающиеся современной динамики развития данных полиэтнических регионов в составе России. На основе материалов эмпирических исследований дается характеристика социальным сферам республик. Полученные результаты позволяют выявить проблемы и перспективы развития российских полиэтнических регионов на современном этапе.

Ключевые слова: политическая элита, полиэтнические регионы, ценностные ориентации, динамика развития, сферы общества.

V.M. Ochirova

MODERN DEVELOPMENT OF POLYETHNIC REGIONS OF RUSSIA: VIEWS OF POLITICAL ELITE

The valuable orientations of political elite of republics of Buryatia, Sakha (Yakutia), Tyva, concerning modern dynamics of development of polyethnic regions in a body of Russia are revealed in the article. On the basis of materials of empirical researches the characteristic to social spheres of these republics has been elaborated. The obtained results allow us to reveal problems and prospects of the development of the Russian polyethnic regions at the modern stage.

Keywords: political elite, polyethnic regions, valuable orientations, dynamics of development, society spheres.

Столкнувшись с реалиями и вызовами постсоветского времени, политические элиты регионов России были вынуждены сформулировать новые стратегии развития своих территорий. В их числе были и представители элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва. Реализуемый ими политический курс привел к существенным изменениям в различных социальных сферах. Оценить пройденный республиками за последние десятилетия путь и выявить их современное состояние помогут представленные в данной статье анализ литературы, а также материалы собственных исследований автора, которые были получены в период с 2004 по 2010 гг. В это время нами были проведены два анкетных опроса: в 2004 г. опрошено 195 представителей политической элиты Республики Бурятия, для анализа отобрано 176 анкет [9]; в 2009–2010 гг. опрошено 618 человек, представляющих исполнительные, законодательные/представительные и муниципальные органы власти республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва, для анализа отобрано 576 анкет [10].

В ходе исследования 2009–2010 гг., открывая в анкете региональный блок вопросов, мы заинтересовались у респондентов: «Удовлетворяет ли Вас современная динамика развития вашего региона?». Выяснилось, что 53,1% элиты Яку-

тии полностью или скорее удовлетворены развитием своей республики. Эти варианты в совокупности лидировали среди большинства видов элит, кроме муниципальной (48,1% склонились к противоположной точке зрения). Респонденты Бурятии и Тывы на данный вопрос ответили преимущественно «полностью/скорее не удовлетворяет», соответственно 66,7% и 73%. Среди видов элит иного мнения была только элита Бурятии, представляющая исполнительную власть (51,5%). Тем самым взгляды анкетированных на динамику развития своих регионов разделились: в отношении Якутии преобладают позитивные оценки, в отношении Бурятии и Тывы – негативные.

Для того, чтобы конкретизировать позиции респондентов, мы предложили им выбрать в анкете наиболее проблемные сферы жизни в своем регионе. В 2004 г. представители политической элиты Республики Бурятия расположили их в следующем порядке: экономика – 37,6%, социальная защита – 23,3%, политика – 17,6%, безопасность жизни граждан – 5,7%, здравоохранение – 5,1%, образование – 5,1%, экология – 3,9%, культура и искусство – 1,7%. В 2009–2010 гг. на первое место во всех республиках была поставлена экономика, ее выбрали 24% анкетированных Бурятии, 17% – Саха (Якутии),

20,8% – Тывы. Второе место в Бурятии заняла проблема технического оснащения (13,7%), в Саха (Якутии) – социальная защита (15%), в Тыве – политика (16,8%). Третье место элита Бурятии отдала здравоохранению (11,3%), Саха (Якутии) – экологии (13,9%), Тывы – безопасности жизни граждан (11,8%). Следует заметить, что респонденты довольно часто выбирали практически все предложенные в анкете ответы (в том числе «образование», «культура и искусство»), указывая тем самым на то, что проблемными в регионах являются многие сферы. В качестве других вариантов были названы: в Бурятии – сельское хозяйство, ЖКХ и др.; в Саха (Якутии) – инфраструктура, занятость, безработица, сельское хозяйство, отставание жителей села по уровню и качеству жизни, развитие сельских территорий.

На примере Республики Бурятия можно заметить некоторые изменения во взглядах политической элиты на проблемные сферы жизни: ситуация в области социальной защиты и политики сейчас в регионе относительно стабилизировалась, в отличие от Саха (Якутии) и Тывы, где они очень актуальны. Вместо них на второе место вышла проблема технического оснащения, что не вызывает удивления ввиду бурного развития современных технологий, которые не позволяют республиканским, в основной массе слабо оснащенным, предприятиям успешно конкурировать на внутреннем и международном рынках. Обострились негативные тенденции и в таких сферах, как здравоохранение, образование, культура и искусство, экология и обеспечение безопасности жизни граждан. Состояние двух последних сфер, как следует из наших данных, еще более проблематично в республиках Саха (Якутия) и Тыва.

В целом результаты показали, что проблемных сфер жизни в регионах немало. На это указывают и полученные нами в 2009–2010 гг. материалы экспертных интервью, которые, раскрывая современную динамику развития республик, позволяют нам узнать, что именно беспокоит представителей политических элит. Приведем характерные высказывания экспертов.

Республика Тыва: «До 1991 г. в республике наблюдалось бурное развитие: строились предприятия, функционировали различные отрасли промышленности, поднималось сельское хозяйство и пр. 1991–2006 гг. были тяжелыми годами для Тывы, имелись значительные экономические проблемы. С 1996 г. отмечался спад в промышленности, практически перестал работать угольный разрез. Сейчас изменений фактически нет: угольные предприятия в состоянии банк-

ротства; строительство инфраструктуры, жилья, промышленных объектов почти свернуто; поголовье скота находится на уровне 1998–2000 гг. (переход в частный сектор принес большие проблемы, так как реализовать продукты животноводства – шерсть, шкуры, молоко сельчанам практически невозможно); добыча полезных ископаемых, в том числе и золота, упала. Бюджет республики на 90–97% дотационный. В качестве позитивного факта можно отметить увеличение числа небольших предприятий: хлебобулочных, народно-промысловых и др. Однако их производственный рост очень мал, доходы в бюджет от них почти не идут и поэтому большую роль в экономике они не играют. В социальной сфере тоже имеются проблемы, например, высокий уровень безработицы (снять напряженность на рынке труда должна помочь реализация программы социально-экономического развития, вложено 182 млн руб.), преступности и алкоголизма. Положительным моментом является хорошая рождаемость, она превысила уровень смертности. Но в то же время в республике значительное количество разводов, в основном из-за бытовой и финансовой неустроенности. Так, из 1000 семей только 10% полные и зажиточные, 30% со средним уровнем достатка, а 50–60% – это семьи неблагополучные, малоимущие. Главное то, что дети живут в сложных условиях, поэтому нужно срочно принимать меры по защите семьи. В политической сфере наблюдается стабильность, конфликтных ситуаций фактически нет. В национальном плане все тоже стабильно. Беспокоит только одно – все руководство из «Единой России», которая в народе не ценится».

Республика Саха (Якутия): «Республика в настоящий момент развивается с переменным успехом. В экономике все достижения в основном обусловлены функционированием добывающей промышленности. На нашей территории имеются большие запасы различных природных ресурсов, в том числе наиболее востребованных в России – нефти, газа, алмазов, ценных металлов и др. Однако весь парадокс в том, что мы от их добычи ничего не получаем. К сожалению, федеральный центр не поддерживает в финансовом смысле территорию, которая во многом обеспечивает его благосостояние. В связи с политикой руководства страны, ориентированной на извлечение природных ресурсов, плохо развиваются другие отрасли республиканской промышленности, хотя имеется хороший потенциал. По этим и другим причинам состояние нашей экономики печальное, многое зависит от поступлений трансфертов. Очень беспокоит

сельское хозяйство, которое находится на грани выживания. На его развитие негативное влияние оказывает добывающая промышленность, так как сокращаются пастбища, приходят в негодность земельные наделы и т.п. Государство почти не оказывает помощи сельчанам, чей уровень жизни не выдерживает никакой критики. Добыча ископаемых к тому же привела и к нарушению экологического равновесия в регионе. В социальной сфере у нас, наверное, те же проблемы, что и в России: плохое социальное обеспечение, низкий уровень заработных плат и пр. Страдают бюджетники, в первую очередь, учителя и врачи. В политической области достаточно спокойно. Среди партий особой борьбы нет, доминирует, естественно, «Единая Россия», ее позиции по ряду причин очень сильны».

Республика Бурятия: «Бурятия в последнее время развивается очень динамично. В 1990-е гг. у нас, конечно, были трудности, как и во всей стране. И не все из них удалось преодолеть, но успехи очевидны: наблюдается подъем в экономике, социальной сфере, культуре. Большой толчок развитию республики дало образование в регионе туристической зоны: поступают инвестиции, строится инфраструктура, растет поток туристов. Бурятия стала местом проведения разнообразных форумов, фестивалей, совещаний и пр. Столица с каждым годом хорошеет, превращаясь постепенно в один из развитых городов России. Естественно, во многом это стало возможно благодаря финансовым вливаниям центра. Несмотря на значительные достижения, в республике, безусловно, имеются и существенные проблемы. Бюджет все еще дотационный, плохо функционируют отдельные отрасли промышленности, сельское хозяйство не получает должной государственной поддержки. Большие трудности наблюдаются в жилищно-коммунальной сфере: критический уровень изношенности систем жизнеобеспечения, фактически аварийная ТЭЦ 1 (ежегодно происходят аварии, чрезвычайные ситуации), беспредел в тарифах и коммунальных платежах, значительный процент ветхого жилья, низкий уровень благоустройства сел. Проблемы есть и в области социальных выплат, заработных плат, развития здравоохранения и образования. Очень беспокоит состояние окружающей среды: загрязнение озера Байкал и других водных объектов, недопустимый уровень чистоты воздуха, общая негативная нагрузка на экологию региона. У нас слишком много вредных производств, которых в принципе быть не должно. Ответственное министерство крайне плохо работает, оно не защищает природу, а, как это ни парадоксально, создает

условия для развития промышленности, в первую очередь, добывающей. Проблем в политической сфере почти не наблюдается, все важные вопросы решает федеральный центр. Раздражает «Единая Россия», ее всевластие, но это характерно для всех субъектов. Впрочем, позиции оппозиционных партий тоже достаточно сильны, особенно коммунистов».

Представленный перечень проблемных сфер и направлений жизни в регионах показывает, что республики сталкиваются с характерными для всей страны проблемами. Главными среди них, по единодушному мнению респондентов, являются трудности в области экономики, которые, в отличие от проблем в других сферах, в каждом регионе имеют свою специфику, что вызывает необходимость осуществления краткого анализа состояния экономики в республиках Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва.

Переломные 1990-е гг. были крайне тяжелыми для всех регионов России: ухудшились социально-экономические условия, уменьшился выпуск товарной продукции, вырос уровень безработицы и пр. Повсеместно отмечалось падение темпов производства в промышленности. Например, в Бурятии объем производства промышленной продукции в 1998 г. составил менее половины объема 1990 г. [13, с. 25]. Повысилась доля убыточных предприятий, в частности в Саха (Якутии) за 1990–1997 гг. с 54 до 71,8%, в том числе: в промышленности – до 78%, сельском хозяйстве – 91,5%, строительстве – 7%, на транспорте – до 64,8% [16, с. 70]. Крайне неблагоприятной была ситуация в сельском хозяйстве.

Приведем данные экспертной оценки социальной жизни бурятского села, полученные в середине 2001 г. Результаты опроса 200 респондентов-экспертов показали: «86% состава экспертной группы подтвердили факт развала сельскохозяйственного производства, отметив, что его состояние ухудшилось и только 2% опрошенных выбрали вариант «улучшилось». <...> Повсеместно наблюдается рост безработицы как скрытой, так и явной. При этом безработица среди сельского населения приобретает более угрожающий характер, чем среди городского населения. Согласно данным экспертного опроса, 81,5% опрошенных отметили, что ситуация с занятостью населения ухудшается. 3,5% опрошенных считают, что ситуация с занятостью улучшилась, а 8,5% опрошенных выбрали вариант ответа «не изменилась» [12, с. 103]. Большие проблемы наблюдались и в финансовой сфере. К примеру, Бурятия в 1994–1996 гг. имела статус

региона, особо нуждающегося в поддержке. В 1995 г. республика получила из федерального бюджета в расчете на душу населения на четверть миллиона рублей больше, чем в него поступило с ее территории. При этом налоговый потенциал Бурятии был невысок, сбор налогов в расчете на одного человека вдвое ниже среднероссийского [11, с. 102]. Заметим, что и на данный момент финансовое состояние изучаемых республик неблагоприятно, оно во многом зависит от поступления субсидий из федерального центра.

В отличие от других регионов, ситуация в Саха (Якутии) в эти годы существенно отличалась. Практически до конца 1990-х гг. центр предоставлял республике льготные условия, предполагающие, что 60% экономической отдачи от участия в вопросах по регулированию недропользованием уходило в республиканский бюджет [7, с. 215]. Якутия получила право самостоятельно продавать до 20% производимого золота и до 10% добываемых алмазов и при этом не платить налогов в федеральный бюджет [14]. Это позволило политической элите успешно развивать регион и поддерживать достойный уровень социального обеспечения населения. Как отмечал первый Президент РС(Я) М.Е. Николаев «Новое руководство Республики Саха (Якутия) с первых шагов делало все, чтобы ее население без лишних трудностей преодолело сложное время переходного периода. <...> Благодаря принятым мерам по укреплению экономической самостоятельности республики в условиях обвального снижения производства и ухудшения экономических показателей в стране, мы сохранили в определенной мере стабильность в ведущих отраслях промышленности, сумели осуществить продвижение вперед в социальной сфере» [8, с. 4].

Действительно, в 1990-е гг. в Саха (Якутии) наблюдался сравнительно незначительный спад промышленного производства, в ряде улусов республики были созданы гранитные заводы по огранке алмазов и производству алмазных инструментов, открыты предприятия по обработке камнецветного сырья, изготовлению ювелирных изделий, производству мебели и др. В сельской местности началось строительство жилья, дорог, мини-заводов по переработке местного сырья, проводилась газификация населенных пунктов, оказывалась значительная финансовая помощь селу [16, с. 74]. Большое внимание уделялось развитию здравоохранения, образования, социальной сферы в целом. Например, отчисления на образование в 1990-е гг. состав-

ляли 1/3 всех расходов бюджета республики. Показательно, что за период с 1990 по 2002 гг. число государственных вузов выросло с 2 до 15 [14]. Эти и другие меры, предпринятые руководством Саха (Якутии), были с воодушевлением приняты населением. Таким образом, несмотря на некоторые трудности, 1990-е гг. прошли для Республики Саха (Якутия) значительно легче, чем для других регионов России.

Первое десятилетие 2000-х гг. было для республик совершенно другим. Бурятия, благодаря усилиям региональной политической элиты и первого Президента РБ Л.В. Потапова, смогла преодолеть тяжелейший период и перейти в режим экономического роста. По мнению первого президента республики, прошедшее время можно условно разделить на несколько этапов: «Первый – становление системы государственной власти в Бурятии, выработка подходов к управлению экономикой и социальной сферой, создание механизмов преодоления кризиса. Мы определились по большинству ключевых вопросов, связанных с разграничением функций между различными ветвями и уровнями власти в республике. Была принята федеральная программа социально-экономического развития Бурятии, сформирован бюджет развития. На втором этапе удалось добиться экономической и социальной стабилизации: началось погашение долгов работникам бюджетной сферы, пенсионерам, увеличился объем государственных инвестиций в экономику республики, поступлений в бюджет, стали возрождаться прежние и открываться новые производства. В 1999 г. наступил третий этап – Бурятия вошла в режим роста экономики. Рост уровня жизни в Бурятии, согласно данным статистики, начался с 2000 г.» [3, с. 18]. В 1999–2000 гг. стал наблюдаться некоторый подъем в республиканской экономике, по итогам 2000 г. она находилась в стадии выхода из затянувшегося экономического кризиса. Увеличился рост производства в основных отраслях промышленности. В 2003 г. Госкомстат России отнес республику к регионам, имеющим высокие темпы роста промышленного производства, – в Бурятии он составил 112,1%.

В течение последних лет в республике под руководством Главы Бурятии В.В. Наговицына разработана Стратегия социально-экономического развития до 2025 г. В 2011 г. приняты среднесрочная Программа социально-экономического развития на 2011–2015 гг. и долгосрочная Программа социально-экономического развития на период до 2020 г. Они определили следующие приоритетные направления развития

экономики: добыча и переработка полезных ископаемых, создание агропромышленного комплекса, стимулирование туризма, лесопромышленный комплекс (в том числе заготовка и глубокая переработка древесины), малый бизнес, формирование транспортно-логистического комплекса [2].

Реализация указанных документов (из 135 индикаторов программы СЭР до 2020 г. сейчас уже выполнены 126 [1, с. 4]) вызвала позитивную динамику в экономике региона. Согласно официальным данным, социально-экономическое развитие республики характеризуется тенденцией роста по всем основным макроэкономическим показателям. В 2009 г. В.В. Наговицын отмечал, что валовой региональный продукт (ВРП) в Бурятии за три года вырос на 117,6%. Рост промышленного производства составил 120,8%. Реальные денежные доходы населения увеличились до 140% [2]. По итогам 2010 г. Республика Бурятия вышла на 1-е место в Сибирском федеральном округе и на 5-е место среди субъектов России по индексу промышленного производства [4].

Положительная динамика показателей экономического развития республики выявлена и в 2011 г.: объем ВРП составил 150,3 млрд руб. (100,5% к установленному плану), индекс промышленного производства – 122,9% (при плане 104%), прирост объемов валовой продукции сельского хозяйства – 118,4% и пр. Бурятия заняла 3-е место по России в номинации «Минимальные экономические риски» по итогам рейтинга инвестиционной привлекательности, проведенного агентством «Эксперт» [1, с. 4]. Позитивные тенденции отмечаются и в функционировании других социальных сфер.

Безусловно, данные факты говорят о начале бурного развития региона и открывают перед ним широкие перспективы. Например, уже к 2017 г. декларируется достижение бездотационности Бурятии. Успехи последних лет, видимо, и повлияли на то, что по итогам нашего исследования в 2009 г. наблюдается существенное снижение – на 13,6% по выбору респондентами варианта «экономика» в качестве наиболее проблемной сферы жизни. Безусловно, это внушает оптимизм, учитывая тот факт, что еще в 2004 г. на вопрос нашей анкеты «Как Вы считаете, можно ли отнести Республику Бурятия к регионам с депрессивной экономикой?» положительный ответ дали 87,5% респондентов, тогда как отрицательный выбрали лишь 12,5%.

Однако, несмотря на снижение процентного показателя, экономика, по мнению анкетирова-

ных, по-прежнему остается сферой, в функционировании которой имеются существенные проблемы, что вполне обоснованно. Республика все еще относится к регионам с низким уровнем развития: по ВРП на душу населения в 2009 г. она занимала 40-е место в России, по среднедушевым денежным доходам – 50-е место, по показателю занятости – 84-е место, по среднедушевым инвестициям – 79-е место [2]. Уровень финансовой зависимости Бурятии превышает 50% [17, с. 556]. Тем самым наметившийся подъем в развитии экономики региона на данный момент пока не дает основания говорить о достижении абсолютных успехов, но внушает оптимизм в отношении перспектив Бурятии. Последовательная реализация руководством региона основных направлений разработанной стратегии в экономической области, рост инвестиций, увеличение финансирования республики, на наш взгляд, непременно окажут свое положительное влияние.

В Саха (Якутии) произошли изменения иного рода. Резкая смена политики центра по отношению к регионам, наблюдавшаяся в начале 2000-х гг., привела к утрате особого статуса республики и существенно снизила ее экономическую самостоятельность. Теперь все платежи от использования недровых богатств Якутии напрямую поступают в федеральный бюджет.

Данные нововведения, естественно, негативно отразились на развитии региона. Республика оказалась вынуждена изыскивать альтернативные способы покрытия своих расходов и подъема уровня жизни населения. В условиях северной специфики и сырьевой направленности экономики Якутии основные надежды связаны, как правило, с добычей природных ресурсов. Планы на 2010–2015 гг. включают реализацию трех проектов: освоение Чаяндинского газового месторождения, железорудных месторождений в Южной Якутии, создание Южно-Якутского гидроэнергетического комплекса [18, с. 8–9]. По мнению В.А. Штырова, эти и другие меры позволят справиться с серьезными задачами: «увеличение валового регионального продукта в два раза, потом – в 2,4 раза и решение целого ряда проблем, которые сегодня сдерживают развитие республики» [18, с. 7].

Следует отметить, что руководство региона разработало подробную программу комплексного развития Саха (Якутии) до 2020 г. Так, в области экономики стратегическими приоритетами являются: поддержание/создание условий для стабильной работы действующих базовых отраслей – алмазодобыча, добыча драгметаллов, лесопромышленный комплекс, АПК, угледобы-

ча, строительство (к 2020 г. планируется рост ВРП 30%); создание новых подотраслей горнодобывающей промышленности, топливно-энергетического комплекса и других на базе реализации крупных инвестиционных проектов – добыча железной руды, металлургия, нефтедобыча, газодобыча, газохимия, добыча урана, добыча полиметаллических руд, нефтепереработка, газопереработка, стройиндустрия, туризм (к 2020 г. ожидается рост ВРП 250%); ускоренное развитие транспортной и энергетической инфраструктуры – строительство железной дороги, автодорог, трубопроводного транспорта, ЮЯГЭК, создание единой национальной электрической сети (ЕНЭС) [18, с. 48]. Стратегические приоритеты Республики Саха (Якутия) к 2020 г. включают: рост уровня жизни населения; оживление малого и среднего бизнеса; развитие туризма; проекты по созданию новых отраслей (черная металлургия, отдельные подотрасли цветной металлургии и др.); проекты ТЭК, рассчитанные на ускоренный рост; проекты для поддержания уровня базовых отраслей (строительство 4 подземных алмазных рудников, 3 ГОК в золотодобывающей промышленности и т.д.), инфраструктурные проекты (транспорт, энергетика).

К 2020 г. ожидается рост ВРП в 2,8 раза к уровню 2005 г., увеличение доходов населения в 3,6 раза. Экономический подъем позволит решить многие проблемные вопросы в социальной сфере [18, с. 48]. Планы у руководства региона, как видим, довольно обширные. Причем, во многом благодаря реализации программы комплексного развития Саха (Якутии), они постепенно воплощаются в жизнь.

На данный момент республика занимает лидирующие позиции среди субъектов Дальневосточного федерального округа по объему отгруженных товаров собственного производства, инвестициям в основной капитал, обороту общественного питания, вторые позиции – по экспорту продукции, валовой продукции сельского хозяйства, вводу жилых домов, обороту розничной торговли на душу населения, третье место – по объему валового регионального продукта на душу населения, внешнеторговому обороту и объему платных услуг. В 2010 г. ВРП республики составил 367 млрд руб. с ростом 102,6% в сопоставимых ценах к 2009 г.; индекс промышленного производства – 117,5% к уровню 2009 г., что выше среднероссийского показателя (108,2%) и др. [6]. В 2011 г. в экономике Саха (Якутии) были достигнуты лучшие за последние 10 лет показатели: реальный рост ВРП превысил 6% к 2010 г. (по России – рост на

4,2%), промышленного производства – на 10,5% (рост на 4,7%), инвестиций в основной капитал – на 12,2% (рост на 6%), реальных денежных доходов населения – на 1,5% (рост на 0,5%) [19].

Республика занимает 1-е место в России и в мире по добыче алмазов, 5-е место в России по добыче угля и по объему ВРП на душу населения, 6-е место в России по инвестициям в основной капитал на душу населения. Представляется, что в случае реализации всех намеченных планов руководство Саха (Якутии) действительно решит поставленные перед собой задачи и сможет в дальнейшем преодолеть имеющиеся негативные моменты в области экономики. В первую очередь, это касается ее сырьевой направленности, необходимо постепенно развивать не только добывающие отрасли промышленности, но и многие другие. Заметим, что потенциал у республики очень солидный, поэтому подъем экономики возможен не только с помощью добычи природных ресурсов. Как верно отмечает Е.Г. Маклашова, «при продуманной управленческой политике и эффективном менеджменте республика, как и другие регионы, вполне может рассчитывать на выход из экономической стагнации» [7, с. 218].

Тыве 2000-е гг. пока принесли незначительные изменения. К сожалению, экономика региона не может окончательно оправиться от испытаний 1990-х гг. и выйти в режим роста по основным макроэкономическим показателям. Бюджет республики остается дотационным, причем размер субсидий федерального центра постоянно увеличивается (уровень финансовой зависимости превышает 80% [17, с. 556]). Собственные доходы весьма скромные. Основными статьями, определяющими экономику Тывы, являются добыча золота и угля, производство и распределение газа, электроэнергии и воды. На данный момент, по рейтингу экономической устойчивости, регион относится к группе стагнации. Индекс промышленного производства за 1-е полугодие 2012 г. составил 86,6%, что ниже уровня аналогичного периода 2011 г. почти на 11% (97,1%). В структуре ИПП ухудшилась позиция по добыче полезных ископаемых (угля, золота), за январь-июнь 2012 г. показатели производства снизились до 72,7% (против 97,8% в 2011 г.) [5]. Доля прибыльных предприятий на 1 марта 2011 г. составила лишь 68,1%, трудности испытывали такие крупные организации, как ООО «Гардан-Голд», артель старателей «Тыва», ООО «Тыва-Асбест» и др. Повышается напряженность на рынке труда – в мае 2011 г. нагрузка официально зарегистрированного не занятого трудовой деятельностью населения на одну за-

явленную вакансию составила 7 чел. против 5 чел. в мае 2010 г. [15].

Вместе с тем, безусловно, имеются и позитивные моменты: устойчивы темпы роста оборота розничной торговли, платных услуг, ввода жилья; обеспечены сохранность и приумножение численности поголовья скота; достигнут рост производства отдельных пищевых продуктов (хлебобулочных изделий, овощных консервов и др.); в 2011 г. увеличена добыча асбеста – на 8,3%, нерудных строительных материалов – в 5,1 раза, соли – на 20% и др. [15]. Однако, несмотря на перечисленные факты, следует признать правоту участников нашего анкетного опроса, что экономика является наиболее проблемной сферой жизни в Тыве, ее состояние оставляет желать лучшего. Надеемся, что руководство республики сумеет найти пути выхода из сложившейся ситуации.

Таким образом, в постсоветский период республики Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва столкнулись с определенными трудностями в различных социальных сферах, которые в целом являлись типичными для всей России. Наиболее существенными в изучаемых нами республиках были и остаются проблемы в экономике, которые в силу природно-климатических, географических, хозяйственных и иных особенностей каждого региона имеют свою специфику. Развитие экономики крайне важно, как известно, оно оказывает прямое влияние на состояние других областей региональной жизни. Преодолеть имеющиеся трудности республиканские политические элиты в разные периоды времени пытались с переменным успехом. Пока, к сожалению, негативные тенденции сохраняются, но появляются и позитивные моменты.

Литература

1. Белобородов С. Вячеслав Наговицын: нам нужны сплоченность и политическая стабильность // Московский комсомолец в Бурятии. – 2012. – №28(723). – С.4.
2. Выступление Президента Республики Бурятия В.В. Наговицына на пленарном заседании Совета Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.budgetrf.ru>
3. Галлас О.Э., Капустин А.П., Субботин А.А. Открытый разговор с Леонидом Потаповым. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2002. – 64 с.
4. Глава Бурятии отчитался о деятельности Правительства перед Народным Хуралом [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.regions.ru>
5. Информация о достигнутых значениях показателей оценки эффективности деятельности Министерства промышленности и энергетики Республики Тыва за I полуго-

дие 2012 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://minprom.tuva.ru>

6. Информация об экономической ситуации в Республике Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. – URL: <http://sakha.gov.ru/node/1106>

7. Маклашова Е.Г. «Центр-Регион» в новой системе политических координат // Россия и Якутия: сквозь призму истории / под ред. В.Н. Иванова. – Якутск, 2007. – С.210–221.

8. Николаев М.Е. Новая Якутия. Начало. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 1995. – 64 с.

9. Очирова В.М., Крянев Б.П. Эволюция региональных политических элит в постсоветский период (на материалах Республики Бурятия). – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2009. – 140 с.

10. Очирова В.М. Политические элиты полиэтничных регионов в условиях трансформации российского общества / под ред. И.И. Осинского. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2013. – 512 с.

11. Политический альманах России 1997 / под ред. М. Макфола, Н. Петрова. – Москва: Московский центр Карнеги, 1998. – 552 с.

12. Рандалов Ю.Б., Жалсанова В.Г. Бурятское село как социальный анклав традиционной культуры восточной цивилизации // Мир Центральной Азии: материалы междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – Т.2. История, социология. – 127 с.

13. Современное состояние и перспективы экономического развития Республики Бурятия // Геологоразведка и горная промышленность Бурятии: прошлое, настоящее, будущее. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2002. – С.24–30.

14. Социальный атлас российских регионов [Электронный ресурс]. – URL: <http://atlas.socpol.ru/portraits/yak.shtml>

15. Справка об итогах социально-экономического развития Республики Тыва за январь-май и выполнении прогноза социально-экономического развития Республики Тыва [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mert.tuva.ru/directions/socio-economic-development/monitoring-socio-economic/serresults.html>

16. Топорков В.В. Национальная политика в российском регионе: опыт Республики Саха (Якутия). – Якутск: Сахаполиграфиздат, 2006. – 160 с.

17. Гуровский Р.Ф. Политическая регионалистика. – Москва: ИД ГУ ВШЭ, 2006. – 780 с.

18. Штыров В.А. Якутия – восточный вектор развития России. – Якутск: Медиахолдинг Якутия, 2008. – 103 с.

19. Экономика Якутии в 2011 г. достигла наилучших показателей за 10 лет [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sakha.gov.ru/node/59830>

Очирова Виктория Мункоевна, кандидат политических наук, докторант кафедры философии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: ochirova.v@yandex.ru

Ochirova Victoria Munkoevna, candidate of political sciences, doctoral, department of philosophy, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: ochirova.v@yandex.ru

ГРАЖДАНИН И ОБЩЕСТВО: НОВЫЕ УСЛОВИЯ ДИАЛОГА

В статье авторы предлагают взглянуть на понятие и природу гражданского общества через призму новых технологий и сегодняшних российских реалий, выявить те факторы его развития, которые могут оказаться решающими для сохранения суверенитета и внутренней устойчивости государственной системы. Рассматриваются классические понятия гражданского общества, а также его новейшие толкования, проанализированы основные индикаторы развития гражданского общества, показано соотношение между развитием информационных технологий и гражданским обществом.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, система индикаторов гражданского общества.

M.M. Burdukovskaya, M.V. Badmaeva

CITIZEN AND SOCIETY: NEW CONDITIONS FOR A DIALOGUE

In this article the authors propose to take a fresh look at the concept and nature of civil society through the prism of new technologies and current Russian realities, to reveal those factors of its development, which can be crucial in maintaining our sovereignty and internal stability of state system. The classical as well as modern concepts of civil society are considered, the main indicators of the development of civil society have been analyzed, and represents the ratio between the development of information technologies and civil society has been demonstrated.

Keywords: civil society, state, system of indicators of civil society.

Уже не одно столетие философы, социологи и правоведы обсуждают проблемы становления и развития гражданского общества, пытаясь выработать некое понятие о нем, которое бы устраивало всех и адекватно отражало социальные реалии.

В Древней Греции Платон и Аристотель высказывали свои взгляды на природу гражданского общества. Так, Аристотель, в частности, обсуждая полис как высший тип гражданской ассоциации, говорил о нем как о возможности полноценной политико-правовой самореализации граждан и ее легитимном обеспечении [1, с. 375].

Концепция гражданского общества активно начала формироваться в эпоху Нового времени в трудах Т. Гоббса и Д. Локка, которые противопоставили его естественному состоянию общества, никак не ограничивающего свободу человека. Последнее, как известно, есть война всех против всех, вынуждающая людей перейти к организации мирного порядка, который обеспечивается государством, создаваемым в целях безопасности, и называется гражданским обществом. Гражданское общество, по Гоббсу и Локку, «...представляет собой комплекс устойчивых взаимодействий между свободными, равными и независимыми индивидами, чье имущество (в самом широком смысле этого слова) охраняется политически, то есть благодаря подчинению этих индивидов государству, монополизирующему в своих руках процесс создания, проведения в жизнь и исполнения законов» [8, с. 317].

Англо-американский философ Т. Пейн в своих работах поддерживал и развивал тезис о передаче власти государству ради достижения социального мира. Среди важнейших новаций отметим два момента: 1) необходимость законодательно ограничить власть государства; 2) выявление глубокой взаимосвязи естественных и социальных факторов в процессе формирования гражданского общества и их взаимообусловленности.

Фундаментальный вклад внес в теорию гражданского общества Г. Гегель, преодолевший натуралистический подход к трактовке гражданского общества и рассматривавший его как исторически сложившуюся сферу жизни социума, являющуюся важнейшей частью государства. Гражданское общество, по мнению немецкого философа, есть институт, позволяющий осуществить социализацию человеческого индивида, включение его в многообразные социальные взаимодействия. Гегель не противопоставлял гражданское общество и государство, а считал их взаимодополняющими и необходимыми для развития граждан, членов общества.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в европейской мысли эпохи Нового времени и эпохи Просвещения философы, размышляя о природе гражданского общества, делали основной упор на равенство прав богатых и бедных членов социума, а также на охрану их частной собственности.

В XIX в. получают развитие и обоснование тезисы о независимости, а иногда и антагонистичности гражданского общества и государ-

ства. В частности К. Марк, рассматривая гражданское общество его как историческое явление, признавал важность разграничения гражданского общества и государства.

В первой половине XX в. интерес к проблематике гражданского общества заметно уменьшается. Но со второй половины того же столетия обсуждение вопросов его становления и сущностных особенностей вновь обретают актуальность. Однако в результате многочисленных научных изысканий общепризнанное понятие гражданского общества так и не сложилось.

В настоящее время содержание термина по-прежнему является предметом дискуссий и не представляется возможным говорить о единой, признанной в науке концепции. В понимании гражданского общества закрепилось представление о его периферийном характере. Оно стало пониматься как некий кусок общественного бытия, получающийся после вычета государства и экономики. Исследователи противопоставляют гражданскому обществу государство, рынок, правящие элиты.

Упор при этом делается на исследование деятельности и анализ особенностей некоммерческих объединений, отстаивающих свои права и свободы. Например, такие авторы как Г. Лебон, Э. Фромм, У. Корнхаузер, Г. Блумер, С. Липсет, Т. Герр и др. рассматривают общественные движения как результат самоорганизации индивидов и их реакцию на неспособность общества удовлетворить насущные потребности его членов. В концепциях Ч. Тилли, Дж. Маккарти, М. Зальд, М. Асим, К. Вильсон, А. Обершел, К. Дженикс и др. подчеркивается увеличение числа различных проявлений социальной активности граждан. В теориях А. Турен, Д. Лаперони, Ж. де Торсак общественные организации и движения понимаются как структуры, благодаря которым гражданское общество выстраивает отношения с другими элементами социума, опираясь в основном на возможности реализации нормативной функции. Одним из идеологов теории гражданского общества по праву является британский философ К. Поппер. Выделив закрытое и открытое общество, он считает, что последнее, ограничивая появление и рост возможных монополий, создает и поддерживает свои собственные институты, по сути, являющиеся институтами гражданского общества.

Проблемы определения и становления гражданского общества активно обсуждаются и в российском общественном сознании. Так, исследователь К.С. Гаджиев отмечает, что «гражданское общество – это система обеспечения жизнедеятельности социальной, социокультурной и духовной

сфер, их воспроизводства и передачи от поколения к поколению, система самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей, будь то индивидуальных или коллективных» [3, с. 30].

К числу наиболее характерных особенностей гражданского общества исследователь М.А. Нагорная относит следующие: «высокое сознание людей; высокая материальная обеспеченность их на основе владения ими собственностью; широкие связи между членами общества; наличие государственной власти, подконтрольной обществу, преодолевшей отчуждение от общества, носители которой – всего лишь наемные работники, обладающие соответствующей компетентностью, мастерством, способностью решать проблемы общества; децентрализация власти; передача части власти органам самоуправления; согласование позиций вместо конфликтов; развитое чувство коллективности (но не стадной), обеспеченное сознанием принадлежности к общей культуре, нации; личность гражданского общества – это человек, ориентированный на созидание, духовность; наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина [10]».

В.С. Нерсисянц подчеркивает то обстоятельство, что «...гражданское общество – это сообщество свободных индивидов. В экономическом плане сказанное означает, что каждый индивид является собственником. Он реально обладает теми средствами, которые необходимы человеку для его нормального существования. Он свободен в выборе форм собственности, определении профессии и вида труда, распоряжении результатами своего труда» [11, с. 52].

Не менее значимой, на наш взгляд, является принципиальная открытость гражданского общества, отмеченная Т.В. Кашаниной и А.В. Кашаниным, согласно которым именно в гражданском обществе «...обеспечиваются свобода слова, включая свободу критики, гласность, доступ к различного рода информации, право свободного въезда и выезда, широкий и постоянный обмен информационными, образовательными технологиями с другими странами, культурное и научное сотрудничество с зарубежными государственными и общественными организациями, содействие деятельности международных и иностранных объединений в соответствии с принципами и нормами международного права. Оно привержено общегуманистическим принципам и открыто для взаимодействия с анало-

гичными образованиями в планетарном масштабе» [5, с. 33].

Отечественные исследователи подчеркивают также, что гражданское общество, будучи сложносоставной, многоэлементной социальной системой, способно создать необходимые условия для реализации потребностей и интересов всех без исключения участников социального процесса. [13, с. 82]. Отдельные индивиды, включаясь в деятельность различных общественных организаций, выстраивая между собой разнообразные отношения, совместными усилиями способны добиться достижения целей прогрессивного развития общества в целом, не обращаясь к политическому ресурсу государства [3, с. 45].

Разделяя указанную точку зрения, В.М. Межуев делает вывод, что гражданское общество охватывает собой публичную сферу жизни человека в обществе, причем в той мере, в какой она «перестает быть монополией властных элит и становится открытой, доступной для всех членов общества. Гражданин – это человек, добровольно взявший на себя функцию политика или хотя бы общественного деятеля, свободно и совместно с другими участвующего в обсуждении и решении всех важнейших общественных дел, живущего не только частным, но и общественным интересом. В отличие от профессионального политика он политик не по должности, на которую избран или назначен, а по сознанию своего гражданского (или общественного) долга» [4, 6].

Российскими учеными была разработана система индикаторов и показателей, выступающих предпосылками развития гражданского общества [9, 90]:

1. Уровень социального доверия. Уровень предрасположенности к общественной солидарности и коллективным действиям;
2. Уровень ответственности;
3. Уровень ощущения личной безопасности;
4. Уровень добровольчества и частной филантропии;
5. Уровень информированности;
6. Уровень участия.

По данным широкомасштабного опроса россиян, проведенного Фондом общественного мнения в 2008 г., основным институтом гражданского общества, являются некоммерческие организации [12, 95].

Этот тезис позволяет утверждать, что во второй половине XX в. и в начале XXI в. в науке об обществе прочно утвердилось понимание гражданского общества как субстанции, не зависящей от государства или противостоящей государству.

Сегодня подобная точка зрения, очевидно, не способна адекватно описать сложившуюся ситуацию. Уровень развития технологий и небывалая доступность знаний позволяет каждому поновому посмотреть на свои возможности, и соответственно, на роль государства в жизни конкретного человека. Современный гражданин уже не должен противопоставлять себя государству и играть роль ребенка, который во всем зависит от государства и постоянно пребывает в роли просящего. Граждане и государство не только должны, но и имеют реальную возможность действовать сообща, на равных.

В своих дальнейших исследованиях мы будем понимать гражданское общество как характеристику системы социальных взаимодействий, а не отдельную сферу жизни общества. На наш взгляд, гражданское общество – это состояние системы социальных отношений, при котором становится возможным гармоничное взаимодействие между субъектами социальной системы (государство, частный и некоммерческий секторы), и при котором эти взаимодействия позволяют каждому из вышеперечисленных субъектов достигать поставленных целей, а каждому отдельному гражданину – реализовывать свой личностный потенциал.

Соответственно, чем выше, то есть чем плотнее и эффективнее эти взаимодействия организованы, тем выше уровень гражданского общества в отдельной стране или регионе. Такой вывод позволяет сделать уже имеющийся уровень развития экономических отношений и технологий, демонстрируемый многочисленными примерами реализации различных общественных проектов в передовых странах, которые уже не ведут к защите кого-то или чего-то, а имеют превентивный характер и направлены на улучшение взаимодействия государства и общества. Одним из ярких примеров, подтверждающих правоту сформулированного выше тезиса, является проект Б. Новек, автора книги «Wiki-правительство: как технологии сделать власть лучше, а граждан влиятельнее», по созданию системы оценки патентов через привлечение масс экспертов. Это Интернет-проект «Peer-to-Patent», благодаря которому в Соединенных Штатах Америки началось крупномасштабное реформирование государственной системы выдачи патентов.

Одной из главных проблем сложившейся на тот момент патентной системы в США было низкое качество выдаваемых патентов и чрезмерно затянутые сроки регистрации. Сроки выдачи патента продолжительностью в два года для таких корпораций как Helwett-Passard или

ИВМ были абсолютно неприемлемыми, ведь эти корпорации играют на высоко конкурентном рынке. Причиной, породившей эту проблему, стала перегруженность патентных экспертов, которые изучали поданные заявки на патенты. Команда Б. Новек при поддержке вышеупомянутых корпораций инициировала процесс создания интернет-ресурса, который объединяет экспертов из разных сфер знаний и технологий. Посредством интернет-рейтинга выдаваемых оценок в системе автоматически формируется группа наиболее влиятельных специалистов в рассматриваемой области. Такой интернет-ресурс позволяет объединить тысячи людей, владеющих неизмеримо большим объемом информации, нежели ограниченный коллектив патентных экспертов. Это позволяет, во-первых, повысить качество рассмотрения заявок, а во-вторых, значительно сократить сроки принятия решения.

Подобный проект стал возможен исключительно благодаря механизму частно-государственного партнерства и наличию необходимых ресурсов Интернета. Ни одна полностью независимая от государства или, более того, противодействующая государству организация не была бы способна существенно повлиять на систему выдачи государственных патентов. А Интернет и особенно такой новый формат объединения людей как социальные сети обеспечил беспрецедентно широкую доступность тысяч экспертов и просто заинтересованных людей к важной для них и общества в целом информации. К тому же, проект «Peer-to-Patent» наглядно демонстрирует те возможности социальных сетей, которые открылись сегодня. Социальные сети – это неисчерпаемый ресурс для государства и общества, позволяющий отдельным людям, организациям и даже государствам объединяться для совместных действий при решении самых насущных проблем.

Уровень развития технологий, уровень доходов населения, а вместе с ним и уровень самооценки граждан неуклонно растут. Граждане сегодня все чаще задумываются не только об удовлетворении своих базовых потребностей, но и о собственной самореализации и общественном признании. Эти потребности могут быть удовлетворены, в частности, через участие обычных людей в процессах государственного управления своей жизнью. Но государство в лице законодательных и исполнительных органов власти все еще не хочет признавать того факта, что население уже созрело для того, чтобы не просто просить что-то у государства, но и пред-

лагать ему свою помощь. И это сообщество хочет, чтобы государство услышало его.

Результаты многочисленных выборов в органы власти различного уровня, состоявшиеся в последнее время в России, еще раз подтверждают, что слой таких людей количественно увеличивается и качественно улучшается, соответственно растет и его влияние на общественно-политическую ситуацию в стране. Государству рано или поздно придется передать часть своих функций тем сообществам людей, которые могут и хотят непосредственно участвовать в процессах государственного управления. Ведь государство – это неотъемлемая часть гражданского общества, а степень участия граждан в процессах госуправления – это тот показатель, по которому можно оценивать уровень развития гражданского общества. Что же касается некоммерческого сектора, то, очевидно, что последний должен действовать в интересах граждан и в тесном взаимодействии с государством. Лишь в этом случае, на наш взгляд, можно добиться синергии и высоких результатов в решении социально-значимых проблем общества.

Литература

1. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1983. – Т.4. – 830 с.
2. Гаджиев К.С. Гражданское общество и правовое государство // Мировая экономика и международные отношения. – 1991. – №9.
3. Гаджиев К.С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. – 1991. – №7.
4. Гражданское общество, правовое государство и право (Круглый стол журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // Вопросы философии. – 2002. – №1.
5. Кашанина Т.В., Кашанин А.В. Основы российского права. – М.: ИНФРА-М – НОРМА, 1997. – 784 с.
6. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. – М.: Спартак, 2000. – 532 с.
7. Лаперони Д. Социология социальных движений // Журнал социологии и социальной антропологии. Спецвып. Современная французская социология. – 1999.
8. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения: в 3 т. – М., 1988. – Т.3.
9. Мерсиянова И. Гражданское общество в региональном измерении: роль факторов и социальных практик // Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры. – М., 2008.
10. Нагорная М.А. Гражданское общество в России. Понятие, признаки, пути становления // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского [Электронные ресурсы]. – URL: <http://www.unn.ru/rus/books/vestnik1.htm>
11. Нерсесянц В.С. Правовое государство: история и современность // Вопросы философии. – 1989. – №2.
12. Туркулец С.Е. Социально-проектный потенциал права. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2010. – 190 с.
13. Теория государства и права / под ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, ТЕИС, 1996. – 485 с.

Бурдуковская Мария Михайловна, аспирант кафедры философии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: Patriot20-10@yandex.ru

Бадмаева Мария Валентиновна, доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: badmaeva_maria@mail.ru

Burdukovskaya Maria Mikhailovna, postgraduate student, department of philosophy, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: Patriot20-10@yandex.ru

Badmaeva Maria Valentinovna, doctor of philosophical sciences, associate professor, head of the department of philosophy, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: badmaeva_maria@mail.ru

УДК 39(571.54)

© Д.А. Мункожаргалов

РОЛЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В статье рассматриваются понятия и роль этнической толерантности в межнациональных отношениях в условиях развития демократического общества. Анализируется термин «толерантность» как уважение различных культур и традиций. Автором доказывается, что цель формирования этнической толерантности – объединение общества, достижение межнационального согласия политическими средствами.

Ключевые слова: этническая толерантность, межнациональные отношения, этнос.

D.A. Munkozhargalov

ROLE OF ETHNIC TOLERANCE IN INTERETHNIC RELATIONS

Some notions and the role of ethnic tolerance in interethnic relations under conditions of the development of democratic society are considered in the article. The term «tolerance» as a respect for different cultures and traditions is analyzed. The author proves that the purpose of formation the ethnic tolerance is consolidation of society, achievement of interethnic concord through political means.

Keywords: ethnic tolerance, interethnic relations, ethnos.

Проявление межэтнических отношений этносов, ориентация на межэтнические контакты в разных сферах взаимодействия связаны с соответствующими стратегиями межэтнического взаимодействия. Согласно теории Дж. Берри и М. Плизента выделяются четыре возможных стратегии межэтнического взаимодействия в зависимости от степени важности сохранения культурной идентичности и участия в межкультурных контактах – это ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция. Оптимальной стратегией адаптации этноса в полиэтническом обществе считается интеграция. Она связана с позитивным отношением к культуре как к собственной, как и этноконтактных групп, что находит свое выражение в формировании позитивных авто- и гетеростереотипов. В качестве интегральных социально-перцептивных показателей, характеризующих разные типы этнокультурной адаптации этнических групп, выступают явления этнической толерантности-интолерантности.

Понятие «этническая толерантность» является относительно новым для отечественной обществоведческой мысли. Выступая важной характеристикой и одновременно, будучи явлением межэтнических отношений в условиях демо-

кратического общества, этническая толерантность не могла стать укорененным феноменом межкультурных взаимодействий в российском обществе. Однако как теоретическое понятие оно появилось в России в начале XX в. Теоретическое определение толерантности сопряжено с возникновением трудностей, так как данное понятие используется в самых разных областях знания: этике, психологии, политике, теологии, философии, культурологии и др. Слово «толерантность» вошло в употребление в русском языке сравнительно недавно. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона (1901 г.) не содержится сведений ни о существительном «толерантность», ни о прилагательном «толерантный». В появившемся позднее малом словаре тех же издателей (1907 г.) дается лишь небольшая статья о толерантности, как о терпимости к иному рода религиозным воззрениям. В советский период это понятие имело предельно узкое применение, связанное с использованием в биологии и медицине.

В поздний советский и постсоветский период это понятие возвращается в социальные и гуманитарные науки. Понятие «толерантность» и «терпимость» синонимичны. Согласно толковому словарю Д.Н. Ушакова, толерантность – про-

изводное от фр. «tolerant» (терпимый). В словаре В.И. Даля слово «терпимость» трактуется как свойство или качество, способность что или кого-либо терпеть «только по милосердию, снисхождению».

Подобным же образом трактует данное понятие и большинство современных словарей. Так, «Современный словарь иностранных слов» определяет понятие «толерантность» как «терпимость, снисходительность к кому-либо, чему-либо», а «Большой энциклопедический словарь» под общей редакцией А.М. Прохорова характеризует «толерантность» как «...терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению» [1]. Расширенное определение толерантности, раскрывающее необходимость и позитивную сущность данного качества, содержится в «Краткой философской энциклопедии»: «Толерантность (от лат. «tolerantio» – терпение) понимается как «отсутствие или ослабление реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию» [2].

Таким «неблагоприятным факторам» в нашем случае является разность взаимодействующих этнических культур, а «снижение чувствительности к воздействию этого фактора» достигается путем овладения навыками иной культуры.

Более полным нам представляется определение терпимости, данное в «Словаре по этике» под редакцией А.А. Гусейнова и И.С. Кона: «Терпимость – моральное качество, характеризующее отношение к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам и поведению других людей. Выражается в стремлении достичь взаимного понимания и согласования разнородных интересов и точек зрения без применения давления, преимущественно методами разъяснения и убеждения» [3]. Данное определение не ограничивает, в отличие от предыдущего, применения толерантности только к представителям иных наций, народностей и религий и отмечает моральную основу данного качества личности.

Для определения более адекватного понятия толерантности рассмотрим данное качество в историческом и философском аспектах. Идея толерантности возникла еще в глубокой античности, как решение проблемы отношения к религиозным меньшинствам; постепенно вырабатывались принципы гуманных взаимоотношений с инаковерующими и инакомыслящими, включающими в себя такие компоненты, как терпимость, лояльность, уважение к вере и взглядам других людей, народов. Значительный вклад в разработку правового оформления и за-

конодательного введения принципа свободы совести и веротерпимости внесли гуманисты эпохи Возрождения и Реформации, деятели Просвещения (Дж. Локк «Письма о веротерпимости», Вольтер «Трактат о веротерпимости»). Заслуга превращения проблемы толерантности в предмет специальных размышлений принадлежит Вольтеру. В своем «Трактате о веротерпимости» он подверг критике не конкретно существующие религии, а предрассудки и нетерпимость, которые являются их порождениями. Важнейшим результатом деятельности философов, и, прежде всего Вольтера, явилось признание толерантности как всеобщей ценности и основополагающего компонента мира и согласия между религиями, народами и другими социальными группами. Разработанные ими идеи легли в основу Всеобщей декларации прав человека (1948 г.). В ней изложены главные принципы мира, ненасилия и демократии. Эти принципы рассматриваются в качестве требований или прав, которые может предъявлять обществу каждый человек. В декларации отмечается, что насилие и войны могут быть как следствием подавления демократии, так и результатом нетерпимости.

Благодаря усилиям ЮНЕСКО в последние десятилетия понятие «толерантность» стало международным термином, важнейшим ключевым словом в проблематике мира. Оно наполнено своим особым смыслом, основанным на общей изначальной сути данного понятия в любом языке Земли. Эта суть отражает интуитивное восприятие единства человечества и состоит в уважении прав другого. В современном обществе толерантность должна стать сознательно формируемой моделью взаимоотношений людей, народов и стран. Поэтому особенно важным представляется формирование именно такого понимания толерантности, стремление к тому, чтобы оно стало привычным в обыденном языке. Это может произойти в скором будущем, если понятие «толерантность» прочно войдет в лексикон подрастающего поколения, благодаря усилиям работающих с ним специалистов.

В философской литературе в понятии «толерантность» выделяют множество типов. Л.В. Скворцов проводит зависимость между доминирующим в государстве в определенный исторический момент общественным сознанием и сложившимся типом толерантности [4]. В.А. Лекторский рассматривает четыре возможные модели толерантности, которым соответствуют некоторые реально существовавшие общественные системы: толерантность как снисхождение; толерантность как безразличие; толе-

рантность как невозможность взаимопонимания; толерантность как расширение собственного опыта и диалога [5].

По мнению Р.Р. Валитовой, толерантность предполагает заинтересованное отношение к другому, желание прочувствовать его мироощущение, которое побуждает к работе разум уже потому, что оно – иное, чем-то похожее на собственное восприятие действительности [6]. И с ней соглашается О. Хеффе, который отмечает, что толерантность также предполагает взаимное уважение различных культур и традиций, признание самоценности других культур.

Профессор В.В. Савельев этническую толерантность рассматривает как высокую степень самосознания, которая не приобретается от рождения и не формируется стихийно автоматически, а порождается в результате контакта национальных языков и культур, преодоления конфликтов, через культурное взаимодействие, культурный компромисс и плюрализм. Каждый народ способен создавать и должен иметь возможность сохранять свой мир культуры.

Исходя из вышесказанного, определим нашу позицию в трактовке этого понятия. Этническая толерантность – это моральное качество личности, характеризующее терпимое отношение к людям, представляющим другие национальные, культурные группы и сообщества. Она проявляется, прежде всего, через человеческие отношения в различных сферах общественной жизни – трудовая активность, быт, свободное время и т.п. Этническую толерантность как тип социально-экономического поведения и формы общения этносов можно представить в развернутом структурном виде, выделяя ее основные параметры:

– во-первых, этническая толерантность подразумевает наличие общих мировоззренческих и мотивационных оснований для взаимодействующих этносов;

– во-вторых, необходимо достижение подлинного взаимопонимания, которое заключается не только в понимании другого этнического субъекта, но и в построении равных партнерских отношений. Взаимопонимание носит обоюдный характер, а степень межэтнической толерантности в таком случае находится в прямой зависимости от степени взаимопонимания общающихся субъектов;

– в-третьих, предполагается создание условий и возможностей для совпадения интересов взаимодействующих этнических субъектов;

– в-четвертых, осуществляется поиск возможностей для совпадения интересов взаимодействующих субъектов.

Отмеченные признаки – своего рода параметры измерения межнационального согласия. Наличие различных форм толерантности – это та проблема, адекватное решение которой создает предпосылки установления позитивных межэтнических отношений, которые обеспечивают возможность полноценной социализации в условиях благоприятного микроклимата поликультурной среды.

В связи с объективными обстоятельствами, о которых говорилось выше, в обществе формируется глубокий научно-практический интерес к феномену толерантности как одной из самых актуальных идей современности, к процессу ее объективизации и материализации как важной разновидности социальной практики и, наконец, как к определенной разновидности духовных ценностей, приобретающей общечеловеческое и общекультурное значение.

Толерантность как тип индивидуального и общественного отношения к социальным и культурным различиям, как терпимость к чужим мнениям, верованиям и формам поведения можно рассматривать в качестве одного из фундаментальных признаков цивилизованности, уровня политической культуры. Этот тип толерантности может включать в себя многое из других типов. Цель формирования этнической толерантности – объединение общества, достижение межнационального примирения политическими средствами, снятие негативных явлений и тенденций в сфере межнациональных отношений посредством восприятия «чужих» культур, обычаев, своеобразия как достойных, ценностных явлений. Толерантность в конечном итоге способствует сохранению и развитию этнического многообразия и, вместе с тем, политике компромисса, согласия, единства.

Тем не менее, несмотря на видимость общего согласия в необходимости культивирования толерантности, в современном мире идут глубинные процессы, подрывающие как внутринациональные межэтнические взаимодействия, так и международное сотрудничество. Исследователи разных стран стремятся определить, в чем состоит причина усиления нетерпимости, и есть ли путь преодоления или смягчения межэтнических, межнациональных и межцивилизационных противоречий. Пока окончательных ответов на эти вопросы не сформулировано. Однако без понимания того, как формируются конструктивное взаимодействие разных народов внутри страны и в практике международных отношений, трудно рассчитывать на выработку адекватного стратегического мышления, позволяющего определять ориентиры долгосрочной

государственной политики в этих сферах деятельности.

В связи с этим особое значение приобретает познание психологических механизмов отражения этнокультурного взаимодействия в групповом сознании и роль социально-перспективных образов как регуляторов внутригрупповой активности этнических групп. Отсюда вытекает необходимость изучения социально-психологических закономерностей взаимоотношений этнических групп как единых и целостных субъектов межгруппового (межэтнического) взаимодействия и взаимовосприятия. Важно понимать социально-психологическую природу межгрупповых (межэтнических) процессов, идущих в поликультурном обществе, способствующих или препятствующих толерантному межэтническому взаимодействию.

Исходя из приведенных определений этнической толерантности, можно сделать вывод о необходимости формирования этнокультурной толерантности народов Республики Бурятия как морального качества личности в интересах эффективного осуществления межэтнического диалога. Формирование толерантности как основы межэтнического взаимодействия является актуальнейшей задачей многонационального региона. Толерантные отношения являются неотъемлемой стороной процесса обогащения духовности, становятся существенным элементом политического и культурного пространства

общества. Очевидно, что политика, основанная на этой идее, перспективна для создания стабильности в республиках, идущих по пути поступательного развития, т.к. только в атмосфере терпимости, взаимопонимания и взаимопомощи рыночные отношения получают положительный импульс и смогут эффективно функционировать.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь: в 2 т. / под ред. А.М. Прохорова. – М.: Знание, 1989. – Т.2. – С.175.
2. Валитова Р.Р. Толерантность: порок или добродетель // Вестник Московского университета. Сер. Философия. – 1996. – №1. – С.33–34.
3. Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. – 1997. – №11. – С.46.
4. Скворцов Л.В. Толерантность: иллюзии или средство спасения // Октябрь. – М., 1997. – С.140–143.
5. Словарь по этике / под ред. А.А. Гусейнова, И.С. Кона. – М.: Политиздат, 1989. – С.351.
6. Современный словарь иностранных слов. – СПб.: Дуэт, 1994. – С.565.

Мункожаргалов Даши Андреевич, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры экономики, права и государственного управления Бурятского республиканского института образовательной политики, г. Улан-Удэ, e-mail: dashimunk@gmail.com
Munkozhargalov Dashi Andreevich, candidate of political sciences, senior lecturer, department of economics, law and public administration, Buryat Republican Institute of Educational Policy, Ulan-Ude, e-mail: dashimunk@gmail.com

УДК 320:316.334.3+070

© Ж.П. Гунзынов

ТЕОРИЯ ПОЛЕЙ П. БУРДЬЕ И МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

В статье приводится анализ взаимодействия органов государственной власти Республики Бурятия с учрежденными ими печатными средствами массовой информации. Автор выявляет модель такого взаимодействия на основе концепции социальных полей французского ученого П. Бурдьё, а также исследований американских ученых Х. Гиебера и Т. Джонсона. Приводится методика взаимодействия государственных печатных СМИ с учредителями, полученная на основании наблюдений и анализа нормативно-правовых актов.

Ключевые слова: средства массовой информации, социальные поля, политический институт.

Zh.P. Gunzynov

P. BOURDIEU FIELD THEORY AND A MODEL OF INTERACTION BETWEEN GOVERNMENT AND STATE-OWNED PRINT MEDIA IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

This article analyzes the interaction between the government of the Republic of Buryatia and print media established by them. The author reveals a model of such interaction based on the concept of social fields of the French scientist P. Bourdieu, as well as on the research by American scientists H. Gieber and T. Johnson. The technique of interaction between state print media and their founders is submitted, it is obtained on the basis of observation and analysis of regulatory-legal acts.

Keywords: media, social field, political institution.

Средства массовой информации на сегодня являются одним из самых важных политических акторов. Главная их функция в политическом процессе – коммуникативная, т.е. СМИ выступают своего рода проводниками информационного обмена между властью и обществом. С одной стороны, средства массовой информации позволяют обычным гражданам узнавать и обсуждать важные события, в том числе и из политической жизни. С другой стороны, они становятся средством выражения политических идей власти, своего рода площадкой для выступления. Ресурсы СМИ весьма обширны, многие исследования говорят в защиту того факта, что масс-медиа способны формировать положительный или отрицательный образ политиков, отношение к политическим курсам и программам, непосредственно влиять на предпочтения электората во время предвыборных кампаний и т.д. Таким образом, на всех уровнях, в том числе на региональном, средства массовой информации активно взаимодействуют с властью, и от того, как складываются их отношения, во многом зависят настроения в обществе.

В рамках изучения модели взаимодействия политики и средств массовой информации, особого внимания заслуживают работы французского исследователя П. Бурдьё о так называемых «полях». Согласно его идеям такое поле представляет собой автономное социальное пространство, которое конституируется специфической силой или силами [1]. Такие силы Бурдьё называет «капиталом» и их распределение и соотношение формируют конкретное поле.

Среди прочих Бурдьё выделял поле журналистики и поле политики. В поле журналистики находятся сами журналисты, редактора, интервьюируемые политики и общественные деятели и т.д. В поле политики главными действующими лицами являются политики и политические партии, находящиеся у власти, а также оппозиция. Взаимодействие двух представленных полей происходит постоянно, и оно может приобретать различные формы, ключевым же моментом здесь становится степень автономности СМИ [2]. По мнению французского исследователя, поле журналистики, несмотря на законодательное закрепление свободы слова и свободы прессы, очень гетерономно, то есть зависимо от внешнего давления. И прежде всего, он говорит о зависимости экономической и выделяет следующие факторы:

- доля доходов от рекламодателей;
- доля государственных субсидий;
- степень концентрации рекламодателей [2, с. 15].

Указанные выше критерии Бурдьё относил к внешним факторам, оказывающим давление на все поле журналистики. Однако поле в социологическом понимании – это некая совокупность, прежде всего, лиц, чья деятельность связана друг с другом и подчиняется одним и тем же негласным законам. Причем, обязательно помимо их воли. В этом и есть проявление той самой силы или «капитала», которые и притягивают участников поля и служат для него, своего рода, строительным материалом.

Безусловно, главными действующими лицами поля журналистики будут журналисты. Каждый из них также обладает разной степенью автономии, которая определяется следующими факторами:

- степени концентрации СМИ;
- предрасположенностью газеты к «коммерческому» или к интеллектуальному направлению;
- положением журналиста в редакции (статусные гарантии, уровень заработной платы).

Очевидно, что на журналиста оказывают влияние, в первую очередь, субъективные причины, такие, как его личное мнение или же стимулы к работе. Такими стимулами могут стать как творческое удовлетворение от опубликованного эксклюзивного материала или желание получить материальную выгоду, так и боязнь дисциплинарных взысканий за отклонение от общего курса и точки зрения редакции или же учредителей.

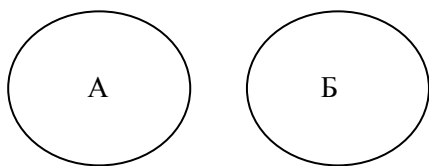
Последнее особенно явно проявляется, если речь заходит о государственных средствах массовой информации, в том числе и на региональном уровне. В Республике Бурятия государственные печатные СМИ представлены газетами «Бурятия» и «Буряад унэн», учредителями которых являются Глава Республики Бурятия, Народный Хурал Республики Бурятия и Правительство Республики Бурятия. В их социальных полях можно выделить те же самые его составляющие, что и у большинства других редакций – это коллектив журналистов и главный редактор. Силой, формирующей это поле, нам представляются властные полномочия учредителей газет, а также присутствие государственного капитала, выражающегося в функционировании редакции с использованием республиканского имущества и ежегодных бюджетных субсидий. Таким образом, на практике можно выделить «поле республиканских печатных СМИ в Республике Бурятия». Властные полномочия учредителей газет выражаются в том, что именно они назначают руководителя редакций – главного редактора и формируют государственное задание [3], на ос-

нове которого и строится вся деятельность редакции.

В своей работе редакции государственных региональных СМИ Республики Бурятия полностью подчиняются учредителям. Об этом говорит, в частности, методика построения работы по выпуску каждого номера газет «Бурятия» и «Буряад унэн». Проведенные наблюдения показывают, что перед каждым мероприятием, в котором задействованы либо сами учредители, либо подведомственные им органы государственной власти и учреждения, в редакции газет поступают приглашения осветить данные мероприятия. Обязательность такого освещения подкрепляется государственным заданием, которое определяет круг вопросов, на решение которых ежегодно выделяется бюджетная субсидия. Среди них на первом месте стоит как раз официальная информация о деятельности республиканских органов власти. Статьи, направленные на выполнение данного государственного задания, по своему смысловому содержанию, в целом, отличаются в большинстве положительной характеристикой работы государственных органов либо носят нейтральный, сугубо информационный характер. Критику работы учредителей в газетах «Бурятия» и «Буряад унэн» встретить довольно сложно.

В свете приведенных наблюдений, нельзя не привести модели взаимодействия власти и СМИ, выявленные американскими учеными Х. Гиебером и У. Джонсоном. Область их исследований касалась американских средств массовой информации местного уровня. По нашему мнению, она может быть применима и в аспекте взаимодействия СМИ и политики на региональном уровне в Российской Федерации, в частности в Республике Бурятия. К тому же, в их основе лежит теория полей Бурдье.

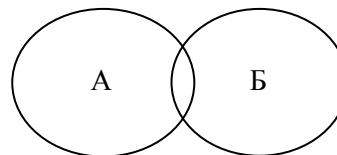
Итак, американскими учеными были выделены три модели взаимоотношений между коммуникаторами (СМИ) и источниками информации (центрами политического влияния) [4]. Первый тип взаимодействия они представляли в виде двух отделенных друг от друга областей:

Пресса полностью независима, отношения характеризуются распределением социальных ролей, социальной дистанцией. На практике подобная модель возможна, по мнению авторов,

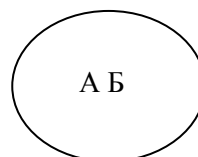
при значительном дистанционном удалении источника информации и журналистами, а также при их нечастых контактах.

Второй тип представляет собой частичное пересечение областей источника информации и коммуникатора.

Происходит сотрудничество между источником информации и СМИ, в рамках которого они начинают разделять ценности друг друга. На практике это выражается в необходимости редакции дать важную новость в газете, а представители власти удовлетворяют данную потребность, сообщая нужную информацию. При этом в остальных случаях они сохраняют независимость друг от друга и свои социальные роли.

Третий тип – полное поглощение коммуникатора источником информации:

Стороны полностью разделяют ценности и точки зрения друг друга. Источник информации контролирует корреспондента, разделения социальных ролей практически отсутствует.

Если перенести указанные модели на реалии сотрудничества государственных печатных СМИ в Республике Бурятия со своими учредителями – высшими органами власти в субъекте (глава, представительный орган и правительство), то становится очевидным, что наиболее подходящим является 3 тип. Тому объяснением являются три причины, указанные выше.

1. Экономическая зависимость – редакции осуществляют свою деятельность преимущественно за счет средств бюджетных субсидий.

2. Творческая зависимость – характер и содержание публикаций в каждом номере определяются исходя из государственного задания. То есть на главных ролях находится официальная информация, и только после нее возможны иные публикации.

3. Политическая зависимость – главные редактора назначаются учредителями. Процедура назначения задействует все три органа власти: Правительство предлагает кандидатуру, Народный Хурал дает свое согласие, Правительство,

опять же, в лице Главы – Председателя Правительства – назначает на пост главного редактора.

Иными словами, поле журналистики, в случае с газетами «Бурятия» и «Буряад унэн» плотно переплетено с полем политики, в лице трех учредителей – высших органов государственной власти в регионе. И внутри поля журналистики будут действовать те же силы, что и в поле политики, такие, как принятый политический курс, личные амбиции политиков, доминирование отдельных политических сил и т.д. В этом аспекте нельзя не упомянуть об еще одной категории, о которой говорит Бурдые в связке с понятием «поле». Речь идет о символическом насилии. Насилие в символической форме рассматривается как совокупность неявных способов навязывания смыслов и значений, служащих легитимации и воспроизводству различных форм социального господства [5]. В рассматриваемом случае учредители, если опираться на концепцию Бурдые, занимают позицию социального господ-

ства. А цель их символического насилия – конечная аудитория печатных СМИ.

Литература

1. История теоретической социологии: в 4 т. / под ред. Ю.Н. Давыдова. – СПб.: РХГИ, 2000. – Т.4. – 736 с.
2. Бурдые П. О телевидении и журналистике. – М.: Фонд научных исследований, 2002. – С.115.
3. ФЗ «Об автономных учреждениях» №174 от 03.11.2006.
4. Gieber W., Johnson W. (1961). The City Hall beat: a study of reporter and source roles, *Journalism Quarterly*, 38. – С.289–297.
5. Здравомыслов А.Г. Поле социологии в современном мире. – М.: Логос, 2010. – С.104.

Гунзынов Жаргал Паламович, аспирант кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: gzzrl@rambler.ru

Gunzynov Zhargal Palamovich, postgraduate student, department of political sciences and sociology, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: gzzrl@rambler.ru

УДК 070:323 (571.54)

© Ж.П. Гунзынов

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПЕЧАТНЫЕ СМИ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТИПА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

В данной статье рассматривается вопрос об отнесении государственных региональных печатных СМИ к одному из типов массмедиа – авторитарным или либертарианским. Автор рассматривает данный вопрос в политико-правовом аспекте на примере Республики Бурятия. Анализируется нормативно-правовая база регулирования СМИ, приводятся результаты наблюдения за взаимодействием между государственными региональными средствами массовой информации и органами государственной власти. Выявлены формальные и неформальные признаки института государственных СМИ, позволяющие отнести их к конкретной модели.

Ключевые слова: пресса, региональные средства массовой информации, политический институт, теории СМИ, региональные органы государственной власти.

Zh.P. Gunzynov

STATE REGIONAL PRINT MEDIA: THE ISSUES OF TYPE DETERMINATION (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA)

This article discusses the issue of determination of state regional print media as one of the types of media – authoritarian or libertarian. The author considers this issue in the political and legal aspects on the example of the Republic of Buryatia. The analysis of the legal basis of media regulation, the results of observation for interaction between state regional media and public authorities are provided. The formal and informal signs of state media institution have been identified, it allows to attribute them to a specific model.

Keywords: media, regional media, political institution, media theory, regional public authorities.

В теории политики выработалась концепция разделения всех средств массовой информации на два диаметрально противоположных типа: либертарианские и авторитарные. Впоследствии данная концепция была дополнена двумя дополнительными типами: советские коммунистические и социальной ответственности. Данная типологизация масс-медиа получила свою из-

вестность благодаря труду «Четыре теории прессы» Т. Питерса, У. Шрамма, Ф. Сиберта. Ключевым моментом для отнесения конкретного средства массовой информации к тому или иному типу является ответ на вопрос – кто перед кем несет ответственность [1].

Согласно либертарианской модели, СМИ формально независимы и обладают свободой.

Они могут создаваться как государством, так и частными организациями и физическими лицами. Однако, как отмечают авторы концепции, свобода эта, по большому счету, номинальна. Причины кроются в финансовой стороне вопроса, а именно в зависимости редакций от различных источников финансирования. Очевидно, что, как и любые другие организации, редакции СМИ нуждаются в определенных финансовых ресурсах для осуществления своей деятельности. Ведь издание любого средства массовой информации, будь то телевизионный канал или радио, печатная пресса или Интернет-сайт, требует очень больших финансовых затрат. Поэтому велика вероятность, что частные масс-медиа окажутся под влиянием крупных корпораций, которые будут финансировать их деятельность, а вместе с тем и контролировать ее. Ведь главный мотив поведения любого СМИ, а именно прямую ответственность перед кем-либо, ничто не отменяет. И субъект такой ответственности, априори, прямо связан с источником финансирования.

При авторитарной модели все гораздо очевидней. Свобода СМИ здесь еще более условна, так как они находятся под непосредственным влиянием и контролем государственных структур. Государство выступает в роли учредителя и в роли главного «спонсора». Поэтому очевидно, что и «правила игры» диктует именно государство. СМИ в таких случаях становятся более похожими на инструмент государственной пропаганды. Трудно представить, что, например, на страницах государственной прессы можно будет встретить негативную критику действий государственных органов, тогда как позитивное или просто нейтральное освещение различных событий будет иметь гораздо большее преимущество в статьях таких газет и журналов.

Своего рода ответвлением от авторитарной модели служит советская коммунистическая модель. Оба типа СМИ во многом схожи. Но здесь можно выделить существенное отличие: средства массовой информации не подконтрольны государственным органам, они сами, фактически, являются государственным органом власти. Как отмечают многие авторы, начало становлению советской модели положило изречение В.И. Ленина о том, что «печатные издания должны стать печатными органами партийных комитетов и проводить партийную политику» [2], а также о том, что «газеты должны стать не только коллективным пропагандистом и коллективным агитатором, но и коллективным организатором» [3].

Теория социальной ответственности рассматривает СМИ как более развитое воплощение либертарианской концепции, когда журналисты и редакторы сознательно отказываются от каких-либо навязчивых оценок и точек зрения, передавая информацию в чистом виде. Данная концепция зародилась в начале XX в. как ответ на массовое злоупотребление редакторами и журналистами свободой прессы. В погоне за прибылью или благосклонностью своих покровителей, представители масс-медиа могли исказить данные, подать новости в том виде, который был более выгоден им. Впоследствии, данная модель стала неким идеалом, к которому общественность призывала стремиться все масс-медиа [4].

Какая из указанных моделей является наиболее подходящей, когда речь заходит о государственных региональных СМИ? Первая мысль – авторитарная модель. К этому нас подталкивает присутствие государства как учредителя и как главного источника финансирования. Можно сделать вывод и о том, что в таких условиях государство будет иметь возможности для осуществления контрольных функций, поскольку именно оно определяет, во многом, кадровую политику редакций государственных СМИ. Например, согласно ФЗ «Об автономных учреждениях» директора автономного учреждения назначает на должность и освобождает от нее учредитель [5]. В случае с Издательским домом «Буряад унэн», который как раз является таковым, директор-главный редактор республиканских газет «Бурятия» и «Буряад унэн» назначается указом Главы региона по согласованию с представительным органом республики – Народным Хуралом Республики Бурятия [6].

Однако, наряду с признаками авторитарного управления, в государственных региональных СМИ просматриваются и сугубо либеральные элементы. Это, прежде всего, свобода в осуществлении коммерческой деятельности. Об этом говорит ст. 4 ФЗ «Об автономных учреждениях», согласно которой «Автономное учреждение вправе осуществлять иные виды деятельности лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых оно создано, и соответствующую этим целям, при условии, что такая деятельность указана в его учредительных документах (уставе)».

Тезис об экономической свободе государственных региональных СМИ, если рассматривать его на примере Республики Бурятия, подтверждается и формой организации финансирования редакций газет «Бурятия» и «Буряад унэн». Бюджетная субсидия, выделяемая еже-

годно Издательскому дому «Буряад унэн» расходуется только по строго регламентированным статьям расходов. Сюда относятся расходы на полиграфические услуги типографии, расходы на приобретение газетной бумаги, освещение официальных мероприятий, а также покрытие текущих расходов деятельности редакций, таких как расходы на коммунальные услуги, оплату налогов и т.д. В остальном деятельность Издательского дома «Буряад унэн» осуществляется за счет собственных доходов. В частности, редакции государственных газет имеют полное право заниматься размещением рекламы, платных информационных материалов, а также розничной продажей экземпляров газет.

Государственное автономное учреждение Республики Бурятия Издательский дом «Буряад унэн», в свою очередь, может выступать учредителем иных средств массовой информации. На данный момент, оно значится как учредитель, а также осуществляет выпуск следующих печатных СМИ: газета «Спорт-Тамир», журналы «Байкал» и «Байгал». Все это говорит о том, что наряду с ярко выраженной подконтрольностью государственным органам, государственные региональные печатные средства массовой информации Республики Бурятия сохраняют очевидную свободу в осуществлении экономической деятельности и свободно распоряжаются полученными от такой приносящей доход деятельности средствами. А это уже ярко выраженные признаки либертарианской модели деятельности СМИ. И мы вновь возвращаемся к первоочередному вопросу о том, к какой именно модели стоит отнести государственные региональные печатные СМИ?

Если рассматривать масс-медиа как политический институт, то можно говорить о наличии определенных норм и правил, согласно которым СМИ осуществляют свою деятельность и определяют свое профессиональное поведение. В случае с газетами «Бурятия» и «Буряад унэн», можно говорить о том, что в значительной степени подобные правила и нормы задаются политическими элитами. В рамках данного вопроса, по нашему мнению, можно рассматривать политические элиты республики в двух аспектах: 1) как учредителя и одновременно надзорного

органа за государственной прессой; 2) как основной источник новостей.

Оба данных аспекта говорят нам, что в деятельности газет «Бурятия» и «Буряад унэн» преимущественно будет применяться авторитарная модель. Об этом нам говорят и делегированные данным СМИ государственные функции по опубликованию официальной информации. Но наличие значительной свободы в осуществлении экономической деятельности, и, конечно же, конституционное закрепление свободы средств массовой информации и запрет цензуры, говорят о том, что в данном случае нельзя говорить о традиционном понимании авторитарной модели. Можно прийти к выводу, что такая модель на практике, имеет черты обеих моделей СМИ, с преимущественным присутствием авторитарного типа. Также важно отметить, что государственные СМИ в условиях демократических свобод, формируют совершенно новую модель масс-медиа, которая требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Питерсон Т., Сиберт Ф., Шрамм У. Четыре теории прессы. – М.: Изд-во Нац. ин-та прессы, 1997 – С.223.
2. Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература // Полное собрание сочинений. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960. – Т.12. – С.518.
3. Ленин В.И. С чего начать? // Полное собрание сочинений. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960 – Т.5. – С.597.
4. Четвертков Н.В. Социально-правовые теории прессы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – №3. – С.43.
5. ФЗ «Об автономных учреждениях» №174 от 03.11.2006 // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=156947>
6. Указ главы Республики Бурятия «О В.В. Хартаеве» №250 от 03.12.2013 г. // Официальный портал органов государственной власти Республики Бурятия [Электронный ресурс]. – URL: http://egov-buryatia.ru/uploads/tx_npa/250_04.doc

Гунзынов Жаргал Паламович, аспирант кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: gzzrl@rambler.ru

Gunzynov Zhargal Palamovich, postgraduate student, department of political sciences and sociology, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: gzzrl@rambler.ru

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 316.722

© И.И. Осинский

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматриваются проблемы развития культуры в современном российском обществе. Раскрывается влияние на нее процессов глобализации, выявляются особенности изменений в сфере культуры, подвергаются анализу вопросы коммерциализации, соотношения высокой и массовой технологической и духовной культур, освещаются проблемы мировоззренческой составляющей культуры.

Ключевые слова: культура, глобализация, массовая культура, высокая культура, коммерциализация.

I.I. Osinsky

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN CULTURE IN MODERN CONDITIONS

The article considers the problems of the development of culture in the modern Russian society. The influence of globalization processes on it is revealed, the features of changes in the field of culture are identified, the commercialization, the ratio of high and mass technological and spiritual cultures are analyzed, the problems in the ideological component of culture are highlighted.

Keywords: culture, globalization, popular culture, high culture, commercialization.

Понятие культура – один из наиболее часто употребляемых терминов как в научной литературе, публицистике, так и в повседневной жизни. Сегодня существует более 600 трактовок этого понятия. Наиболее часто оно употребляется в следующих трех основных значениях: а) в самом широком – как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человеком и сам процесс их создания и использования; б) менее широком – как совокупность произведенных человеком духовных богатств и ценностей; в) в узком понимании – только как художественная культура, как образная художественная объективация.

В данной статье понятие «культура» будет употребляться во втором значении как совокупность духовных ценностей. Духовные ценности характеризуются большим многообразием форм проявления и представляют в своей совокупности определенную целостность. Основными компонентами духовной культуры выступают: мораль, наука, философия, идеология, религия, литература, искусство; процесс производства духовных ценностей – создание научных и художественных произведений; процесс распространения духовных ценностей и воспитание людей; знаковая область – совокупность знаков, символов, естественных и искусственных языков, посредством которых ценности культуры создаются, распространяются и обретают информационную форму, необходимую для их по-

нимание; совокупность общественных институтов и учреждений, осуществляющих организацию культурного творчества, создание и распространение духовных ценностей: отношения людей (идеологические, нравственно-этические и другие), связанные с созданием духовных ценностей и их распространением.

Духовная культура, обладая необходимыми чертами традиционализма, устойчивости, она в то же время – подвижна, динамична. Особенно эти ее свойства проявляются в условиях кардинальных общественных сдвигов. Так, в условиях растущей глобализации динамика в социокультурной сфере выражается, прежде всего, в различных формах взаимодействия культур, их развитие XX и начала XXI в. было периодом преодоления замкнутости локальных культур, образования системы культуры. Культуры отдельных стран и регионов в процессе своего развития скрепляются множеством разнообразных контактов, взаимопроникают друг в друга. Это естественный процесс. Очевидно, что никакая национальная культура не может считаться самодостаточной. «Любая культура нуждается в «выходе из себя», ибо может развивать свой потенциал, лишь обращаясь к опыту других культур и усваивая его» (А. Кармин). Данные процессы открывают путь к синтезу культур, что в итоге, по мнению специалистов, приведет к образованию единой общечеловеческой культуры. Важным ускорителем этого процесса является

вхождение национальных культур в мировое информационное пространство. Современные технологии, прежде всего сеть Интернет, значительно расширяют возможности культурного обмена, позволяют «институционализировать» многообразие культурного выбора.

Наряду с взаимодействием культур в современных условиях все активнее проявляет себя другая, противоположная, тенденция – размывание, нивелировка, поглощение национальных культур. Происходит распространение и пропаганда западных ценностей: рациональности, индивидуализма, равенства, эффективности, полезности, личной выгоды и т.д. В процессе глобализации, которая в ситуации однополярного мира все больше выступает как американизация, тенденции вестернизации многих культур приобретают американские черты, которые становятся доминирующими. Американская культура, ее ценности, образ жизни, позиционируются как модельные, как будущее всего человечества. Унификация, нивелировка культур вызывают в мире противодействие. Формы этого противодействия различны. Это антиглобализм, антиамериканизм, национализм, патриотизм и др. Одной из важных институциональных форм сохранения культурного многообразия является создание мощных региональных объединений государств, населенных преимущественно родственными народами в цивилизационном и социокультурном отношении, то есть народами, принадлежащими, как правило, к той или иной локальной цивилизации. Примерами региональной интеграции выступают страны Западной Европы, ряд государств Юго-Восточной Азии, а также Латинской Америки. Сегодня активно обсуждается евразийский проект такой интеграции. Суть его состоит в развитии сотрудничества, интеграции стран, народов евразийского континента в различных сферах общественной жизни: экономике, культуре, науке, в социальной и военной областях. В рамках евразийского объединения национальные культуры, их различные элементы получают важные импульсы движения по пути прогресса. Будущее культурной жизни российского общества связано с признанием и реализацией права любой этнической культуры на самостоятельное существование и развитие. Признание права культуры на неповторимость, самобытность, существование и дальнейшее развитие должно стать нормой межкультурного взаимодействия.

В условиях глобализации произошли кардинальные сдвиги в структуре и функциях культуры. Это выразилось прежде всего в вытеснении элитарной (высокой) культуры массовой (низ-

вой). Резко нарушились пропорции между этими типами культуры. Высокая культура – сложна, серьезна, изыскана, имеет новаторский характер, оказывает огромное воздействие на интеллектуальный, духовно-нравственный, эстетический мир человека. Она делает человека лучше, чище, благороднее, возвышает его. У Г. Успенского есть рассказ «Выпрямила», в котором говорится, как очистила, выпрямила душу героя рассказа Венера Милосская. А разве не испытывают подобные чувства посетители стоящие там же, в Лувре, перед «Джокондой», в Дрезденской картинной галерее – перед «Мадонной с младенцем» Рафаэля и т.д.

Конечно, было бы неправильным отрицать или недооценивать роль массовой культуры, возникновению которой способствовало расширение контактов, развитие средств массовой коммуникации, особенно телевидения, Интернета. Они привели к демократизации культуры, открыли к ней доступ широкой аудитории. Массовая культура стала господствующей в структуре культуры с доминированием одного из ее вариантов – поп-культуры. При этом она получает распространение даже в странах, где существуют государственные ограничения. «Американизация современного китайского общества, – читаем в материалах Н.В. Тереховой IV Российского философского конгресса, – является непредвиденным результатом модернизации его культурного пространства. <...> Это неожиданное слияние мы можем наблюдать сегодня в ландшафте китайских городов, в образе поведения молодых китайцев, в их одежде, досуге, в китайском бизнесе, образовании, в языке, в усложнении системы и внутренней структуры ценностей современного китайского общества». Здесь же автор уточняет, что «современное китайское культурное пространство скорее не американизирует себя, в из диалоге с американской цивилизацией произошел факт негласного одобрения и согласия на взаимопроникновение (несмотря на вводимые государством КНР «искусственные» ограничения)» [1].

В то же время, как отмечает В.В. Миронов, доминирование ценностей массовой культуры (низовой, хотя вовсе не обязательно плохой по качеству) стало объективно разрушать ценности высокой культуры. Одним из заметных проявлений этого процесса становится разрушение диалектики «прикровенности и откровенности». В рамках современной культуры оппозиция прикровенности и откровенности исчезает, и то, что раньше считалось необходимым скрывать от глаз «посторонних» становится открытым [2, с. 39]. Сегодня на театральной сцене и в кино

можно увидеть и услышать все то, что раньше не только было не принято говорить и показывать, но и самой мысли нести подобное на сцену или экран не допускалось.

«Диспропорция, сложившаяся в культуре, не безобидна, – пишет далее В.В. Миронов, – особенно если она принимает затянувшийся характер и люди, родившиеся после ее возникновения, уже не знают иной культуры. Она проявляет агрессивность по отношению к иным формам проявления культуры. Устойчивый и длительный характер такой альтернативности приводит к вырыванию из культуры ее основ в виде системы общечеловеческих ценностей и интересов. Причем эта ситуация не исключает возможности формально стоять и на позициях высокой культуры, замыкая ее в элитарных образцах, а значит уменьшая возможности ее восприятия большим числом людей» [2, с. 40].

В целях уменьшения данного разрыва автор вполне резонно предлагает стимулировать внутрикультурный диалог между высшей и низшей культурой, что даст импульс развития культуры в целом и преодоления тех образцов массовой культуры, которые выступают как антигуманные по своему внутреннему содержанию.

Важной проблемой является также оптимизация взаимоотношений между технологической и духовной культурой. В процессе создания информационного общества возрастает роль технологической культуры, которая, будучи по природе утилитарной и рациональной, все больше теснит духовную культуру. Происходит размывание духовных ценностей. Технократические тенденции проникают во все сферы человеческой деятельности. Обилие информации и удобство ее электронных носителей влекут за собой изменения, затрагивающие систему образования, изобразительное искусство и архитектуру, театр и музыку, функционирование библиотек и музеев, роль книги в культуре. Современный человек меньше читает художественную литературу, реже посещает театры, музеи. Он не испытывает духовного трепета от произведений классики. Его время занимает компьютер, Интернет, другие электронные средства. По данным специалистов, общение молодежи с Интернетом на 80–90% заполняется просмотром порно-сайтов. Цель общения – развлечение. Общество, заботясь о повышении уровня технической культуры, о развитии инженерии в широком смысле слова, должно не меньше внимания проявлять к духовной культуре, утверждению высоких нравственных ценностей.

В своей статье «Мир через полвека», написанной в 1974 г. по заказу американского жур-

нала «Сагердей Ревью», академик А.Д. Сахаров писал: «Научно-технический прогресс не принесет счастья, если не будет дополняться чрезвычайно глубокими изменениями в социальной, нравственной и культурной жизни человечества. Внутреннюю духовную жизнь людей, внутренние импульсы их активности трудней всего прогнозировать, но именно от этого зависит в конечном итоге и гибель, и спасение цивилизации» [3, с. 27–28]. Основные угрозы гибели человечества ученый видел в «упадке личной и государственной морали, проявляющегося уже сейчас в глубоком распаде во многих странах основных идеалов права и законности, в потребительском эгоизме, во всеобщем росте уголовных тенденций, в ставшем международным бедствием националистическом и политическом терроризме, в разрушительном распространении алкоголизма и наркомании ... Все же мне кажется, что наиболее глубокая первичная причина лежит во внутренней бездуховности» [3].

Эти проблемы касаются в той или иной мере всех стран, их политики в области культуры. Но есть проблемы, которые дают о себе знать прежде всего в нашей стране, одной из них является отсутствие у нашего социума, его культуры общественно значимых целей, великого духовного и социального идеала. Известно, что культурная деятельность и творчество не могут плодотворно осуществляться без цели, идеала. Когда-то А.М. Горький очень точно выразил эту мысль: «Когда природа поставила человека на ноги, она дала ему вместо посоха в руки идеал».

Об огромной и прогностической роли идей и культурных ценностей в истории человечества блестяще написал известный историк и исследователь культуры Н.И. Конрад (1891–1970). Из всей истории человечества по силе выдвинутых идей, идеалов, по культурной значимости он выделил три великих произведения: «О граде божием» Августина, «Божественную комедию» Данте и «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Все эти эпохальные произведения, как считал Конрад, это книги великого гнева, пламенной любви к людям и страстной веры их авторов в свой идеал. Есть ли у нашей культурной политики такой социальный идеал? В чем он выражается? Как люди в соответствии с идеалом должны реализовать свое право на счастье? Прав профессор В.С. Семенов в своем утверждении: «человек и народ как творцы культуры и цивилизации не только могут, но и обязаны рассчитывать на счастье на этой прогрессивно творимой ими Земле» [4].

К сожалению, основная масса людей вряд ли имеет возможности быть счастливой, так как

она не стала целью общества, а является средством для относительно узкой группы граждан. В таких условиях ни цивилизация, ни ее культура не могут успешно развиваться. Это противоречит высшему закону развития человека и человечества, сформулированному великим немецким философом И. Кантом (1724–1804), который гласит: «Человек есть цель, как для самого себя, так и для других...» [5]. Таким образом, по И. Канту, развитие общества в качестве закона должно соотноситься со всеми субъективными целями людей.

Не став целью социума, человек оказался на обочине ценностного поля современной культуры. Жизнь человеческая, к мнению Н.И. Киященко, вычеркнута из системы высших ценностей в повседневном существовании и искусстве. Нравственный человек исчез из произведений художественной литературы, кино, телепередач. Их заполнили убийцы, гомосексуалисты, воры в законе и другие подобные персонажи. Насаждается крайний индивидуализм, эгоизм, цинизм, прагматизм, агрессивность и др. Общество, его культура утрачивают лучшие черты народного характера – совесть, добропорядочность, скромность, честность, отзывчивость, товарищество, взаимную выручку. Это, к сожалению, касается и части молодежи.

Всемирный русский народный собор в одном из своих Соборных слов отметил: «Сегодня мы являемся свидетелями, как безответственные и циничные представления о личности человека, его отношениях с другими людьми, обязанностях перед обществом и государством все сильнее проникают в молодежную среду, усваиваются частью студенчества и даже школьниками. Имея перед глазами пример материального пресупевания людей, перешагнувших ради достижения богатства через требования закона и голос общественной совести, находясь в поле воздействия масскультуры, пропагандирующей культ потребления и гедонизма, молодежь предстает духовно ослабленной и нравственно дезориентированной. В атмосфере порока и греха личность молодого человека неизбежно деградирует, а общество превращается в хаотичную массу иждивенчески настроенных эгоистов» [6].

Коммерциализация и как следствие бездуховность стали по существу доминирующими в современной культуре, во всех ее формах. Недавно (25 июля 2014 г.) «Советская Россия» писала: «Наша культура подверглась коммерциализации, в том числе и русский классический театр, за редким исключением (театры Дорониной и Губенко). Попраны заветы великого русского драматурга А. Островского, который

утверждал: «Театр может быть не чем иным, как школой нравов. Спекуляция образцового русского театра не выстроит. Она ищет скорой наживы, быстрого обогащения... В театре буржуазия горячо сочувствует лишь пошлым намекам и остроумию самого низкого сорта». В стране господствуют примитивные, бездуховные масскульт и шоу-бизнес. Поэтому не сочиняются русские по духу песни, не выпускаются патриотические кинокартины, как в советское время» [6]. Не могут не вызывать беспокойство в обществе многие центральные темы передач, которыми осуществляется целенаправленное духовно-нравственное развращение народа, зомбирование всех его социальных групп, в первую очередь молодежи. Радует то, что этой болезни в меньшей мере подвергнуты региональные СМИ и некоторые другие региональные элементы культуры. Здесь еще не полностью утрачены ценности народной культуры. Сохраняется среди значительной части интеллигенции, прежде всего гуманитарной, традиционная приверженность к высокой культуре, к классике.

Обращает на себя внимание, что в процессе трансформации российского общества претерпела серьезное воздействие мировоззренческая составляющая культуры. Выбор неолиберальной, капиталистической стратегии развития сопровождался очернением советской, социалистической идеологии и практики, марксистско-ленинских взглядов и насаждением в качестве господствующей буржуазной идеологии с ее антигуманными чертами и ценностями.

Нельзя не сказать о месте философии в современной культуре, являющейся ядром мировоззренческой культуры. Правда, Камю называл философию «дозорным культуры». В течение нескольких последних десятилетий претендует на доминирующее в ней место постмодернизм (Ж. Бодрийар, Ж.Ф. Лиотар, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Р. Рорти и др.). Однако, по мнению многих философов, постмодернизм это ничто иное как атака на классический рационализм, на возможность Разума познать объективную действительность, на науку. Постмодернисты, как справедливо отмечает профессор И.А. Гобозов, отвергают понятия классической философии – разум, абсолют, истина, прогресс, противоречия, дискуссия и т.д. Вместо этих веками опробованных понятий и категорий они выдвигают понятия «деконструкция», «тело», «сюжет», «курс» и т.д., не несущие никакой смысловой и теоретической нагрузки, но зато звучащие оригинально. Они отвергают иерархию моральных, культурных и иных ценностей. С их точки зре-

ния, все мифы, все культуры, все ценности: хорошо, плохо, гуманно, антигуманно и др. – релятивны». И далее И.А. Гобозов заключает: «Сегодня постмодернизм превратил философию в пустой дискурс, каждый по-своему толкует философские проблемы» [7]. Не случайно, известный специалист в области культуры, профессор Н.И. Киященко, говоря о применении концепции постмодернизма к культуре, определил ее так: «Назад к дикости и варварству!» – вот лозунг, призыв и идеал философии и эстетики постмодернизма» [8].

Нельзя обойти вниманием и такую составляющую современной культуры как религия, которая настойчиво позиционируется властью и православной церковью чуть ли не как единственная спасительница духовной жизни народа и самого общества. Конечно, религия не дает рационального, научного объяснения мира, не претендует на изменение его. Она выполняет важные мировоззренческие, нравственные, коммуникативные функции. В то же время РПЦ, ее церковные иерархи, могли бы многое сделать для укрепления духовных основ жизни российского общества, если бы они больше были повернуты не к власти, а к народу, не к наращиванию имущественных и земельных богатств, а к реальным земным болевым проблемам жизни миллионов россиян, если бы они последовательно выступали за преодоление разрыва между богатыми и бедными, за обеспечение большей социальной справедливости, за укрепление

духовности и нравственности у людей и в их взаимоотношениях и т.д.

Таковы некоторые проблемы культуры в условиях глобализации.

Литература

1. Терехова Н.В. Американская массовая культура в Китае: за и против // Философия и будущее цивилизации: тез. докл. и выступл. IV Российского философского конгресса: в 5 т. (г. Москва, 24–28 мая 2005 г.). – М., 2005. – Т.4. – С.409.
2. Миронов В.В. Коммунистическое пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. – 2006. – №2. – С.39–40.
3. Сахаров А. Мир через полвека // Вопросы философии. – 1989. – №1. – С.27–28.
4. Семенов В.С. Судьбы философии в сегодняшней России. – М., 2011. – С.211.
5. Кант И. Сочинения: в 6 т. – М., 1963–1966. – Т.4, ч.2. – С.330.
6. Анучкин-Тимофеев А. Всплеск дурновкусия // Советская Россия. – 2014. – 29 июля.
7. Гобозов И.А. Философия переживает системный кризис // В.С. Семенов. Судьба философии в сегодняшней России. – М., 2011. – С.61, 63, 65.
8. Киященко Н.И. Эстетика – философская наука. – М., 2005. – С.205.

Осинский Иван Иосифович, доктор философских наук, профессор кафедры философии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: intellige2007@rambler.ru

Osinsky Ivan Iosifovich, doctor of philosophical sciences, professor, department of philosophy, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: intellige2007@rambler.ru

УДК 323.212

© Г.В. Тартыгашева, Т.Г. Цыбиков

ОПЫТ НЕЗАВИСИМОЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА УСЛУГ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ РЕГИОНАЛЬНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

В статье анализируется опыт формирования и использования системы независимой оценки качества услуг, предоставляемых учреждениями культуры в Республике Бурятия. Рассматриваются понятие «качество услуги», существующие модели качества обслуживания. Приводится рейтинг театрально-концертных учреждений Республики Бурятия по качеству предоставляемых услуг с точки зрения потребителей.

Ключевые слова: независимая оценка качества услуг, учреждения культуры, управление сферой культуры, качество, удовлетворенность.

G.V. Tartygasheva, T.G. Tsybikov

EXPERIENCE OF INDEPENDENT EVALUATION OF SERVICES QUALITY PROVIDED BY REGIONAL CULTURAL INSTITUTIONS IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

The article analyzes the experience of formation the independent evaluation system of services quality provided by cultural institutions in the Republic of Buryatia. The concept «quality of service», the existing models of service quality are discussed. The article provides a rating of customer's satisfaction according to service quality in the theatres and concert organizations of Buryatia.

Keywords: independent evaluation of services quality, cultural institutions, management in the sphere of culture, quality, customer satisfaction.

Ключевым принципом и конечным результатом деятельности организаций культуры сегодня становятся «клиентоориентированность» и использование маркетинговых технологий для согласования спроса и предложения. Постоянно растущая конкуренция предполагает не только создание и внедрение инноваций, но и перманентный мониторинг и изучение услуг, предоставляемых учреждениями культуры.

Система государственной независимой оценки качества продукции и услуг функционирует во многих странах. Оценка качества услуг осуществляется на основе национальных индексов (например, американский, швейцарский и европейский), получаемых путем регулярного сбора данных по стране, проводимого независимыми организациями. Индексы представляют собой многоотраслевые количественные оценки удовлетворенности заинтересованных сторон и основных факторов успеха организаций. Национальные индексы удовлетворенности потребителей начали разрабатываться в конце 1980-х – начале 1990-х гг. и на сегодняшний день приняты в Швеции, Швейцарии, Норвегии, Австрии, Германии и США.

Оценка качества услуг, предоставляемых учреждениями культуры, становится важным звеном обеспечения обратной связи с потребителем и принятия управленческих решений в дальнейшей деятельности. Нужно отметить, что сфера культуры, преимущественно, сфера некоммерческой деятельности, и учреждения культуры осуществляют социальные функции «духовного производства» (образования, воспитания, сохранения культурного наследия и т.д.) и соответственно, сложно оценить эффективность их деятельности, тем более экономическую эффективность.

Анализ качества предоставляемых услуг – это получение объективной информации для дальнейшего выявления возможностей учреждения культуры, для корректировки и повышения эффективности деятельности, и, наконец, это налаживание связи между потребителем и производителем культурного продукта [5]. Проблема оценки качества в сфере услуг, заключается в том, что потребителям гораздо труднее оценить качество услуги, как неосязаемого действия, по сравнению с качеством товаров. Поэтому оценка качества услуг часто сводится к оценке поведения персонала, оказывающего услугу и материальной среды, в которой происходят производство и потребление услуги. Кроме того, оценка качества услуги не сводится только к конечному результату обслуживания,

но объективно затрагивает и собственно сам процесс обслуживания.

В основе понятия «качество» лежит удовлетворенность заинтересованных сторон. С понятием «удовлетворение» связан процесс сравнения предварительных ожиданий и реальных характеристик приобретенного продукта и параллельно возникающие ощущения довольства или разочарования у человека. Качество определяется степенью расхождений между ожиданиями потребителей и их восприятием готовой продукции или услуг. К наиболее известным концепциям удовлетворенности потребителей можно отнести «теорию подтверждения / неподтверждения» (Э. Гуммесон, К. Гренроос), «теорию справедливости» (Л. Портер и Э. Лоулер) и «теорию отношений» (Ф. Котлер, Северная школа маркетинга и т.д.) [3].

Широкое признание получили разработки Северной школы (Э. Гуммесон, К. Гренроос). Согласно «теории справедливости», если потребитель в процессе покупки, воспринимает соотношение собственных выгод и затрат с соответствующим соотношением доходов и затрат продавца как справедливое, то возникает удовлетворенность. В теории маркетинга услуг подчеркивается важность маркетинга отношений. Северная школа определяет его как «маркетинг, основанный на взаимодействии в пределах сетей отношений». В соответствии с данной теорией, существует прямая связь между обоснованием потребителем того или иного события и его удовлетворенностью данным событием.

В основе концепции удовлетворенности потребителей лежит понятие «качество», которое измеряется степенью расхождений между ожиданиями потребителей и их восприятием предложенных услуг. Конечный результат и процесс обслуживания взаимосвязаны, и как раз, характеризуют понятие «качество услуги». Согласно данным концептуальным положениям были разработаны несколько моделей оценки качества.

Пятиступенчатую модель качества обслуживания разработали ученые Техасского университета А. Парасураман, В. Зентхامل и Л. Берри. Качество услуги необходимо рассматривать как результат наличия или отсутствия разрывов на пяти уровнях [4]. Первый уровень – возможный разрыв между потребительскими ожиданиями и их восприятием руководством предприятия. Второй уровень – возможный разрыв между восприятием потребительских ожиданий руководством предприятия и их отражением в стандартах обслуживания. Третий уровень – возможный разрыв между стандартами обслуживания и качеством предоставляемых услуг. Чет-

вертый уровень – возможный разрыв между качеством предоставляемых услуг и внешней информацией об этом качестве. Пятый уровень – возможный разрыв между ожиданиями потребителей и их восприятием полученных услуг.

Двухфакторная модель качества обслуживания предложена представителем Северной школы маркетинга К. Гренроосом. Им было предложено различать два аспекта, ведущих к оптимальному восприятию качества услуги. Согласно данной модели следует различать техническое (что) и функциональное (как) качество [3]. Техническое качество определяется критериями, относящимися к производственному состоянию (вкус, качество продукта, художественная ценность и т.д.). Потребитель имеет возможность частично оценить качество услуги до ее приобретения. Функциональное качество характеризует процесс предоставления услуг и определяется: отношениями, складывающимися между сотрудниками предприятия и клиентами, а также у клиентов друг с другом; внутренними отношениями, которые существуют на предприятии и влияют на качество обслуживания; поведением персонала и его отношением к работе; внешним видом персонала, особенно сотрудников, вступающих в контакт с клиентами; контактами с потребителями, которые могут быть как непосредственными (прямыми), так и опосредованными (косвенными) достижимостью установленных стандартов обслуживания; беспокойством о качестве обслуживания клиентов со стороны всех сотрудников предприятия [1]. В совокупности высокое техническое и функциональное качество определяют воспринимаемое качество продукта, которое всегда сравнивается потребителем с ожидаемым. При этом ведущую, стратегическую роль играют функциональные аспекты качества.

Необходимо отметить, что, с одной стороны, услуги, оказываемые учреждениями культуры, реализуются в сфере досуговой деятельности человека, где уровень конкуренции, традиционно высок, с другой стороны, услуги, оказываемые учреждениями культуры уникальны, и не могут быть объективно оценены с точки зрения художественного качества театральной постановки, талантливости, неординарности или гениальности работы театрального коллектива и т.д. Поэтому мы можем оценивать только функциональное качество услуг, оказываемых учреждениями культуры. Объективных параметров оценки художественной ценности мероприятий, которые проводятся учреждениями культуры, не существует, поэтому оценить качество услуг, предоставляемых учреждениями культуры,

представляется возможным, используя характеристики, влияющие на восприятие потребителя. В этом случае ориентация на клиентов подразумевает, что услуги осуществляются, в первую очередь, с учетом мнения и требований потребителей культурных благ, т.е. клиентов учреждений культуры. Для этого должны проводиться регулярные мониторинги их удовлетворенности качеством и доступностью культурных услуг.

Существуют различные подходы к измерению удовлетворенности потребителя. В мировой практике оценки качества услуг, достаточную известность получили методики SERVQUAL – Service Quality (5 групп вопросов, определяющих удовлетворенность потребителей услуг по параметрам «надежность, отзывчивость, убедительность, сочувствие, осязаемость») и CSI – Customer Satisfaction Index, индекса удовлетворенности потребителей (имидж, ожидания, воспринимаемая ценность, воспринимаемое качество и т.д.) В данных методиках качество услуги оценивается с точки зрения потребителя.

Концептуальная модель SERVQUAL (сокращенная аббревиатура от Service quality или «качество услуги»), лежащая в основе изучения удовлетворенности / неудовлетворенности потребителей услуг, разработана учеными Техасского университета А. Парасураманом, В. Зентхамл и Л. Берри. Исследователи предложили оценивать качество услуги, как результат сравнения потребителем своих ожиданий и восприятия по 22 аспектам, сгруппированным вокруг пяти главных критериев качества услуги: материальности, надежности, отзывчивости, убежденности и сочувствия. Потребителям предлагается заполнить анкету, состоящую из двух частей, используя пяти или семибалльную шкалу Лайкерта («полностью не согласен – полностью согласен»). Данная методика наиболее популярна в практической деятельности, в частности, с 2005 г. Министерство культуры России, в целях обеспечения федеральных органов исполнительной власти и широкой общественности информацией, ведет мониторинг удовлетворенности населения качеством и доступностью государственных учреждений в сфере культуры. В опросе участвуют как работники, так и посетители учреждений культуры.

Достаточное распространение получила методика расчета индекса удовлетворенности потребителей CSI (Customer Satisfaction Index), разработанная специалистами Стокгольмской школы экономики. Рассчитываемый с помощью метода личного интервьюирования и используемый в качестве одного из параметров долго-

срочного прогноза рыночной ценности отраслей и экономики в целом, данный индекс способствует выявлению причины и факторов удовлетворенности потребителей и их лояльности. Главным отличием данного метода оценки является источник получения информации: заполнение анкеты осуществляется не потребителем, а специалистами службы качества по результатам регулярных рейдов по учреждениям с последующей выработкой системы мероприятий по устранению выявленных проблем.

В целях повышения качества и доступности услуг учреждений культуры для населения, улучшения информированности потребителей о качестве работы учреждений и стимулирования повышения качества работы учреждений, оказывающих услуги в сфере культуры, были приняты Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 №597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» и постановление Правительства Российской Федерации от 30.03.2013 № 286 «О формировании независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги». В основе указанной методики лежат критерии эффективности работы организации, соответствующие «Правилам формирования независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги» согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 30 марта 2013 г. №286 «О формировании независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги» предусматривающие оценку:

- открытости и доступности информации об организации;
- комфортности условий и доступности получения услуг, в том числе для граждан с ограниченными возможностями здоровья;
- доброжелательности, вежливости и компетентности работников организации.

Данные критерии слагаются из следующих характеристик театрально-концертных учреждений субъективно влияющих на реакцию потребителя: 1) пространственные показатели, характеризующие «качество окружающей среды» услуги или условия ее предоставления; 2) информационные показатели, характеризующие информационную обеспеченность клиентов, – «качество информационного обеспечения»; 3) профессиональные показатели, характеризующие уровень сервиса, предлагаемый клиентам (уровень профессиональной подготовки и квалификации персонала), – «качество персонала».

Цель данной методики – преодолеть сложности перевода абстрактных рассуждений о каче-

стве обслуживания в конкретные управленческие решения по улучшению качества услуг, предоставляемых учреждениями культуры.

В начале 2014 г., по заказу Министерства культуры Республики Бурятия, в рамках создания независимой системы оценки качества работы учреждений культуры, был осуществлен пилотный проект «Оценка качества работы республиканских театрально-концертных учреждений».

В дальнейшем предполагается использовать методику оценки качества работы театрально-концертных учреждений как методологическую основу для осуществления оценки качества учреждений культуры других типов. Полученные результаты и выработанные рекомендации использовались при разработке культурной и социальной политики региона, а также в качестве информационной базы для формирования региональных проектов и программ.

В качестве объекта исследования выступили республиканские театрально-концертные учреждения: ГАУК РБ «Бурятский государственный академический театр оперы и балета им. н.а. СССР Г.Ц. Цыдынжапова»; АУК РБ «Бурятская государственная филармония»; АУК РБ «Бурятский республиканский театр кукол “Ульгэр”»; АУК РБ «Государственный ордена Трудового Красного знамени Бурятский академический театр им. Х. Намсараева»; ГАУК РБ «Государственный русский драматический театр им. Н.А. Бестужева». Основными задачами исследования стали оценка и сравнение качества услуг предоставляемых региональными театрально-концертными учреждениями, а также создание социального портрета потребителей услуг, оказываемых театрально-концертными учреждениями.

В качестве основных методов сбора данных, в исследовании использовались: анкетный опрос посетителей спектаклей; методика «контрольная закупка», а также анализ официальных Интернет-сайтов республиканских театрально-концертных организаций. В рамках анкетного опроса фактически все показатели качества услуг оценивались по 5-бальной шкале, где: 5 – услуга полностью соответствует потребностям («отлично»); 4 – скорее соответствует («хорошо»); 3 – нейтрально; 2 – скорее нет («плохо»); 1 – нет, не соответствует («очень плохо»).

На основе полученных данных, сформирован рейтинг республиканских театрально-концертных учреждений, в соответствии с полученными баллами, по выделенным критериям качества услуг. А также оценивался общий уровень удовлетворенности потребителей качеством услуг,

предоставляемых театральными-концертными учреждениями. Анализируя данные, полученные с помощью анкетного опроса посетителей театральными-концертными учреждениями, можно выделить следующие важные моменты.

Треть респондентов, принявших участие в опросе, посещают театры 1–2 раза в год (32%), 2–5 раз в год – 25,3%, однако всеяют надежду достаточно высокие показатели регулярных посещений республиканских театральными-концертными учреждениями: 15,3% посещают театры регулярно, 10% – 1 раз в месяц.

Основные посетители театров – наиболее социально активные, как правило, с высоким и средним уровнем дохода и с высшим образованием, занятые в нематериальной сфере граждане города. Как и предполагалось в гипотезе исследования, основные посетители наших театров – 61,4% – люди с высшим образованием, 4,7% из них – с ученой степенью, занятые в гуманитарной сфере деятельности. 10,7% – руководители, 13,3% – причисляют себя к интеллигенции, 16,7% – государственные служащие, 4,7% – ИТР в промышленности, 2% – ИТР в сельском хозяйстве. Большое количество студентов – 19,3% и пенсионеров – 16,7%. Среди посетителей театров наиболее многочисленную группу представляют граждане в возрасте 50–59 лет (23,3%) и 18–29 лет (29,3%), затем граждане в возрасте 30–39 лет (18,7%), 40–49 лет (15,3%), старше 60 лет (11,3%). 54% потребителей – жены, 24% – не замужем и 16,7% – не женаты, что объясняется наличием среди посетителей большого количества молодежи.

Большинство посетителей театра – люди со средним и высоким уровнем доходов, что подтверждает гипотезу исследования, а также общероссийскую и общемировую практику. Как правило, удовлетворив свои материальные потребности, индивиды начинают реализовывать духовные потребности. 18% респондентов – «ни в чем себе не отказывают», 28,7% считают, что

«покупка большинства товаров длительного пользования не вызывает трудностей, однако покупка автомобиля пока недоступна», 29,3% – также поддерживают сносный уровень жизни – «в основном денег хватает, но для покупки дорогих вещей вынуждены пользоваться кредитом или брать в долг».

Потребители театральными услугами в целом, удовлетворены качеством внешнего благоустройства театральными-концертными учреждениями. Лидеры рейтинга, по сути, наиболее красивые здания в городе Улан-Удэ, хотя определенные споры вызывает здание Русского драматического театра, но оценка эстетических предпочтений не входила в задачу нашего исследования, т.к. маркетинговые исследования изучают массовые предпочтения потребителей. Фактически все здания находятся в хорошем состоянии, были недавно построены или реконструированы, поэтому соответствуют современным запросам публики. Однако по показателю «дизайн, комфортность внешнего благоустройства в целом», низкие баллы получили «Филармония» – 3,6; «Ульгэр» – 3,9. Это связано, скорее всего, с необходимостью ремонта и реконструкции зданий данных театров. Общая оценка респондентов показателя «внешнее благоустройство театров» – 4 балла. Рейтинг театров по внешнему благоустройству выглядит следующим образом: 1 место. ГАУК РБ «Бурятский государственный академический театр оперы и балета им. н.а. СССР Г.Ц. Цыдынжапова» – 4,5 балла; 2 место. ГАУК РБ «Государственный русский драматический театр им. Н.А. Бестужева» – 4,3 балла; 3 место. АУК РБ «Бурятская государственная филармония» – 3,9 балла; 4 место. АУК РБ «Бурятский республиканский театр кукол “Ульгэр”» – 3,8 балла; 5 место. АУК РБ «Государственный ордена Трудового Красного знамени Бурятский академический театр им. Х. Намсараева» – 3,7 балла.

Таблица 1

Рейтинг театров по внешнему благоустройству (в баллах от 1 до 5)

Наименование показателя	Общее	Театр оперы	РДТ	Филармония	Ульгэр	БДТ
Внешнее благоустройство театра	4	4,5	4,3	3,9	3,8	3,7
Чистота территории вокруг театра	4,2	4,6	4,4	3,9	4,2	3,9
Освещенность территории вокруг театра	4,2	4,7	4,5	4,1	4,2	3,7
Наличие и удобство автопарковки	3,6	4,4	3,8	3,5	3,3	3,3
Наличие остановок общественного транспорта	4,1	4,6	4,4	4,5	3,5	3,5
Удобные (не скользкие, асфальтированные) дорожки около театра	3,9	3,8	4,2	3,8	3,5	3,5
Дизайн, комфортность внешнего благоустройства в целом	4,2	4,7	4,5	3,6	3,9	4,1

Кроме того, респондентами также оценивалось внутреннее благоустройство театров по значимым, с точки зрения исследователей, параметрам: работа буфета, работа гардероба, чистота и комфортность помещений, наличие зон отдыха и т.д. Общий рейтинг театров по внутреннему благоустройству выглядит следующим образом: 1 место. ГАУК РБ «Государственный русский драматический театр им. Н.А. Бестужева» – 4,4 балла; 2 место. ГАУК РБ «Бурятский государственный академический театр оперы и балета им. н.а. СССР Г.Ц. Цыдынжапова» – 4,2 балла; 3 место. АУК РБ «Государственный ордена Трудового Красного знамени Бурятский академический театр им. Х. Намсараева» – 4 балла; 4 место. АУК РБ «Бурятская государственная филармония» – 3,9 балла; 5 место. АУК РБ «Бурятский республиканский театр кукол «Ульгэр» – 3,8 балла.

Общая оценка доступности театральных мероприятий достаточно высока – 4,3 балла. В данный индикатор входят такие показатели как: часы работы учреждения (удобны или нет для посетителей); доступность по цене мероприятий и оказываемых услуг; удобное для посетителей время проведения мероприятия. 1 место разделили ГАУК РБ «Бурятский государственный академический театр оперы и балета им. н.а. СССР Г.Ц. Цыдынжапова» и АУК РБ «Бурятская государственная филармония» – 4,5 балла; 2 место – АУК РБ «Бурятский республиканский театр кукол «Ульгэр»» и АУК РБ «Государственный ордена Трудового Красного знамени Бурятский академический театр им. Х. Намсараева» – 4,3 балла; 3 место у ГАУК РБ «Государственный русский драматический театр им. Н.А. Бестужева» – 4,1 балла.

В массовом сознании до сих пор устойчиво представление, что культурные услуги не должны стоить дорого, а лучше предоставляться вообще бесплатно. Наиболее предпочтительная цена билета, которую большинство респондентов считает оптимальной, – 300–500 рублей за 1 билет (53,3%); 38% оценивают их стоимость менее 300 рублей; и только 3,3% готовы потратить на билеты на театральное представление от 1000 рублей и выше.

Значимыми параметрами для оценки качества персонала, с точки зрения исследователей, являются: внешний вид, наличие форменной одежды, профессионализм, оперативность оказания услуги, вежливость и доброжелательность. Часто значительные управленческие и маркетинговые усилия, огромные финансовые затраты оказываются напрасными, поскольку удовлетворенность потребителей зависит, в

большой степени, от профессионализма, оперативности и вежливости персонала. Качество персонала театрально-концертных учреждений было оценено следующим образом: наиболее высокие баллы у персонала ГАУК РБ «Государственный русский драматический театр им. Н.А. Бестужева» – 4,4 балла. Персонал ГАУК РБ «Бурятский государственный академический театр оперы и балета им. н.а. СССР Г.Ц. Цыдынжапова» и АУК РБ «Государственный ордена Трудового Красного знамени Бурятский академический театр им. Х. Намсараева» оценен на 4,3 балла. Качество обслуживания в АУК РБ «Бурятская государственная филармония» получило 4 балла, наиболее низкие оценки у персонала АУК РБ «Бурятский республиканский театр кукол «Ульгэр»» – 3,5 балла. Общая оценка персонала республиканских учреждений культуры – 4,1 балла.

Итак, лидером рейтинга оценок качества услуг, предоставляемых театральными учреждениями, согласно результатам проведенного исследования стал ГАУК РБ «Бурятский государственный академический театр оперы и балета им. н.а. СССР Г.Ц. Цыдынжапова» – 4,4 балла.

2 место – у ГАУК РБ «Государственный русский драматический театр им. Н.А. Бестужева» – 4,3 балла. 3 место разделили АУК РБ «Государственный ордена Трудового Красного знамени Бурятский академический театр им. Х. Намсараева» и АУК РБ «Бурятская государственная филармония» – 4,1 балла. 4 место – АУК РБ «Бурятский республиканский театр кукол «Ульгэр»» – 3,9 балла. Общая оценка качества услуг, предоставляемых театрами – 4,1 балла.

Таким образом, можно сделать вывод, что потребители достаточно лояльно и дружелюбно оценивают качество услуг, предоставляемых театрально-концертными учреждениями. На вопрос: «Рекомендовали бы Вы наше учреждение культуры своим знакомым и родственникам?» 86% ответили – «определенно да», 10,7% – «возможно».

Качество услуг, предоставляемых учреждениями культуры, по сути, является одним из наиболее важных параметров, который влияет на степень удовлетворенности потребителя приобретенной им услугой, а также важным фактором качества жизни населения вообще.

В заключение подчеркнем, что подобная комплексная методика оценки качества услуг, предоставляемых учреждениями культуры, отражает объективную картину деятельности учреждений культуры, является информацион-

ным базисом для своевременного принятия обоснованных управленческих решений по совершенствованию работы учреждений культуры. Она способствуют объективизации мер морального и материального стимулирования персонала к постоянному, целенаправленному совершенствованию, создает и/или повышает соревновательный и мотивационный аспекты улучшения качества деятельности работников культуры.

Литература

1. Белостоцкая А.А., Круглов А.В. Оценка качества в системе маркетинга услуг. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2009.
2. Маркетинговые исследования потребителей [Электронный ресурс]. – URL: http://aleksandrfridman.ru/tourism_consumer_marketing_research.htm
3. Удовлетворенность заинтересованных сторон как фактор повышения качества образовательной деятельности физкультурного вуза / А.Г. Мастеров [и др.]. – Волгоград: Изд-во ВГАФК, 2012.
4. Новаторов Э.В. К вопросу об изменении и контроле качества транспортных услуг. – СПб., 2013 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hse.ru/pubs/lib/data/access/ram/ticket/82/>

5. Федотова Н.Г. Качество культурных услуг Великого Новгорода как объекта маркетингового исследования // Культурное обозрение: инф.-аналит. сб. – 2010. – №2. – С.77.

Тартыгашева Галина Владимировна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: tarty@yandex.ru

Цыбиков Тимур Гомбожапович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, министр культуры Республики Бурятия, г. Улан-Удэ, e-mail: timour@smtp.ru

Tartygasheva Galina Vladimirovna, candidate of sociological sciences, senior lecturer, department of political science and sociology, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: tarty@yandex.ru

Tsybikov Timur Gombozhapovich, candidate of sociological sciences, associate professor, department of social and cultural activities, East-Siberian State Academy of Culture and Arts, Minister of Culture of the Republic of Buryatia, Ulan-Ude, e-mail: timour@smtp.ru

УДК 39

© Л.Л. Абаева

СЕМАНТИКА КРУГА И ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ БУДДИЙСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье анализируются семантические образы круга в системе традиционного мировоззрения народов Центральной Азии. Здесь имеется в виду ориенталистская терминология обозначения территории Центральной Азии, населенниками которой исторически являются тибетский, монгольский, эвенкийский и тюркский этносы, а не современное геополитическое обозначение республик бывшей Средней Азии. Традиционное мировоззрение этих народов рассмотрено в контексте их адаптации к буддийской религиозной культуре.

Ключевые слова: традиционное мировоззрение, семантика, круг, сакрализация, эвенки, тюрки, монголы, шаманизм, тэнгрианство, небо, буддизм.

L.L. Abaeva

SEMANTICS OF CIRCLE AND TRADITIONAL WORLDVIEW OF THE PEOPLES OF CENTRAL ASIA IN THE CONTEXT OF THE BUDDHIST RELIGIOUS CULTURE

The article analyzes semantic images of circle in the system of traditional worldview of the peoples of Central Asia. The author means the orientalist terminology for designation the territory of Central Asia that from time immemorial was inhabited by the ethnoses of the Tibetans, the Mongols, the Evenks and the Turks, but not the modern geopolitical designation of the republics of former Central Asia. The traditional worldview of these peoples is considered in the context of their adaptation to the Buddhist religious culture.

Keywords: traditional worldview, semantics, circle, sacralization, the Evenks, the Turks, the Mongols, Shamanism, Tengrism, heaven, Buddhism.

Сакрализация круга как геометрической и физической фигуры фиксируется практически во всех религиозных традициях Востока и Запада, образно отражая и выражая их космогонические, космофорические и космогенетические представления и чаяния. Круг, как геометрическая структура, аутогенная по своему проис-

хождению, в большинстве случаев абсолютно идентично трактуется во многих религиозных культурах как символ бесконечности и законченности и сакрализуется как высшее совершенство, существующее в физических и метафизических измерениях. Земля в архаичных представлениях многих этнических культур пред-

ставляла собой плоский круг, который держат или три слона, или три кита, или три черепахи и т.д. При этом, фигуранты, держащие этот плоскостной круг, соответственно, существующей на то время в разных культурах мифологии, являлись, как правило, животными тотемного или мифологического и мифопоэтического происхождения.

Плоскостное представление о традиционной картине мира многих этнокультурных традиций древних насельников нашей планеты по мере открытий многих физических, биологических и астрономических законов и эволюции человеческого социума в целом постепенно меняется. Круг становится объемным и проецируется наряду со своими уже устоявшимися функциями в шар – в универсальный феномен присутствия уже не одного круга, а множества так называемых «плоскостных» кругов, составляющих по вертикали и горизонтали структуру объемного шара. По физическим законам движения это неограниченное множество графических кругов, образует и представляет в своей статике и динамике шар. А шар, во многих религиозных традициях, в том числе монгольских и тюркских народов, всегда ассоциировался с космическим мироустройством, т.е. непосредственно с космосом.

Поскольку космос, как понятие и термин, греческого происхождения, то и космогонические и космогенетические мифы в достаточно развитой форме все же принадлежат их этнокультурной традиции. Однако в христианской религиозной традиции Космос, как феномен, все же вторичен по отношению к изначальному библейскому Хаосу. В.Н. Топоров утверждает: «Взаимоотношения космоса и хаоса осуществляются не только во времени, но и в пространстве. <...> Сферическая схема Космоса, объятого Хаосом, первозданным океаном, мировой бездной, может заменяться вертикальным или горизонтальным вариантом, при котором хаос помещается ниже космоса или на крайней его периферии (на севере или на западе, за пределами Космоса)» [1]. Известный классик при этом характеризует ряд признаков универсальных мифологических представлений о целостной и уникальной сущности Космоса как структуры феноменальной и совершенной: целостность; наличие широкого внешнего пространства; членимость пространства и времени; упорядоченность и организованность; наличие некоего общего принципа – Закона, управляющего Космосом; происхождение многочисленных космогонических мифов в результате эволюции представлений о космическом совершенстве; антро-

поцентрическое понимание Космоса как вместительности жизни человека; различимость и восприимчивость Космоса и его элементов; эстетические характеристики, выраженные в его красоте, гармонии и пластичности [1, с. 10].

Небезынтересен тезис В.Н. Топорова, что в вертикальная структура Космоса трехчленна и состоит из верхнего мира (небо), среднего мира (земля) и нижнего мира (подземное царство, преисподняя), где подземный мир ассоциируется или трактуется как хаос, что «иногда влечет за собой исключение его из трехчленной схемы космической вселенной» [1, с. 10].

Территориальное и культурное пространство монгольской, тюркской и тунгусо-маньчжурской метаэтнических общностей в современный период представляет собой многообразные монгольские, эвенкийские и тюркские сообщества в Китайской Народной Республике, в Республике Монголия и Российской Федерации. Генезис их культурной идентичности лежит в обширном пространстве Центральной Азии с ярко выраженной кочевой цивилизацией, мировоззрением и мировосприятием кочевника, выработавших особую и специфическую форму этнической психологии, кочевой ментальности и традиционных ценностей.

В качестве общего культурного наследия среди всех тюркских, монгольских, маньчжурских и тунгусских этносов сохраняются основные элементы ранних религиозных представлений и воззрений в основе которых фиксируется общий для этих этносов феномен круга, а также знаки, символы, язык, ценности, правила повседневности, социальные нормы, социальные санкции, представления о мифологическом и реальном, поведенческие нормы, этикет, обычаи, традиции, ритуалы.

Ареал функционирования круга в этнокультурных традициях этих народов достаточно обширен. Если коснуться материальной части этих этнокультурных традиций – то это и в основных моментах круглые формы жилища, округленные поселения, круговые обходы вокруг священных мест, круговые танцы и т.д. – все по кругу.

Одной из самых ранних форм религии народов Центральной Азии, населяющих современные районы Тибетского автономного района и Внутренней Монголии Китая, собственно Республику Монголию и несколько регионов Российской Федерации – Бурятию, Калмыкию, Туву, а также Якутию и Хакасию – является особая, специфическая система верований и культов, в основе которой лежат одухотворение и обожествление объектов и явлений природы, вера в возможность магического воздействия на

свою и сопредельные этносферы с помощью Неба и небесных божеств, с которыми в состоянии определенного мистического транса общается человек, наделенный особой магической силой. Эта религиозная система, используя более ранние формы религии (магию, тотемизм, фетишизм и др.), придала религиозной системе средневековых этносов Центральной Азии более систематизированный и институционально оформленный характер. При этом особую роль играла личность персонажа, осуществляющего множество религиозных и социальных функций в родовых и племенных коллективах.

В традиционном понимании этносов Центральной Азии данный персонаж являлся медиатором (посредником) между миром людей и животных с небесными божествами, изначально персонифицированными как Вечно Синее Небо (Хухэ Мунхэ Тэнгэри) [2].

Исторически данная религиозная система метаэтнической монгольской общности восходит к древним религиозным верованиям монгольских и тюркских народов Центральной Азии, а классический шаманизм эвенков – к верованиям и культам тунгусо-маньчжурских народов Дальнего Востока и Сибири.

Начальный этап развития данной религиозной системы, впоследствии некорректно названной достаточно условным термином («монгольский шаманизм» или «шаманство монгольских народов»), уходит в глубокую историческую древность – палеолит и неолит. При этом необходимо подчеркнуть, что многие исследователи религиозной культуры народов Центральной Азии склонны интерпретировать данный религиозный феномен вовсе не как «шаманизм», а как «Тэнгэрийн мургэл – Тэнгэрийн Заяа», или «Тэнгэризм», или «Тэнгрианство», что, на наш взгляд, звучит не совсем благозвучно на русском языке, но достаточно адекватно отражает сам феномен.

В процессе исторического развития данный религиозный феномен постепенно эволюционировал от низших форм к высшим под влиянием более развитых национальных и мировых религий (тибетский бон, иранский зороастризм, несторианство, буддизм и др.), приобретая все более сложный и систематизированный характер, в результате чего превратился в стройную высокоразвитую религию, имеющую почти все компоненты развитой религиозной системы: свою космологию и мифологию, обрядность, организационную структуру и т.д.

Вместе с тем в отличие от мировых религий, этому религиозному феномену была исторически присуща некоторая ограниченность рамками

племенных этнических общностей (имеются в виду тюркские, маньчжурские и монгольские народы – насельники Центральной Азии). Эта религиозная традиция так и не стала общенациональной религией этих народов, хотя попытки создания национальной религии на ее основе в контексте и структуре более архаических верований и культов указанного региона предпринимались еще в период создания Монгольской империи.

В эпоху средневековья и позднее он охватывал все сферы жизни этих народов, влияя на формирование культуры, образа жизни и психологии этнических коллективов, отражая характер их хозяйственной деятельности, их связи с природой, а также особенности социальной организации – родоплеменные, территориально-общинные, экстерриториальные и другие структуры. Однако значительно позже, после распада Великой Монгольской Империи, классическая форма тунгусо-маньчжурского шаманизма стала доминировать в добуддийской религиозной системе монгольских народов, а в научном и общественном понимании идентифицироваться как «шаманизм» монгольских и тюркских народов в том числе.

Многие исследователи современного шаманизма (как тюркского, так и монгольского) утверждали, что развивающийся шаманизм, вобрав в себя религиозные воззрения предшествующих поколений, творчески переработал существовавшие представления об окружающем мире и создал целостную космологическую теорию. Однако картина мира, мировосприятие и мироощущение так называемой шаманской религиозной культуры монгольских и тюркских народов, по нашему глубокому убеждению, остались все же в русле первичного почитания Вечно Синего Неба с развитой теорией трехчленного деления Неба с его развитой системой разнообразных тэнгриев.

При этом, как показывают полевые исследования монгольских и зарубежных ученых, в том числе и наши собственные, многие религиозные обряды монгольских народов отправляются у подножия гор – это общеизвестное всем обоим, которое, как правило, привязано к так называемым «хозяевам» местности. Т.е. персонификация Неба, как верховного и ведущего сакрального божества монгольского ареала, перешла в разряд региональных и локальных божеств-хранителей.

Так незаметно в течение веков эволюционировало так называемое «тэнгрианство», постепенно адаптируя далеко не лучшие формы религиозных верований и культов тунгусо-

маньчжурских этносов, населяющих сопредельные территории Центральной Азии вместе с монгольскими этносами.

При этом необходимо подчеркнуть, что мифологическое сознание центрально-азиатских этносов всегда связывало в одно целое природу (макрокосм) и человека (микрокосм), а образ горы всегда выполнял в этом сознании очень важные функции, играя роль медиатора (посредника) между различными началами и силами (стихиями) мироздания – человеком и природой, небом и землей и т.д. Возможно, именно поэтому, начиная с XVI в. и вплоть до современного периода, многие религиозные культы и ритуалы не только монгольских народов отправляются у подножия гор.

Если же проанализировать современный нешаманизм, широко получивший распространение в конце XX-го – начале XXI вв. среди эвенков и монгольских народов во Внутренней Монголии КНР, в Республике Монголия, а также в республиках Бурятия, Тува и Калмыкия Российской Федерации, то можно констатировать, что так называемое «возрождение» шаманской религиозной системы идет по тунгусо-маньчжурской религиозной системе с некоторыми вкраплениями собственно монгольских тэнгрианских представлений. Тэнгрианские религиозные реликты, конечно же, остались в их традиционном представлении на уровне небесного происхождения самого Чингисхана и других ханов и хаганов общемонгольского мира, о чем неоднократно и широко писали многие исследователи.

Наиболее глубокие корни «тэнгрианства» мы обнаруживаем в космогонических мифах как монгольских, так и тюркских этносов. В процессе своего исторического развития у этих насельников Центральной Азии в результате кросс- и интеркультурных взаимоотношений складывалась идентичная дуальная религиозно-мировоззренческая система («Небо» – «Земля») как специфическая форма социальной самоорганизации, упорядочившая «субъективное» в сознании, на уровне объективного кочевого мировоззрения. Из первоначального космического хаоса, по их мнению, появился определенный порядок, формируется традиционная картина мира, т.е. религиозно-мировоззренческая упорядоченность, а также связанная с ней структура социального и природного бытия на основе этой дуальной организации.

Большинство исследователей шаманской религиозной культуры придерживается мнения, что шаманизм – это не просто культ, а целый религиозный комплекс универсальных традиций

и, практически, как показывает теория и практика культурогенеза, все социумы нашей планеты на всех континентах в разных формах и под разными терминами в своем этносоциальном развитии прошли этапы религиозной традиции, именуемой в современный период шаманизмом. Его, т.е. шаманизм, не без оснований можно считать самой ранней формой религиозных воззрений человечества, сохранившейся на некоторых территориях вплоть до наших дней и, во многих случаях, составившей конкуренцию мировым религиям. Но следует иметь в виду, что это не относится ни к тюркским народам Сибири, ни тем более к монгольским народам в регионе их расселения.

Новейшие исследования в области социальной и культурной антропологии, а также классической российской культурологии показывают настоятельную необходимость четко выраженных методологических позиций относительно культурно-антропологических парадигм: общество и религия; человек и религия; этнос и религия. Используя структурно-функциональный, культурно-антропологический, этнографический, эзотерический и историко-культурологический методы в методологии исследования истории «шаманской» религиозной культуры традиционных воззрениях эвенкийских, тюркских и монгольских народов, нам удалось довольно успешно выявить основные характеристики классического «шаманизма» как этнокультурного религиозного феномена в традициях эвенкийского, тюркского и монгольского этносов не только на ранних этапах его становления, но также проследить его эволюцию и репрезентативность в современный период.

Место религии и религиозных феноменов по последним теориям культурологической науки в гражданском обществе, к которому стремится постсоветская Россия, в основном определяется доктринальными и институциональными критериями. Доктринальные критерии в основном обычно выражены и представлены анализом мировоззренческих и феноменальных аспектов в религиозных традициях как эвенкийского, тюркского, так и монгольского этносов, а также в достаточно сложной и комплексной картине мира, присущей как классической форме, так и некоторым инновационным тенденциям на рубеже веков. Институциональный же критерий характеризует способность каждой религиозной культуры интегрировать и развивать целый ряд конкретных аспектов социальной и этнокультурной жизни социума.

Хотелось бы отметить также и то, что истоки «белого» шаманства более соотносятся прежде

всего с тэнгрианством, а не с прототюркскими параллелями, как считают многие современные исследователи, и уходят гораздо глубже – к индоарийской религиозной традиции.

Небезынтересно также проанализировать адаптацию народами Центральной Азии (особенно монгольской метаэтнической общностью) буддийского символического изображения перерождения в круге сансары – «Сансарийн хурдэ». Ямантака представляется символом неумолимости времени, рождения и смерти, неотвратимости воздаяния за содеянное. Шаманская же религиозная традиция монгольских народов, подразделяющая мир на три уровня – мир верхний («дэд замбулин»), мир средний («дунд замбулин») и мир нижний («доод замбулин») – в третьем, нижнем мире, фиксирует Эрлик-хана, владыку смерти с бронзовым зеркалом, отражающим земные деяния умерших.

Сансара (санскр. – «блуждание», «переход через различные состояния», «круговорот»), согласно высказыванию известного ученого буддолога и буддиста Л. Мяля, представляет собой в буддийской теории и практике «этико-религиозные воззрения, обозначающие мирское бытие, связанное с цепью рождений и переходом из одного существования в другое, а также – населенных живыми существами миров, в которых происходит этот переход» [3]. При этом «Колесо сансары» представляет собой достаточно развернутую картину перехода людей и других живых существ из одного состояния в другое. Натуралистическое изображение в центре «Колеса сансары» свиньи, петуха и змеи, символизирующих в буддийской интерпретации неведение, страсть и гнев; шести видов существ: божеств (тиб. Лха), асуров, людей, животных, претов и обитателей ада, из которых в буддизме первые три считаются благоприятными, последние три – неблагоприятными [3, с. 222]; большого круга, разделенного на 12 сегментов, изображающих слепого (буддийского символа неведения), горшечника, ваяющего горшок (буддийский символ результата неведения), прыгающую обезьяну (буддийский символ индивидуального сознания – виджняна), человека в лодке (буддийский символ ума – нама – рупа), благоустроенного дома (буддийского символа шести чувств – шадаятана), обнимающихся мужчину и женщину (буддийский символ соприкосновения, бытия – бхавы), рожающую женщину (буддийский символ нового рождения – джати), человека, несущего труп (буддийский символ старости и смерти – джара – марана) – все это абсолютно доступно миропониманию каждого монгольского кочевника, так как в культуре его повседнев-

ности он видит этих животных и этих людей (за исключением божеств, полубожеств и претов) в тех же возможных позициях и ситуациях, выраженных в «Колесе Сансары».

Более того, традиционная монгольская манера натуралистического изображения мира профанного и мира сакрального – «Монгол зураг» – очень сходна с изображениями «Колеса Сансары». В данном случае для монгольского кочевника требовалась лишь некоторая адаптация, буддийские комментарии этих изображений. Во всем пространстве обитания монгольской метаэтнической общности имеются наскальные изображения в лаконичной форме воспроизводящие родовые знаки – тамги, оленей, лосей, архаров, птиц, лошадей, быков в давние времена, возможно, бывшими тотемическими животными.

Известный и авторитетный монгольский художник Н. Цултэм писал: «Древние художники работали в очень прочной, стойкой технике: они либо гравировали силуэт на поверхности скалы, либо закрашивали рисунок минеральной, преимущественно, красной краской» [4]. При этом небезынтересно отметить, что композиция древних монгольских художников, как правило, бывает тщательно продумана, образы героев и животных отражены характерным, рельефным, монументальным образом. И по мере развития и эволюции техники «Монгол зураг», в его палитре, как и во всей повседневной и обыденной монгольской культуре, преобладали в основном пять главных цветов – белый, синий, желтый, зеленый, черный.

Кстати сказать, и традиционная монгольская пища подразделяется на эти же цвета. При этом белому и синему цветам отводится сакральная роль. Белый цвет по убеждению Н. Цултэма – «мать-цвет»; «отцами цветов», по утверждению Сумбэ Хамбо Шибалжира в сочинении «Гирлянда цветов», признавались следующие семь: тэн-хох – лазуритовый, синий; ногоон – зеленый, шунх – ярко-красный, энгэсэг хурэн – коричневый, хонд – оранжево-красный, шар – желтый, арам хох – парижский синий» [4, с. 5].

Все производные цвета от вышеуказанного считались «сыновьями» «матери» (белого цвета) и семи цветов «отцов» – светло-красный, фиолетовый, голубой и т.д. Каждому цвету, как в живописной монгольской традиции, так и в культуре повседневной жизни, придавался определенный символический смысл: синий – ассоциировался с Хухэ Мунхэ Тэнгэри – Вечно Синим Небом; желтый – так как имел цвет золота – ассоциировался с богатством, любовью, духовностью; красный – с материальностью, радостью; позже – буддизмом, белый – со святостью,

непорочностью, чистотой; черный – с опасностью, бедствием, злом.

Монгольской этносфере были знакомы и геосимволические цвета. Так, например, правое крыло войска Чингисхана называлось Белой Ордой, а левое крыло – Синей Ордой [5].

Распространенную среди монгольских народов буддийскую иконографию относят к поздне-тибетской художественной школе. Основанная Г. Занабазаром (Ундэр Гэгэном) монгольская скульптурная школа творчески подходит к классике буддийского канона.

Иконописная традиция, сформировавшаяся на протяжении веков под влиянием «Монгол зураг», создает глубоко продуманные человеческие образы, в которых «Белая Тара» и «Зеленая Тара», столь популярные среди монгольских народов «с их удивительными пропорциональными соотношениями всех частей тела, с мягкой пластикой <...> предстают в облике простых земных монгольских женщин, нежностью и лаской благодетельствующих всех существ» [4, с. 7]. Техника приготовления грунта, растирание минералов для приготовления красок различного колора в традиционной монгольской живописной традиции, применение молочной водки (архи) с примесью клея органично были вплетены в традиционную канву изготовления буддийских танк.

Пространственно-временная ориентация в категориях и символах центрально-азиатской этносферы в мире людей базируется вокруг горы Меру и восьми сторон света, которые в традиционном мировоззрении имеют и цветовую символику, которая за небольшим разночтением по этнодифференцирующим признакам, практически совпадает с буддийской цветовой символикой обозначения сторон света и дхьяни-будд – Вайрочаин (Центр. Восток – белый); Акшобхой (Восток) – синий; Ратнасамхивы (Юг) – желтый; Амиабхи (Запад) – красный; Амогасиддхи (Север) – зеленый.

Огромный пантеон архаичных, шаманских и тэнгрианских божеств, представленный 99 тенгриями и различными локальными, региональными и территориальными божествами заменяется буддийским пантеоном будд и бодхисатв, где локальные и территориальные архаичные божества остались как хранители местности и локуса бытия не только монгольской этносферы, но и практически всех народов Центральной Азии, воспринявших буддийскую религиозную культуру [6].

Литература

1. Топоров В.Н. Космос. Мифы народов мира: энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – Т.2. – С.9–10.
2. Бира Ш. The Mongols and Christianity // Шагдарын Бира. Монголын Тэнгэрийн Узэл, Mongolian Tenggerism. Туувэр Зохиол, Баримт бичгүд // Selected Papers and Documents. – Улаанбаатар, 2011. – 482 с.
3. Мьяль Л.Э. Сансара // Буддизм: словарь. – М.: Республика, 1992. – С.222.
4. Цультэм Н. Монгольская национальная живопись «Монгол зураг». – Улан-Батор: Госиздательство, 1986. – С.3.
5. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. – М.: Наука, 1988. – С.155.
6. Абаева Л.Л. Буддийская культура: инновации и традиции в эволюции религиозных верований монгольских народов // Мир буддийской культуры: духовное наследие и современность: сб. ст. – Чита; Агинское; Улан-Удэ, 2006. – С.164–169.

Абаева Любовь Лубсановна, доктор исторических наук, профессор кафедры религиоведения и теологии Бурятского государственного университета, главный научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, e-mail: luba-abaeva@mail.ru

Abaeva Lubov Lubsanovna, doctor of historical sciences, professor, department of religious studies and theology, Buryat State University, chief scientific researcher, department of history, ethnology and sociology, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, e-mail: luba-abaeva@mail.ru

УДК 294.38

© Ж.А. Аякова

ОБ «АМЕРИКАНИЗАЦИИ» БУДДИЗМА

Сегодня буддизм в США представлен разными школами и направлениями и, являясь одновременно религией, философией и наукой, воспринят миллионами американцев по всей стране с целью духовного самосовершенствования и поиска путей гармоничного сосуществования с окружающим миром. Для евроамериканцев буддизм является, прежде всего, философским учением и источником мудрого отношения к жизни. Однако остается нерешенной проблема определения категории «буддист» в американском обществе.

Ключевые слова: азиатский буддизм, евроамериканский буддизм, секулярный буддизм, Далай-лама XIV.

ON «AMERICANIZATION» OF BUDDHISM

Nowadays Buddhism in the USA is represented by its different schools and being at the same time a religion, philosophy and science, it has been perceived by millions of Americans throughout the country for spiritual self-improvement and search the ways of harmonic coexistence with the environment. The Euro-Americans accepted Buddhism primarily as a philosophical doctrine and a source of wise attitude to life. However, the issue of the «Buddhist» category definition remains unsolved.

Keywords: the Asian Buddhism, the White Buddhism, secular Buddhism, the XIVth Dalai-lama.

Наряду с появлением буддизма как маргинальной религии китайских и японских иммигрантов на Западном побережье США несколько евроамериканцев в Нью-Йорке, занимающиеся теософией и спиритуализмом, начинают проявлять интерес к буддизму. Самыми известными из них были Е.П. Блаватская (Н. Blavatsky) и Г.С. Олкотт (H.S. Olcott). Деятельность созданного ими Теософского общества во второй половине XIX в. значительным образом способствовала распространению буддизма в США. В 1880 г. Е. Блаватская и Г.С. Олкотт стали буддистами, приняв Прибежище в Трех Драгоценностях (Будда, Дхарма, Сангха) и взяв пять обетов (панчашила) у буддийского монаха на Цейлоне (Шри-Ланка) [1]. В основу их исследовательской деятельности легли буддийские тексты и писания, особенно касающиеся учения Махаяны, с использованием специфической терминологии из санскрита, пали, тибетского, китайского и монгольского языков [2]. «Буддийский катехизис» (Buddhist Catechism) Олкотта выдержал 44 издания (к 1938 г.), был переведен на 20 языков и стал всемирно используемым учебником. А книга Е. Блаватской «Голос безмолвия» (The Voice of the Silence), написанная на основе древнейших тибетских манускриптов, до сих пор вызывает огромный интерес читателей. Спустя сто лет, в 1989 г., было выпущено юбилейное издание, предисловие для которого написал Его Святейшество Далай-лама XIV. В этом предисловии, озаглавленном «Путь Бодхисаттвы», он говорит, что книга Е. Блаватской оказывает сильное влияние на людей, которые искренне ищут и стремятся приобщиться к мудрости и состраданию [3].

Однако, одним из главных событий, обозначивших официальное появление буддизма на арене американской общественности, стало прибытие азиатских, в основном японских, буддийских лидеров в 1893 г. в Чикаго на Всемирный Парламент Религий (The World's Parliament of Religions), крупнейший межрелигиозный форум XIX в. Буддийскую делегацию представляли А. Дхармапала (Индия), Киндза Хирай,

Сойэн Сяки и Дзицудзэн Асидзу (Япония). Тогда буддизм с трибуны докладчиков показался слишком аскетичным и загадочным для публики, было ясно, что ему еще предстоит пройти путь к умам и сердцам американцев.

Сегодня буддизм в США представлен разными школами и направлениями, и, являясь одновременно религией, философией и наукой, воспринят миллионами американцев по всей стране с целью духовного самосовершенствования и поиска путей гармоничного сосуществования с окружающим миром. В настоящее время в США насчитывается от 3-х до 4-х млн буддистов [4] (согласно другим данным – от 5-ти до 6-ти млн [5]), из которых подавляющее большинство составляют азиатские американцы и азиатские иммигранты. Евроамериканских буддистов насчитывается около 800 тыс. чел. [4]. Деление буддистов на евроамериканцев, американцев азиатского происхождения и азиатских иммигрантов является одной из основных характеристик и отправной точкой для исследования буддизма в Америке. Между ними существуют отличия в религиозно-философском представлении и осуществлении практики буддизма.

Несмотря на представленную статистику, остается нерешенной проблема определения категории «буддист» в американском обществе. Несомненно, азиатские американцы и азиатские иммигранты являются буддистами, практикующими буддизм как религиозную традицию со всеми присущими ей ритуальными практиками и поклонением буддийскому монашеству. Большинство из них принимают Прибежище в Будде, Дхарме и Сангхе, что, по мнению профессора Кармы Лекше Тсомо, является одним из основных традиционных критериев идентичности буддиста¹. Его Святейшество Далай-лама XIV, отвечая на вопрос о том, что отличает буддистов от небуддистов, говорит: «С точки зрения Прибежища буддистом является тот, кто

¹Профессор Карма Лекше Тсомо предлагает термин «неазиатские американские буддисты» вместо «евроамериканские буддисты», учитывая растущее количество афроамериканских и латиноамериканских буддистов.

принимает Будду, его учение (Дхарму) и духовную общину (Сангху) как свое конечное прибежище. С философской точки зрения буддистом является тот, кто признает четыре принципа¹, подтверждающих, что учение является буддийским» [6]. Буддийская практика американских буддистов азиатского происхождения и азиатских иммигрантов заключается в посещении буддийских храмов и молельных домов, чтении мантр, отправлении религиозных обрядов и соблюдении ритуалов. Они отмечают буддийские праздники, справляют важные семейные события согласно буддийским традициям. Для евроамериканцев буддизм является, прежде всего, философским учением и источником мудрого отношения к жизни. Евроамериканские буддисты посещают публичные лекции и учения Его Святейшества Далай-ламы XIV и других учителей, черпают знания и буддийскую мудрость из книжных и других источников, занимаются медитативными практиками в различных дзен-дхарма-сангха центрах, реализуют социально значимые проекты, составляющие суть социально ангажированного буддизма. Слова С. Бэчелора (S. Batchelor), автора известной в Америке книги «Буддизм без веры», «Вам не нужно быть религиозным человеком, чтобы практиковать Дхарму» стали чрезвычайно популярными, ознаменовав, таким образом, общую тенденцию процесса американизации буддизма [7]. Бывший буддийский монах, буддист-агностик, как он себя называет, С. Бэчелор обрел широкую популярность в среде евроамериканских буддистов, проповедуя секулярный буддизм и обучая практикам медитации. Под его влиянием многие современные западные учителя и их последователи приняли буддизм не как религиозную веру, а как образ жизни, ведущий к обретению духовной свободы и личностной само.

Сложность категоризации евроамериканских буддистов вызывает нескончаемую дискуссию в среде американского научного сообщества. Дж. Нэттьер говорит о необходимости прийти к однозначному решению вопроса при изучении американского буддизма о том, кто может быть включен в категорию «буддист». Достаточно ли просто называть себя буддистом или существуют критерии, такие как вера, ритуальные практики, активное членство в буддийской организации или общине. Хотя эти вопросы возникают при изучении любой религиозной традиции, они особенно остры в случаях с религиями, которые

адаптируются и носят относительно немногочисленный характер, а еще меньшее количество людей имеют свой собственный религиозный опыт и знания. «Например, если второкурсник колледжа покупает книги по дзен-буддизму А. Уотса (A. Watts), читает их, ему нравится то, что он читает, и постепенно он начинает думать о себе, что он буддист – хотя не встречался ни с какими другими формами буддизма за пределами печатных листов – может ли он быть включен в контекст при изучении буддизма в Северной Америке?» [8].

Т. Твид (T. Tweed) выносит на обсуждение категорию «симпатизирующие буддизму» (Buddhist Sympathizers) или «найтстэнд буддисты» (Nightstand² Buddhists), для которых издания по буддизму, являются настольными книгами. Профессор Твид подчеркивает, что важно учитывать огромное количество американцев, для которых книжные, периодические, видео, аудио-издания по буддизму, являются интеллектуальной основой и мудрым руководством в их жизни, и хотя они не занимаются религиозными практиками и не принадлежат ни к каким буддийским организациям, называют себя «буддистами» [9]. Распространение буддийских знаний и ценностей посредством различных печатных и информационных изданий в Америке вылилось в так называемый «публичный буддизм» или «медиа-буддизм» [10]. Существует большое количество сайтов, посвященных буддизму и представляющих возможность для виртуального учения и практики. Благодаря онлайн-буддизму стали популярными такие термины, как кибербуддизм, кибер-сангха, кибер-храм, кибер-алтарь. Американские буддийские сайты обычно информационно насыщены и являются местом соединения традиционных буддийских верований и новых технологий, задача которых – сделать учение Будды доступным. Лекции Его Святейшества Далай-ламы XIV и других буддийских учителей транслируются в Интернете.

Особой популярностью среди евроамериканцев пользуются такие формы практики буддизма, как медитация и йога, из-за чего стремительно растет число дхарм-центров, предлагающих всевозможные системы обучения и практики. Однако Р. Вурст указывает на то, что из-за недостаточных знаний, многие американцы считают себя буддистами только потому, что они занимаются практиками медитации, проходят обучение на всевозможных курсах по медитативным системам или технике преодоления стресса. Большинство из них не знает о различ-

¹1. Все составное непостоянно; 2. Все загрязненные объекты есть страдание; 3. Все явления пусты и не имеют самости; 4. Нирвана есть покой.

² «Прикроватная тумбочка» (англ.).

ных традициях буддизма, и «что самое печальное, они на самом деле не особо заинтересованы в его изучении, предпочитая вместо этого заниматься чем-то “эзотерическим”, т.е. тем, что отличает их от других западных людей» [11].

Если буддийской медитацией предпочитают заниматься в основном евроамериканцы, то азиатские американские буддисты предпочитают ходить на молебны и отправлять религиозные нужды в храмах. Буддийские храмы и центры играют важную консолидирующую роль в жизни этнических общин. Поэтому буддизм в Америке характеризуется наличием большого количества буддийских храмов и центров, принадлежащих к самым разным школам и направлениям буддизма. Например, Д. Морреал (D. Moreale) в своей книге «Буддийская Америка: центры, ретриты, практики» попытался охватить практически все американские буддийские монастыри-храмы и центры, перечисление которых заняло 350 страниц.

Другим важнейшим фактором «американизации» буддизма является интерес к нему представителей научного и академического сообщества США. Курсы и дисциплины по изучению буддизма, тибетского языка и санскрита, обучение медитативным практикам проводятся во многих университетах и колледжах. Академическая буддология широко представлена в таких крупнейших университетах США, как Колумбийский университет (Columbia University) и Гарвард (Harvard University). В 1974 г. в г. Боулдер, штат Колорадо, был основан буддийский университет Наропы (Naropa University). Деятельность Университета Наропы, прежде всего, направлена на духовное образование и призвана, по сути, объединять представителей различных религиозных конфессий, национальностей и культур. Университет известен своей Школой поэзии имени Дж. Керуака (J. Kerouac), названной в честь американского писателя и поэта, одного из главных представителей битнического поколения, автора романов «Бродяги Дхармы» и «Сатори в Париже». Ее основателями считаются А. Гинзберг и А. Вальдман.

В некоторых университетах США буддизм преподают профессора – геше и геше-ма. С 2007 г. Его Святейшество Далай-лама XIV является заслуженным профессором (Presidential Distinguished Professor) Университета Эмори (Emory University) в Атланте, штат Джорджия. «Присутствие коллеги такой величины, как Далай-лама в нашем сообществе является бесконечным источником вдохновения и ободрения для наших преподавателей, сотрудников и студентов, поскольку мы стремимся реализовать

концепцию обучения и сердца и ума на благо всего человечества. Его лекции вносят значительный вклад в достижение стратегических целей университета и объединение крупного научного сообщества для решения актуальных проблем», сказал президент Университета Эмори Дж. Вагнер. Университет тесно сотрудничает с Американской Академией Религии (American Academy of Religion), самой крупной ассоциацией, объединяющей около 10 тыс. ученых и религиозных деятелей, профессоров и студентов.

С 1979 г. визиты в США Его Святейшества Далай-ламы XIV становятся регулярными. Ежегодно по приглашению американских ученых и общественных деятелей Его Святейшество дает публичные лекции в разных городах Америки, на которых собирается многотысячная аудитория. Профессор Дж. Хопкинс говорит: «Выступления Далай-ламы – яркое свидетельство его мощного интеллекта и способности выразительно и доходчиво излагать свои мысли в сочетании с характерным для него деятельным состраданием. Его речь идет от сердца и исполнена мудрости, почерпнутой из буддийской традиции, которая достигла высочайшего уровня развития в регионе распространения тибетской культуры» [6].

Литература

1. Olcott H.S. The great name in Buddhist history [Электронный ресурс]. – URL: [http:// archives.dailynews.lk/2009/02/17/fea03](http://archives.dailynews.lk/2009/02/17/fea03)
2. Richard P. Taylor Blavatsky and Buddhism, group in Buddhist studies. – Berkeley, 1999.
3. Blavatsky H. The voice of the silence. Centenary edition. – Santa Barbara: Concord Grove Press, 1989. – Foreword by the XIVth Dalai Lama.
4. Prebish C. Luminous passage: the practice and study of Buddhism in America. – University of California Press. – P.272.
5. Seager R.H. Buddhism in America. Columbia contemporary American religion series. – NY.: Columbia University Press, 1999. – P.11.
6. Далай-лама XIV. Гарвардские лекции (1981) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.theosophy.ru/lib/dl-harv.htm>
7. Batchelor S. Buddhism without beliefs. Riverhead books. – NY., 1997. – P.18.
8. Nattier J. Who is a Buddhist? Charting the Landscape of Buddhist America, in Charles S. Prebish and Kenneth K. Tanaka (eds), the faces of Buddhism in America. – Berkeley, CA: University of California Press? 1998. – P.184–185.
9. Tweed T.A. The American encounter with Buddhism 1844–1912. – Bloomington: Indiana University Press, 1992. – P.42–43.
10. Bielefeldt C. The Direction of Buddhism in America today [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.urbandharma.org/udharma5/tension2.html>
11. Wurst R. Sakyadhita in Western Europe: a personal perspective // Women's Buddhism, Buddhism's women: tradition, revision, renewal / edited by Ellison Banks Findly. – Boston: Wisdom Publications, 2000. – P.97.

Аякова Жаргал Аюшиевна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры связей с общественностью, социологии и политологии Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова, г. Улан-Удэ, e-mail: azhargal@yandex.ru

Ayakova Zhargal Ayushievna, candidate of philosophical sciences, senior lecturer, department of public relations, sociology and political science, Buryat State Academy of Agriculture named after V.R. Philippov, Ulan-Ude, e-mail: azhargal@yandex.ru

УДК 1 (091)

© Е.Ю. Банзаракцаева

БУДДИЗМ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ДРЕВНЕГО КИТАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТРАКТАТА МОУ ЦЗЫ «ЛИХОЛУНЬ»)*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Буддизм в социально-политических и культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы», №14-18-00444

В данной статье выявляются основные аспекты традиционного китайского мировоззрения на этапе проникновения и распространения буддизма в Китае. На примере трактата Моу Цзы «Лихолунь» рассматривается взаимодействие трех учений: конфуцианства, даосизма и буддизма. Анализируется адаптация буддизма к социокультурному пространству Китая.

Ключевые слова: буддизм, конфуцианство, даосизм, традиция, принцип, путь, общество, адаптация.

E.Yu. Banzaraksaeva

BUDDHISM IN SOCIOCULTURAL REALITY OF ANCIENT CHINA (BASED ON MOU ZI TREATISE «LIHUOLUN»)

This article reveals the main aspects of traditional Chinese worldview, which faced Buddhism on the stage of its penetration and spreading in China. Based on Mou Zi treatise «Lihuolun» example, the interaction between three doctrines: Confucianism, Taoism and Buddhism is considered. The path of Buddhism adaptation to China's sociocultural space is analyzed.

Keywords: Buddhism, Confucianism, Taoism, tradition, principle, path, society, adaptation.

В отличие от сотериологической направленности буддизма, китайская мысль всегда отличалась практицизмом и прагматизмом, она всегда была неотъемлемой частью социально-политической реальности и оказывала на нее влияние. Поэтому буддизму пришлось подстраиваться под китайские традиции, чтобы оправдать свое право на существование. Трактат «Лихолунь» 理惑论 представляет огромный интерес для изучения первых шагов буддизма в Китае, так как он был написан в самом начале проникновения буддизма в Китай, к тому же автором его является китайский ученый Моу Цзы 牟子, который аргументировано и последовательно отстаивает позиции буддизма через призму конфуцианских и даосских воззрений.

Время создания трактата «Лихолунь» вызывает множество дискуссий. Его автор Моу Цзы впервые упоминается в «Фалунь» 《法论》¹ как эмиссар императора Мин 明帝 (28–75) в эпоху Хань. Французские ученые Масперо и Пеллион

относят трактат к концу II в., а именно к концу правления династии Восточной Хань. Некоторые считают, что трактат был написан в эпоху Троецарствия. Голландский ученый Э. Цюрхер отмечает высокоразвитый и систематический принцип аргументации трактата и относит его только к IV–V вв. [1, с. 271]. В предисловии к самому трактату сказано, что Моу Цзы бежал в область Цзяочжоу из-за хаоса после смерти императора Лин 汉灵帝 (156–189). Таким образом, «Лихолунь» должен быть отнесен к эпохе Восточной Хань.

Ханьская эпоха ознаменована истинным расцветом науки, литературы, философии и искусства, когда укрепляются международные связи Китая за счет расширения внешней торговли и окончательно складываются базисные основы имперской государственности, включая ее социально-политические структуры и духовные устои. Но в то же время происходит и огромный кризис, который послужил толчком для поиска новых путей развития страны. Так, в начале эпохи мы наблюдаем возвышение и укрепление конфуцианства, которое оправдывало и освеща-

¹Первая часть антологии китайского буддизма, авт. Лу Чэн (425–494)

ло жесткую сословно-классовую иерархию, утверждало принцип единой государственной власти как единственно угодную Небу форму правления. Но далее, среди народа начинается тяга к даосизму, призывавшему к «пути естественности», не нарушающему законы Вселенной, и в это же время начинает распространяться буддизм. Эти три учения будут удовлетворять потребности и чаяния различных слоев китайского общества, удивительным образом дополняя друг друга и образуя синтез учений «сань цзяо» 三教.

Конфуцианство, занявшее главенствующую позицию в эпоху Хань и ставшее официальной идеологией, проповедовало по сути то, что уже было прописано в древнейших памятниках «Ши цзин», «Шу цзин», «Ли цзи» и т.д. Древнекитайская мысль выдвинула на передний план практические нормы морали, оттеснив естественнонаучные наблюдения. Более того, в традиционной китайской системе мышления место индивида занимала социальная сумма личностей [6, с. 52], первостепенную роль играло не индивидуально-личное восприятие и осознание проблемы бытия, а социально значимое и детерминированное внешними силами (Небо, дао и т.д.) поведение людей [6, с. 53].

Ритуал, культ предков и древности, принцип сыновней почтительности, принцип постоянного совершенствования себя – все эти нормы, воспетые в классических памятниках и укрепленные конфуцианством, стали выполнять роль социальных регуляторов в обществе. Каждый знал свое место и что ему нужно делать: «Правитель должен быть правителем, подданный – подданным, отец – отцом, сын – сыном». Ничего нового предпринимать не нужно, ведь уже существуют образцы порядка и гармонии, созданные Яо, Шунем и другими великими правителями из прошлого, нужно всего лишь свято следовать им. Отход же от принятых норм влечет за собой кару Неба и нарушение гармонии космических стихий инь и ян. Административные функции государства проецируются на семью. Если, к примеру, сын соблюдает принцип сыновней почтительности сяо (заботится о родителях при жизни, почитает их после смерти), то таким образом он совершает администрацию не только на уровне семьи, но и на уровне государства в целом, ибо крепкая семья, крепкие родственные связи являются залогом сильного государства.

Полемика буддизма и конфуцианства о важнейших аспектах традиционной китайской духовной культуры ярко отражена в трактате «Лихолунь». Композиционно трактат выстроен в

форме диалога между Моу Цзы и его оппонентом, что по стилю сходно с главной книгой конфуцианства «Лунь юй». Однако в «Лихолунь» собеседником Моу Цзы выступает именно оппонент, который не просто задает вопросы, а пытается всячески опровергнуть учение буддизма.

Нужно отметить, что Моу Цзы был превосходным знатоком канонов конфуцианства и других школ. Наслышанный о его обширных знаниях, префект города Цан У 蒼梧 (родной город Моу Цзы) несколько раз призывал Моу Цзы на государственную службу, объясняя это тем, что у талантливого ученого «есть все, что нужно, он и войне, и культуре может помочь» [1, с. 9]. Краткие биографические сведения о Моу Цзы мы видим в предисловии трактата. Этот эпизод с приглашением находчивого ученого на государственную службу также характерен для эпохи Хань, ведь именно в то время окончательно складывается особое социальное сословие ши («служилая интеллигенция»), которое посредством своей творческой активности содействовало упрочнению правящего режима и удовлетворению духовных нужд национальной государственности [7, с. 61].

Культ знания, воспетый еще в древности, выдвигается на передний план в конфуцианстве, которое ратовало за постоянное совершенствование человека на пути от сяо жень («маленького презренного человека») к цзюньцзы («благородном мужу»). Административная система нуждалась в умных и способных выходцах из низов, которые могли бы взять на себя нелегкую задачу умелого управления Поднебесной [3, с. 198]. Но Моу Цзы от предложенных почестей учтиво отказывался, видимо потому, что государственная служба его не интересовала, и он следовал буддийскому пути.

На протяжении всего диалога-спора в «Лихолунь» Моу Цзы демонстрирует потрясающие знания конфуцианской классики, даосских канонов и исторических фактов, а также предельно четко аргументирует позиции буддизма. Оппонент Моу Цзы называет Конфуция и «У цзин» образцами пути воспитания и морального воздействия, «У цзин» в его понимании предстает как практическое пособие по решению всех проблем и объяснению всего. Он упрекает буддийский путь в «смутности, неопределенности и отсутствии реальных вещей» [1, с. 17]. Моу Цзы сначала говорит: «Мы же не должны уважать и ценить только те вещи, которые хорошо знаем, и презирать вещи, с которыми мало соприкасаемся, так мы можем сбить с толку себя и упустить

что-то в своей собственной природе. Поведение нельзя отделить от достижения пути и нравственности» [1, с. 17]. Затем он очень деликатно разъясняет путь Будды через призму традиционного китайского мировоззрения: «Путь (Дао) это такая вещь, что дома согласно ему ухаживаешь за родителями; когда правишь государством, чиновниками и народом, тоже следуешь ему; в одиночестве с Дао познаешь себя физически и духовно. Если ты поступаешь согласно Дао, то Дао наполняет весь мир, проявляется в каждом месте и мгновении. Если ты отбросишь его и не будешь следовать ему, будет выглядеть, как будто бы он исчез, но на самом деле и тогда он не оставляет тебя» [1, с. 18]. «Реальные вещи», о которых говорит оппонент, это то, что человек может применить на практике.

Для древнекитайской мысли была характерна не умозрительность, а практичность и конкретность. Моу Цзы в этом отрывке взывает к конфуцианскому ритуалу и к даосской категории всепроникающего Дао, началу всех вещей. Таким образом, автор показывает, что стремится заполнить не только философско-религиозную (центральную в буддизме), но и социально-политическую нишу (центральную в конфуцианстве).

Оппонент утверждает, что в конфуцианском «Семикнижии» 七经 ничего не упоминается о пути Будды. «Раз путь Будды самый почетный, самый обширный и глубокий, почему ему не следовали Яо, Шунь, Чжоу Гун и Конфуций? Неужели можно уйти от конфуцианской классики и практиковать какой-то другой священный Путь?» – спрашивает он [1, с. 22]. Моу Цзы говорит, что благородный муж извлекает положительные стороны из разных школ и направлений, чтобы самосовершенствоваться. «Яо обучался у Инь Шоу 尹寿, Шунь обучался у У Чэна 务成, Чжоу Гун – у Лю Вана 吕望, Конфуций – у Лао Даня 老聃, этого не встретишь в «Семикнижии». Все эти четыре учителя – мудрецы, но в сравнении с Буддой... это как белый олень и единорог, ласточка и феникс. Облик Будды удивителен и великолепен, он меняется на глазах с молниеносной быстротой, чудодейственные силы его не имеют границ. Как могли Яо, Шунь и другие упустить возможность поучиться у Будды и поклониться ему как учителю? В «Семикнижии», возможно, есть упущение, посему мы не видим там записей о Будде, но что в этом сомнительного и странного?» – парирует он [1, с. 22].

Принцип «сыновней почтительности» понимался как исключительно важная моральная

норма в мировоззрении китайцев, поэтому включить этот принцип в свой арсенал было важным для буддизма [5, с. 6–14].

Это также нашло отражение в трактате «Лихолунь». Оппонент утверждал, что человек не должен повреждать то, что от природы дано ему родителями (тело, волосы, кожу), и обвинял буддийских монахов в том, что они противоречат принципу сыновней почтительности, остригая волосы. Тогда Моу Цзы привел в пример притчу, в которой сын спасает своего отца от утопления, схватив его за волосы и перевернув так, чтобы вода вытекла изо рта, и отец пришел в сознание. По конфуцианским меркам он поступил непочтительно, но зато спас отцу жизнь. Моу Цзы показал, что главное – не соблюдение внешних признаков почтительности, а спасение ближнего [5, с. 6–14].

Далее он приводит в пример наставников древности, которые носили короткие волосы, татуировали свое тело, совершали акты членовредительства, но которые в Китае считаются благородными людьми, «преисполненными рыцарского духа» [1, с. 26]. К этой теме оппонент возвращается несколько раз. Он осуждает буддийских монахов за то, что они отказываются от своих семей и богатства, либо вовсе не женятся, а ведь для мировоззрения китайца самое непочтительное – не иметь потомства [1, с. 27]. Кто тогда, если не потомки, будут совершать подношения предкам и чтить их, и тем самым поддерживать веками устоявшуюся традицию, которая является залогом благополучия государства?

Моу Цзы прибегает к даосской категории «недеяния» у вэй, чтобы объяснить сущность пути Будды: «Жена и богатство – это излишки жизни; достигнуть совершенства в у вэй, в тишине и спокойствии – вот в чем заключается глубина и тонкость Пути» [1, с. 27]. Далее Моу Цзы поясняет, что чтение классики, изучение ритуала и этикета, стремление к человеколюбию и справедливости, культивирование всех этих вещей из поколения в поколение – все это лишь «средний уровень познания нравственности» [1, с. 28]. Главное же – это полное успокоение страстей и желаний, истинное познание [1, с. 28]. «Буддийские монахи отказываются от мирских удовольствий, чтобы практиковать добродетель в отшельничестве; оставляют жену, детей, наслаждение семейным счастьем, чтобы жить тихой и скромной жизнью, в этом нет ничего удивительного, но в то же время нет ничего более удивительного!» [1, с. 28]. Раз за разом оппонент хочет упрекнуть буддизм в несоблюдении принципа сыновней почтительности:

«Жертвовать отцовские деньги прохожим людям не может считаться истинным благодеянием. Когда родители еще живы, заменять их какими-то другими людьми – негуманно. Но в буддийских сутрах говорится, что принц должен взять богатство отца и раздать его незнакомым людям, государственное состояние раздарить своим врагам, свою жену тоже подарить другим людям. Непочтительно относиться к родителям, но почтительно относиться к другим людям – полностью противоречит ли (ритуалу); не любить своих близких, а любить других людей – противоречит благодеяниям. Принц не проявляет ни сыновней почтительности, ни гуманности, но буддисты очень почитают его, поражаюсь им!» [1, с. 37–38]. Буддисты, в свою очередь, не привязываются к вещам материального мира и широко практикуют путь щедрости и заботы о всех живых существах: «Все вещи мира не являются постоянными, они находятся в круговороте непостоянства, рождения и смерти, следовательно, деньги (богатство) не являются личным достоянием какого-то одного человека, поэтому, свободно делая пожертвования, вы практикуете высший путь. Принц так и сделал, благодаря чему, в его стране воцарилось благоденствие, враги больше не нападали, сам он достиг просветления, родители, братья и сестры тоже достигли освобождения. Если это не сыновняя почтительность и не гуманность, тогда что вообще значат сыновняя почтительность и гуманность?» [1, с. 38]. Здесь Моу Цзы также затрагивает социально-политический аспект мировоззрения китайцев в том, что любая идеология должна иметь практическую пользу для создания идеального общества и государства в целом. Так, на уровне буддийской практики даения можно осуществить государственные задачи по усмирению врагов, а также по культивированию традиции в том плане, что щедрый человек прославляет своих родителей, тем самым почитает их и помогает им также приблизиться к совершенному состоянию.

Моу Цзы разделяет социальные позиции конфуцианства и даосизма с буддизмом: «Хорошо осведомленные люди не спугают, что Яо, Шунь, Чжоу Гун и Конфуций нацелены управлять государством и обществом, а Будда и Лао Цзы стремятся к у вэй (недеянию). Что касается благородных мужей, то они или активно участвуют в общественной жизни или живут отшельниками, они либо хранят молчание, либо выступают с речью в Поднебесной – все делают прекрасно, но не распускают себя. В этом и состоит ценность Дао, что его можно использовать по-разному» [1, с. 30]. Дао для Конфуция означало

высший порядок в обществе, то состояние социальной гармонии и политической строгости и стройности, которые существовали при великих мудрецах древности [3, с. 231]. Дао для буддистов и даосов означает мирное и спокойное состояние невмешательства в естественный ход вещей, но это полностью не отгораживает их от социальной жизни. Они, совершенствуясь сами, распространяют и учат таинствам Пути других людей, помогают совершенствоваться другим.

В чисто философском плане, конечно же, даосизм явился помощником буддизма в вопросе о приспособлении нового учения к традиционной китайской мысли. Истинной целью человеческого существования даосизм объявляет достижение человеком полной идентичности с сущностью мира [7, с. 235], слияния с дао, растворение своей самости в природе. Для этого нужно практиковать у вэй «недеяние», т.е. отказ от любого вида деятельности, противоречащей «естественности». Для обретения этого состояния, предлагаются специальные практики психотренинга, направленные на выявление изначально заложенных в человеке «космических зачатков» и на подчинение психофизиологических процессов универсальным космическим закономерностям, с тем чтобы устранить все препятствия для их естественного самопроявления на микроскопическом уровне [7, с. 235].

Все это очень созвучно с буддизмом. Так, Дао можно сравнить с абсолютной реальностью в буддизме, понимаемой как Единое сознание, Абсолютный ум или экачитта, порождающая как сансару, так и нирвану. А упомянутые «космические зачатки» это словно «зародыши Будды» из буддийской теории Татхагатагарбхи, которые изначально присутствуют в человеке, но проявляют себя также посредством практики «опустошения» сознания от всех событий эмоциональной жизни. Когда сознание утрачивает свои различающие функции, оно превращается в «чистую зеркальную мудрость» [8, с. 63], таким образом, космос проявляет себя в человеке, а человек достигает единства с космосом.

Помимо вышеупомянутого параллелизма в философских понятиях буддизма и китайских учений, одним из важнейших факторов, способствовавших укреплению буддизма в Китае, было отсутствие высокоразвитой религии. Культ предков, связанный с представлениями о духе и душе, приоткрывал завесу загробного мира, но в целом эти представления не занимали существенного места в жизни китайского общества. Китайцев привлек новый религиозный идеал спасения, представленный буддизмом, который полагал жизнь как страдание и предлагал мо-

дель индивидуального спасения или избавления от страданий через следование заповедям благородного Восьмеричного пути. Эти конкретные рекомендации о пути к спасению определяют и социальную функцию учения. С одной стороны, следование пути нравственного совершенствования и духовного делания дает возможность держать свои желания и эмоции под контролем и достичь конечной цели, а с другой стороны, это обеспечивает общественный порядок. Привнесенные из буддийского учения мифологемы рая и ада психологически воздействовали на людей и определяли их поведение.

Оппонент Моу Цзы задает вопрос: «Стремишься к Дао – можешь умереть, не стремишься – тоже умираешь. В чем тогда различие?» На что Моу Цзы отвечает: «Хотя люди, добившиеся претворения Дао в жизнь, тоже неизбежно умирают, после смерти их души приходят в обитель счастья и благоденствия и, напротив, люди, творившие зло, после смерти неизбежно подвергаются несчастьям» [1, с. 32]. А на неверие оппонента в жизнь после смерти, Моу Цзы приводит пример из традиционного обряда китайцев, когда после смерти человека вызывают к его имени на крыше дома. Тем самым он хотел сказать, что вызывают к его душе. «Если душа вернется, то человек родится заново, если нет, значит, она превратилась в голодного духа [1, с. 31]». Также Моу Цзы сравнивает тело с корнями и листьями, а душу – с семенами. Корни и листья исчезают, семена остаются; тело умирает, дух остается.

Таким образом, опираясь на социально-политические аспекты конфуцианства и философские категории даосизма, буддизм вскоре прочно закрепился на китайской земле, а китайская культура вновь доказала свои удивительные способности к обновлению и синтезу. Буддизм столкнулся с очень развитой и самобытной культурой и мировоззрением, в котором традиции играли первостепенную роль. Новое учение вынуждено было приспособливаться к этим традициям, отчеканенным веками. Философский, а не религиозный и не идеологический путь буддизма, трансформировался в социокультурной реальности Китая, подстроился под чаяния китайцев, в мировоззрении которых создание идеального государства было самым важным. Более того, создание традиции, которая бы двигала всех к совершенному человеку и государству, было делом первой необходимости в китайском обществе. Для этого из поколения в поколение переходили культ предков, древности и знания,

стремление к совершенствованию себя, а все стороны общественной жизни были подкреплены ритуалом ли, который являлся своего рода упорядоченной формой правильной жизни. Буддизм должен был вступать в активную социальную деятельность, чтобы утвердиться на китайской земле.

Стремление китайцев к знанию, к мудрости не могло не повлиять на интерес к новому учению, тем более что в нем было много созвучных моментов с конфуцианством и буддизмом, как это было рассмотрено в трактате «Лихолунь». Предложенный буддизмом новый сотериологический идеал – следование пути и как следствие избавление от страданий жизни и обретение совершенного духовного состояния либо блаженство после смерти – был воспринят дружелюбно. Более того, всеобщее равенство людей на пути достижения спасения помогло найти огромное количество сторонников среди простого народа, а ведь до этого духовная жизнь Китая была строго «элитарной». Под влиянием буддизма традиционная китайская религия выходит на более высокий уровень. Китайские философские учения и буддизм находят друг в друге ресурсы для взаимного обогащения и развития.

Литература

1. 弘明集/牟子理惑论 – 北京:中华书局 Хунминцзи // Моу Цзы. Лихолунь. – Пекин, 2011.
2. 刘立夫:弘道与明教—《弘明集》研究 – 北京:中国社会科学出版社 Лю Ли Фу. Исследование «Хунминцзи». – Пекин, 2004.
3. Васильев Л.С. Древний Китай: в 3 т. – М.: Восточная литература, 2006. – Т.3.
4. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / под ред. М.Л. Титаренко. – М.: Восточная литература, 2006.
5. Янгутов Л.Е., Бадмаева Д.Б. Трактат «Лихолунь» и добуддийские верования китайцев // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Философия, социология, политология и культурология. – 2007 – №13. – С.6–14.
6. Васильев Л.С. Некоторые особенности системы мышления, поведения и психологии в традиционном Китае // Китай: традиции и современность: сб. ст. / под ред. Л.П. Делюсина. – М., 1976.
7. Кравцова М.Е. История культуры Китая. – СПб.: Лань, 1999.
8. Торчинов Е.А. Введение в буддологию: курс лекций. – СПб., 2000.

Банзаракцаева Елена Юрьевна, аспирант кафедры философии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: banzai-kytuk@mail.ru
Banzaraktsaeva Elena Yurievna, postgraduate student, department of philosophy, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: banzai-kytuk@mail.ru

УДК: 111.852 : 159.937.7

© О.П. Дударь

СИНЕСТЕЗИЯ КАК ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

В статье изложены результаты исследования спектра представлений современной науки о синестезии и установлено, что наиболее распространенными направлениями его изучения являются биолого-психологический и литературно-искусствоведческий. Рассматриваются основные аспекты анализа синестезии как эстетического феномена. Акцентируется внимание на ее связи с эстетическими ценностными ориентациями творческой личности. Также автор выдвигает предположение, что синестезия как эстетический феномен стимулирует эстетический мотив творчества у человека.

Ключевые слова: синестезия, хроместезия, фотопсия, фотизм, кинетикосинестезия, цветомузыка.

O.P. Dudar

SYNESTHESIA AS AN AESTHETIC PHENOMENON

In the article the results of spectrum concepts study in modern science on the phenomenon of synesthesia are presented, and it is found that the most common areas of its consideration are biological and psychological, literary and art criticism fields. The basic aspects of synesthesia analysis as the aesthetic phenomenon are considered. The attention is drawn to the relation of synesthesia to aesthetic value orientations of the creative personality. The author also put forward the proposal that synesthesia as the aesthetic phenomenon stimulates the aesthetic motive of human creativity.

Keywords: synesthesia, chromesthesia, photopsia, photizm, kinetic synesthesia, color music.

Рассматривая стимулы развития современного искусства, художественной культуры и эстетосферы социума в целом стоит обратить внимание на потребность отдельных людей в выражении себя на основе творческой деятельности. Это позволяет увидеть всю важность анализа природы эстетической потребности и роли синестезии в становление чувственного, практически-эстетического опыта человека.

Синестезия – особый вид восприятия, во время которого задействованы различные способы чувственного реагирования индивида на мир. Люди, наделенные способностью к синестезии, имеют несколько своеобразное, особое чувственное отношение к действительности, уникальные ценностные и экзистенциальные структуры бытия. Это позволяет им создавать инновации несколько необычные, с точки зрения окружающих. Учитывая, что в большей степени в современной науке представлен интерес к синестезии в психологическом срезе, а также литературно-искусствоведческом аспекте, можно утверждать о необходимости более углубленного анализа синестезии, и прежде всего ее феноменальных проявлений, с целью углубления понимания эстетических детерминант этого явления.

Стоит отметить, что в последние годы наблюдается возрастание интереса к синестезии. Во многих научно-развитых странах возникли синестезийные общества, которые предлагают ознакомиться с историей изучения синестезии, пройти тест для выявления способности к синестезии и т.д.

Как пример – российским психологом А. Сидоровым-Дорсо создан сайт синестезийного общества «Синестезия», которое стремится изучать ее роль в развитии науки и искусства России. Исследователь утверждает о связи синестезии с особенностями познавательных процессов и творческими способностями человека, а также исследует данное явление в контексте когнитивной лингвистики [1].

При рассмотрении научной литературы, словарей и энциклопедических источников различных научных направлений, привлекает внимание неоднозначность толкования, как природы, так и специфики явления синестезии. А также фиксируется ряд близких по содержанию понятий, например, хроместезии, фотопсии и т.п. Такая ситуация свидетельствует, на наш взгляд, о необходимости углубления знания конкретно о синестезии. Необходимо указать, что, с точки зрения спектра наличных представлений, не фиксируется единодушие относительно природы указанного понятия. Большинство ученых, и прежде всего специалистами в области психологии, нейрофизиологии, психиатрии (С. Диденко, Т. Емельянова, М. Зайцева, В. Ивановский, В. Леви, Л. Маловицкая, А. Ребер, О. Сарнавская, А. Сидоров-Дорсо и т.д.) синестезия понимается как полимодальное ощущение, возникающее, когда при стимуляции одного канала сенсорной информации, стимулируется одновременное появление ощущений, присущих другому каналу (часто ассоциативно). Утверждается, что синестезия может проявляться по-

разному: как норма, например, появление цветовых ассоциаций у человека при прослушивании музыки [2, с. 248–249] или как патология, в частности в форме галлюцинации (С. Диденко) [3]. Но фиксируемая разность представлений об ее истоках и проявлениях свидетельствует о необходимости окончательного исследования некоторых моментов, прежде всего ответа на вопросы: имеет ли это явление нормальный или аномальный характер проявления; элитарное или же неэлитарное распространение; какие его виды или формы связаны с эстетическими моментами человеческой жизни.

В качестве рабочей гипотезы исследования предполагается: во-первых, что понятие синестезии следует рассматривать родовым по отношению к понятиям хроместезии, фотопсии, фотизма, кинетикосинестезии и т.д., так как синестезия имеет разность в феноменальных проявлениях. Во-вторых, необходимо подразумевать под синестезией явление нетипичного реагирования человека на информационные потоки, которые он расширено по сравнению с другими людьми получает из внешнего мира. Также предполагается связь степени развития синестетических возможностей человека с его эстетическим опытом.

Основная цель данного исследования – анализ синестезии как эстетического явления при изучении ее феноменальных проявлений. Задачами: анализ биографического материала для выявления возможности сочетания у одного человека разных видов синестезии, на примере изучения творческой биографии известного русского художника В. Кандинского; рассмотрение связи эстетических моментов жизни творческой личности с ее синестетическими возможностями; изучение влияния на развитие синестетических возможностей человека непосредственной социальной среды.

Теоретико-методологической основой выступают, прежде всего, работы Е. Хубарда, в которых обращено внимание на тот факт, что проявления синестезии имеют исключительно личностно-индивидуальный характер, а также указывается, что в познавательном аспекте синестезия представляет собой нетипичную ассоциацию отдельного человека [4].

Проанализированы работы исследователей, которые рассматривают синестезию при попытке эстетического анализа: И. Абдуллина, И. Ванечкина, Б. Галеев, Т. Емельянова, М. Зайцева, Г. Карельский, О. Сарнавская. Нам близка мысль российских исследователей Б. Галеева и И. Ванечкиной, которые при изучении синестезии и влияния на человека светомузыки придержи-

живаются мнения о необходимости более конкретного и четкого описания содержания данного понятия в тех науках, для которых она представляет интерес, чтобы избежать разности смысла в употреблении данного понятия. Как полагает Б. Галеев, изучая понятие синестезии, важно учитывать, что оно складывается из двух частей – «син-эстезис», и вторая часть понятия при этимологической расшифровке, по его мнению, неправильно трактуется исследователями. Он считает, что синестезию следует отнести к «сложным специфическим формам невербального мышления, возникающим в виде “сопредставления”, “со-чувствования”, но отнюдь не “со-ощущения”...» [5]. Также для Б. Галева представляет интерес влияние установок нормативной эстетики на изучение синестезии и роль последней в развитии эстетики и поэтики русского символизма в начале XX в., основной акцент он делается на эстетической ценности синестезии для развития разных видов искусства (музыка, литература, поэзия, живопись и т.д.) [6; 7].

Среди современных эстетических исследований по синестезии, на наш взгляд, следует обратить внимание на работы О. Сарнавской и Т. Емельяновой. Интересной, с точки зрения нашего исследования, представляется идея Т. Емельяновой, которая использует возможности биографического метода, изучая абстракционизм в искусстве XX в. и старается объяснить специфику творческого пути В. Кандинского как основателя абстрактного искусства и носителя синестезии [8]. В контексте исследования затронутой проблемы важны наработки О. Сарнавской, которая изучает синестезию несколько с иной стороны, обращая внимание на синестезийные истоки вербальной и невербальной коммуникации в контексте развития эстетической чувственности. Синестезию она рассматривает как систематический признак эстетической чувственности, а также проявление особого, индивидуального мировоззрения [9].

Важно подчеркнуть, что синестезию сложно изучать вне интроспекции или, не прибегая к анализу биографического материала (мемуары, воспоминания современников и т.п.), когда речь идет о попытке реконструкции опыта синестета – носителя синестезии, в том числе его эстетического опыта.

Необходимо указать, что при изучении феноменальных проявлений синестезии важно обратить внимание на явление хроместезии. О природе последней ученые имеют недостаточное представление, и ее не всегда связывают именно с синестезией. Понятие хроместезии в

психологии употребляется для обозначения феномена нетипичного цветового реагирования на зрительные стимулы – как «цветной» или «хроматический слух» у некоторых людей [2, с. 449]. Отметим, что в данном случае признается, что хроместезия – это форма чувственного реагирования человека, при которой невизуальные стимулы вызывают у отдельных людей цветовые ассоциации. Но важно помнить, что в искусствоведческих и эстетических работах о некоторых известных деятелях искусства утверждается, что они имели «цветной» слух: А. Скрябин, Н. Римский-Корсаков, М. Чюрльонис и др. [6; 7; 8; 9]. В таком случае ее следует считать разновидностью синестезии, при которой ощущения цвета могут вызываться у синестетов специфическими слуховыми стимулами.

Фотопсии или фотизмы понимаются в психологической литературе как субъективные световые или цветовые ощущения, не связанные с передачей или воспроизведением характерных свойств определенных фигур или форм объектов. Как предполагается, они могут вызываться тактильно-механическими и даже токсичными раздражениями зрительного анализатора [10]. Это могут быть мерцающие точки, искры, световые зигзаги и др. Но подчеркнем, что здесь вновь имеет место попытка объяснения этого явления вне связи с синестезией. Хотя есть и попытки отдельных психологов рассматривать их в некоторых случаях как разновидность синестезии, в частности А. Ребер относит сюда: «1. Галлюцинация яркого света; 2. Восприятие цветов при воздействии стимулов другой, не зрительной модальности, форма синестезии» [11]. Поэтому важно обратить внимание на работы американских специалистов в области нейроинформатики, М. Саенз и К. Коха, которыми описан новый вид синестезии [12]. Он касается людей, которые слышат звуки во время созерцания движимых объектов и изображений на мониторе.

Данный вид синестезии был случайно обнаружен специалистом Калифорнийского технологического института М. Саенз: один из ее студентов во время хаотического передвижения точек на мониторе компьютера слышал звуки, которых присутствующие не слышали. Как выяснилось позже, молодой человек воспринимает движущиеся объекты на слух на протяжении всей своей жизни и считает это чем-то вполне обычным для людей. Изучив историю данного вопроса, М. Саенз и ее коллега не смогли найти случаев описания подобной разновидности синестезии в научной литературе.

В связи с этим мы считаем целесообразным употреблять понятие «кинетикосинестезия», если речь идет о свето- и цветокинетических чувственных репрезентациях людей, носителей синестезии. Представляется важным изучение ее связи с другими видами синестезии в контексте эстетического опыта человека. В качестве примера можно вспомнить феномен знаменитой Р. Кулешовой, у которой в развитой форме было проявлено «цветотактильное» зрение. Эта женщина фиксировала цвет изображений, которые визуально не могла видеть, а только проводила ладонью над ними [13, с. 16].

Как известно, в научных исследованиях к носителям синестезии отнесены личности, связанные со сферой искусства: К. Бальмонт, С. Барретт, Ш. Бодлер, И. Гете, В. Кандинский, Ф. Лист, Д. Майер, О. Мессиян, В. Набоков, А. Рембо, Н. Римский-Корсаков, К. Сараджев-Сараджян, А. Скрябин, А. Чехов, М. Чюрльонис и др. Подобное может объясняться двумя причинами: 1) носители синестезии наиболее ярко проявляют себя в этой сфере; 2) они более открыто делятся о своем экстраординарном чувственном опыте, например, в мемуарной литературе, автобиографиях, переписке и т.д. Поэтому обратим внимание на это, и попытаемся более пристально взглянуть на синестезию как эстетический феномен. И обратимся в связи с этим к анализу биографии известного художника и теоретика искусства XX века – В. Кандинского.

Исследуя жизнь и творчество В. Кандинского важно отметить, что он был неординарной личностью с особенным, художественным мышлением, а не только неординарным художником и теоретиком искусства. Этот момент не столько привлекает внимание исследователей, в отличие от поиска им новых форм выражения в современном искусстве. И когда речь идет об этом художнике, прежде всего, на наш взгляд, акцентируется внимание на его попытках синтеза разных видов искусства, и как бы в тени – мысль о нем как о носителе синестезии: «В связи с разного рода синестетическими идеями возникала концепция синтеза искусств, которой в теории Кандинского отведено особое место». Или же: «У Кандинского были вполне оригинальные представления о синтезе, хотя он и опирался на какие-то традиции. Он верил в то, что произведение любого вида искусства, не выходя за его пределы, обладает синтетическими возможностями... <...> Как и поэты-символисты, Кандинский выступает против прямолинейного толкования синтеза как элементарного удвоения или утроения одной и той же художественной мысли разными видами искусства, принимающими

участие в создании синтетического произведения» [13, с. 16]. Поэтому мы стремимся акцентировать внимание на том факте, что неординарность восприятия мира этим человеком стимулировала его эксперименты и теоретические изыскания относительно путей развития искусства благодаря синтезу его видов.

Кандинский, по-видимому, необычно воспринимал звуки определенной тональности. У него, как известно, есть статья с несколько необычным названием – «Желтый звук». И он уделял внимание не только развитию живописи, в том числе анализируя роль ритма для картины, но и музыки. В статье «Битва за искусство» художник даже ставит задачей поднять на уровень музыки живопись. А в работе «О духовном в искусстве (живопись)», анализируя творчество П. Сезанна, В. Кандинский написал: «Он давал этим вещам красочное выражение, которое создавало внутреннюю художественную ноту, звук, и вдвигал и даже втискал их в формы, которые поднимались им до высоты абстрактно звучащих, гармонию лучеиспускающих, часто математических формул» [14, с. 106]. Как видим, для него П. Сезанн – носитель более утонченных чувств, в отличие от многих современников. Но когда обращаешь внимание на слова, которыми Кандинский пытается описать свое видение творчества Сезанна, то возникает мысль, что его метафорические словесные «новоделы» – это результат необычного восприятия мира самим В. Кандинским. Он словно ассоциирует цвет и звук, даже цвет и звучание слова. Другими словами, речь идет о нем именно как о носителе хроместезии. Возможно, и фотопсии, учитывая его слова о лучеиспускающих формулах.

Но у него, возможно, были и другие необычные ассоциации – тактильно-визуальные или визуально-тактильные. Ведь он утверждает: «Некоторые краски представляются негладкими, колючими, причем другие, напротив, воспринимаются как нечто гладкое, бархатоподобное, так что все их хочется погладить (темный ультрамарин, зеленая окись хрома, краплак)» [13, с. 111]. К тому же, одна краска воспринимается художником как мягкая при взгляде на нее, а вот другая – жесткой и т.д. Так мог написать только тот, кто подобное ощущал. Но такая ассоциация цвета и тактильного ощущения довольно нетипична. И можно утверждать, что он носитель нескольких разновидностей синестезии. Этим можно объяснить его нетривиальность как художника: у него необыкновенная чувственная база отношений с миром.

Кроме того, следует обратить внимание еще на один момент стимулирования творчества художника, а именно: стимулирование внешним источником – средой, в которой он пребывал. В литературе отмечается связь В. Кандинского с немецкой интеллектуальной средой, прежде всего мюнхенской: В. Громан, П. Вейс, Р. Воштон-Лонг, А. Цвайте и др. Обращается внимание и на русскую интеллектуальную среду – Д. Боулт, Д. Сарабьянов, Е. Халь-Кох и др. В последнем случае не остается без внимания роль московской, петербургской, одесской художественной интеллигенции в развитии творчества В. Кандинского: «Российские корни и контакты были не менее значительными, чем немецкие. Совершенно ясно, что В. Кандинский, находясь в Мюнхене или в Париже, следил за российской художественной жизнью, был в курсе очень многих дел, так как часто бывал в Москве, Петербурге, Одессе» [13, с. 10]. Мы же хотим обратить внимание и на нечто другое, а именно, что будущий художник провел детские и юношеские годы в Одессе (с 5 до 17 лет). Это время, когда в нем укреплялось мнение о себе как художнике. Но Одесса в то время – это недавно созданный город, город переселенцев, в котором отсутствовала «жесткая» культурная традиция, в отличие от Москвы или даже Петербурга. И этот многонациональный город имел неповторимый колорит, отличался наличием разных национально-культурных традиций. В нем довольно легко уживались еврейская музыка с цыганским танцем, восточный базар с архитектурной традицией «а-ля Ришелье» и т.п.

Такая культурная традиция, на наш взгляд, давала возможность мальчику, юноше с необычным восприятием мира не чувствовать себя слишком не уютно – в этом городе «белая ворона» в таких условиях чувствовала себя, по-видимому, довольно сносно. И в этом городе ценилось искусство, прежде всего музыка и театр. Для образованных людей, «социальной элиты» здесь важно было иметь эстетический опыт. Поэтому носитель синестезии как бы стимулировался к значительному эстетическому развитию.

Обратим внимание на то, что утверждается, будто В. Кандинский воспринимал цвета как звуковые стимулы, классифицируя их при помощи ароматов, звуков и форм (синий – круг, красный – треугольник и др.), и легко отыскивал гармонию в сочетании цветов, как развлечение [15]. Но еще раз отметим: у него было несколько видов синестезии: «цвет – звук», «цвет – запах», «цвет – форма» и т.д. А это уже некий одновременный комплекс: нетипично широкое восприя-

тие внешнего мира. Но возможно, это было целостное, нерасчлененное восприятие объектов действительности, учитывая, что он имел и модальности «цвет – тактильное ощущение», «звук – тактильное ощущение». Но может быть и так, что В. Кандинский просто не скрывал то, что переживали и переживают другие носители синестезии.

Показательным представляется и тот факт, что А. Балла, поддерживая мнение российского исследователя Д. Сидорова-Дорса, считает, что многие известные художники-синестеты таковыми не являлись от рождения. К таким «псевдосинестетам» российские исследователи и относят В. Кандинского, а еще и А. Мессиаана, Н. Римского-Корсакова, А. Скрябина, А. Шенберга и многих символистов: «Символистов вообще волновала идея соотношения между различными, пожалуй, удаленными друг от друга областями бытия, и они пытались опробовать ее в художественном воплощении» [15, с. 61]. Хотя другие исследователи, а именно: И. Абдуллин, Б. Галеев (основатель группы исследователей синестезии при Казанском научно-исследовательском институте «Прометей»), И. Ванечкина, А. Овсянников, исследовавшие синестезию и цветомузыку, считали тех же А. Скрябина или Н. Римского-Корсакова (а также Б. Асафьева, К. Бальмонта, М. Горького, К. Сараджева) ярко выраженными синестетами [7]. Как видим, имеет место не достаточная научная проработка вопроса: становятся ли синестетами (разной степени проявления) люди со значительным эстетически-художественным опытом, или же синестетами рождаются, и потом пытаются социально «реабилитировать» себя, занимаясь искусством?

Весьма показательно, что в последние годы возросло количество научных исследований наработанных в пределах биолого-психологических наук к выявлению различных видов синестезии. И для психологии, а также для биологических наук важно сделать акцент на особом сенсорном субстрате, на котором при определенных обстоятельствах возникает это явление. Ученые в этой области знания рассматривают его по-разному: как проявление нормального существования человека, и как патологическое. В целом гуманитаристикой сделан акцент на синестезии как особом познавательном феномене, для которого имеет значение особая чувственность человека. Мы же видим связь между экстраординарной чувствительностью и такой стратегией мышления человека как художественное мышление (для него важен не только эстетический опыт и поиск эстетической ин-

формации, но и эстетический мотив творчества). Поэтому предполагаем связь между художественным мышлением синестетов и их эстетическими ценностями, ориентациями не только в творчестве, но и жизни. И в этих моментах, по нашему мнению, и следует изучать синестезию как эстетический феномен.

Литература

1. Сидоров-Дорсо А.В. Синестезия естественного развития в рамках теории о способностях: анализ современных исследований // Психология. – 2013. – №2. – С.173–180.
2. Ребер А. Большой толковый психологический словарь. – М.: Вече, АСТ, 2001. – Т.2 (П-Я).
3. Діденко С.В. Клінічна психологія: словник-довідник. – Киев: Академвидав, 2012. – С.320.
4. Hubbard E.M. Synaesthesia: the sounds of moving patterns // Current Biology. – 2008. – Vol.18, Issue 15. – P.657–664.
5. Галеев Б.М. Проблема синестезии в эстетике // Современный Лаокоон: эстетические проблемы синестезии. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – С.5–9.
6. Галеев Б.М. Синестезия в эстетике и поэтике символизма // Синтез в русской и мировой художественной культуре: материалы 4-й науч.-практ. конф., посвящ. памяти А.Ф. Лосева. – М.: Изд-во МПГУ, 2004. – С.50–55.
7. Галеев Б.М. Влияние нормативной эстетики на изучение синестезии // Системно-синегертическая парадигма в культуре и искусстве: материалы симпозиума. – Таганрог: Изд-во ТГПУ, 2004 [Электронный ресурс]. – URL: http://synesthesia.prometheus.kai.ru/vlnorm_r.htm
8. Смелянова Т.В. Абстракціонізм в контексті культуротворчих процесів ХХ століття (естетико-мистецтвознавчий аналіз): автореф. дис. ... канд. філос. наук. – Киев, 2002. – С.14.
9. Сарнавська О.В. Синестезійні витoki естетичної чуттєвості: автореф. дис. ... канд. філос. наук. – Киев, 2011. – С.25.
10. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. – М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – С.632.
11. Saenz M., Koch C. Synaesthesia: the sounds of moving patterns // Current Biology. – 2008. – Vol.18, Issue 15. – P.650–655.
12. Дудар О.П. Синестезія та її феноменальні вияви: гносеолого-психологічний, літературо-мистецтвознавчий та аксіолого-естетичний зрізи // Гуманітарний часопис. – 2014. – №3. – С.81–87.
13. Кандинский В.В. Избранные труды по теории искусства: в 2 т. – М.: Гилея, 2001. – Т.1.
14. Дзюба І.М. Енциклопедія сучасної України. – Киев: Фенікс, 2012. – Т.12 (Кал–Киї). – С.210–211.
15. Балла О. Похрустывая цифрой «три». Диалоги синестета и исследователя // Знание – сила. – 2011. – №1. – С.57–66.

Дударь Оксана Петровна, аспирант кафедры эстетики, этики и изобразительного искусства Житомирского государственного университета им. И. Франко, г. Житомир, e-mail: Xenia1988@ukr.net

Dudar Oksana Petrovna, postgraduate student, department of aesthetics, ethics and arts, Zhitomir State University named after I. Franko, Zhitomir, e-mail: Xenia1988@ukr.net

РАЗВИТИЕ ПЕВЧЕСКОГО ИСКУССТВА В КОНТЕКСТЕ БОГОСЛУЖЕБНОГО ПЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В статье рассмотрен переломный период в истории русской музыки, положивший начало новому развитию певческого искусства, период тяготения к западным традициям многоголосного пения и попыток возвращения к истокам древнерусского пения. Особое внимание отводится приоритетной роли певческого воспитания малолетних певчих, представляющих будущее поколение в области хорового искусства.

Ключевые слова: партесное пение, профессиональные хоры, церковное пение, многоголосие, вокально-хоровое искусство, певческая традиция, малолетние певчие.

I.A. Skripacheva, G.N. Devyatkina

DEVELOPMENT OF SINGING IN THE CONTEXT OF LITURGICAL SINGING IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

In the article a crucial period in the history of Russian music is considered, which initiated the new development of the art of singing, the period of inclination to the Western traditions of polyphonic singing and attempts to return to the sources of ancient Russian singing. Special attention is paid to the prior role of singing upbringing in young singers representing next generation in the field of choral art.

Keywords: part singing, professional choirs, Church singing, polyphony, vocal and choral art, singing tradition, young singers.

Самобытность русской национальной культуры обусловила первичную форму музыкального искусства России – пение. В русской музыкальной культуре главенствовало хоровое пение, поэтому вплоть до XVIII в. профессиональная русская музыка активно развивалась в данном направлении. Цель статьи – проанализировать влияние западной музыки на исконно русское певческое искусство в дореволюционной России и выявить причины возросшей потребности к возрождению традиций, заложенных в древнерусском церковном пении.

Принятие христианства явилось мощным толчком для развития церковного пения, и именно поэтому весь период с конца X до середины XVI вв. можно обозначить как этап становления профессионального хорового пения на Руси. Чтение, письмо и пение составляли основное содержание индивидуального и группового обучения. Как правило, обучение начиналось с семи лет, центрами же образования в древней Руси были монастыри и княжеские дворы. Так, например, в 1086 г. Анна, старшая дочь Всеволода Ярославича, открыла при Андреевском монастыре училище для девочек, где обучали чтению, письму и пению. Дети низших сословий учились преимущественно в монастырских школах, а также у священников – «мастеров грамоты». Были и мастера пения, которые специально обучали детей музыке.

В Древней Руси музыканты практически всегда были связаны с каким-либо хором: патриаршим, государевым или монастырским. К концу

XVII в. хоры делились на станицы, в которых были певчие дьяки и поддьяки. В монастырях хоры собирались из монастырской братии. Вместе с тем, церковное пение являлось одной из обязательных дисциплин в школах X в., которые готовили лиц высшего сословия и грамотного духовенства. Это был важный период в истории отечественной музыкальной культуры, самобытность и архаичность которой положили основу для всего дальнейшего процесса формирования русских традиций хоровой музыки.

Закреплению хоровых традиций способствовала организация специальных певческих школ. Подобные школы существовали в Москве, Пскове и других городах. Московский церковный собор 1551 г. констатировал, что «прежде сего в российском царствии на Москве, в Великом Новгороде и по иным городам многие училища бывали» [1]. Церковное пение в школах включалось в содержание общеобразовательного обучения «Положением о начальных народных училищах» 1864 г. Необходимость церковного пения объяснялась целью обучения того времени – «утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные и полезные знания» [2].

Известно, что музыке, музыкальному образованию придавал немалое значение и царь Иван Грозный. По его инициативе Московский собор 1551 г. обязал духовенство всех городов организовать у себя на дому детские школы «на учение грамоте и на учение книжного письма и церковного пения псалтырного». Тот же собор по

предложению Грозного ввел «на Москве и во всех московских пределах» многоголосное пение, которое до того времени практиковалось лишь в Великом Новгороде и Пскове. Певческие школы готовили певчих для различных хоров. «Отроки» (малые певчие) были частью мужского церковного хора. Наиболее раннее упоминание об использовании в церковном пении детских голосов имеется в «Сказании действенных чинов Московского Успенского собора» и относится к 1621 – 1622 гг.

В XV в. появляются первые древнерусские теоретические пособия, «музыкальные азбуки», которые изначально входили в составы певческих книг и ограничивались перечнем специальных знаков – знамен. Позже к перечислению добавилось «толкование знамени», состоящее из исполнительского объяснения («как поется») и распределения «по гласам» [3]. К XVI в. завершился процесс становления русского осьмигласия. В древнерусском певческом искусстве этого времени знаменный распев достиг наивысшего расцвета своего развития, появились также новые виды – путевой и демественный. Одинаковые по структуре со знаменным распевом, они пополнились более богатыми интонационными красками, их яркий характер связывают с общим подъемом русской культуры XVI – начала XVII вв.

С 60-х гг. XVII в. в государевом хоре певцов разделяют на вершников, демественников, путников и нижников, что связано с переходом к многоголосию. С появлением мелодических оборотов, связанных с гомофонно-гармоническим стилем, изменяются попевки знаменного распева, что ведет возникновению термина «партесный распев», подразумевающему существование в знаменном пении одновременно нескольких. В музыкальном искусстве формируется принципиально новый стиль – партесное пение, его отличительной чертой стало многоголосие, преимущественно аккордового склада, с разделением хора на группы голосов. Это новое явление показательно для хорового творчества новой переходной эпохи. Так, в XVII в. знаменную монодию сменяет многоголосный стиль, вобравший в себя ряд ее элементов. Активизируется процесс «обмирщения», усиления светского начала.

Первое сообщение о партесном пении относится к 1652 г. и связано с прибытием в Москву одиннадцати киевских певчих, упоминается и о том, что в этом же году восемь остались в столице «на вечное житье» [4]. Они составили особую станицу государевых певчих дьяков. Никон, вступивший на патриарший престол, получил

полную поддержку распространения партесного пения со стороны царя Алексея Михайловича, несмотря на раскол в русской православной церкви. Именно союз царя Алексея Михайловича и патриарха Никона сыграл большую роль в организации новых школ. Одно из первых учебных заведений было организовано при Андреевском монастыре, последующие в Иверской и Чудовой обители, на Государевом и Патриаршем дворах. Появляется заинтересованность государства в деятельности монастырей.

Петр I, обратив внимание на благоприятное воздействие партесного пения, включил его в программу воспитания царевича Алексея. Наряду с традиционным обучением певчих в церковных хорах начинают действовать новые учебные заведения – музыкантские школы, где дети обучаются игре на духовых инструментах и пению. Воспитательное значение хорового пения по велению Петра I было отражено в «Духовном регламенте» новгородского архиепископа Феофана Прокоповича, предписывающем изучение церковной и светской музыки.

Красочность мелодического рисунка распевов в XVII в. сменяется стремлением к упрощению мелодики. Появляются греческий и болгарский распевы, их рождение связано с политической стороной развития московского государства на рубеже XVI–XVII вв. Лозунг всей политики этого периода исторического времени – «Москва – Третий Рим». В XVII в. укрепляется связь с греческой церковью, чье высшее духовенство участвует в богослужениях русской православной церкви. Так появляются предпосылки для создания славяно-греко-латинского училища. Наряду с превосходным «греческим» появляется болгарский распев.

В русском певческом искусстве XVII в. появляются «киевский», «тихвинский» и другие распевы, в которых отражаются местные традиции. Впервые рождаются авторские сочинения, но информации о них не сохранилось, так как мастера пения лишь делали надписи имени умершего автора, сочинившего тот или иной распев. В певческих книгах содержались распевы в разных стилях. В некоторых книгах рекомендовалось петь с верхним голосом, на два голоса. Хорошим владением строчного многоголосия славился Новгород, где располагалась крупнейшая певческая школа, которая сохранила за собой это право до XVI в., внося большой вклад в становление русских певческих традиций. К XVI в. Москва становится центром культурной жизни Руси, в том числе и центром развития церковного пения.

В XVIII в. традиция партесного пения получила благотворное развитие, прежде всего в профессиональных хорах, к которым относились: придворный хор (будущая имперская Придворная певческая капелла) и хор патриарших певчих дьяков (будущий синодальный хор). Они предназначались для участия в придворных церковных службах и увеселения царя на торжествах. Певчие исполняли церковные и светские песнопения, например виватные канты. С выделением Придворного хора из прочих происходит абсолютизация хорового искусства в России.

Вокальная работа в Придворной певческой капелле была поставлена на высокий уровень, что давало хору возможность с блеском справляться со сложными партиями в итальянских операх. С детского возраста мальчикам-певчим прививались навыки русских певческих традиций: распевность, вокализация на гласные, медленные темпы, удобный диапазон. Ко времени появления итальянской оперы Россия имела вековую хоровую культуру. Одним из ярких итальянских мастеров работавших в Придворной певческой капелле был В. Манфредини. Система вокальной итальянской техники описана им в работе «Правила гармонические и мелодические для обучения всей музыки». Что немаловажно, впервые в западной вокально-методической литературе тех времен автор высоко оценивает пение без сопровождения, по-видимому, испытывав на себе влияние русской школы пения.

С рождением партесного концерта появилась крикливая и подчеркнутая манера пения, которая была до этого неприемлема в русском хоровом пении. Начиная с 1937 г. приглашенные с Запада певцы стали исполнять оперы, в которых принимали участие русские хоры. Оперные постановки были весьма популярны и пользовались большим успехом у зрителей. Великолепное звучание русских хоров в операх приводило иностранцев в восторг, многие уверяли, что ничего подобного за пределами России им не приходилось ранее слышать.

Все больше приглашалось певцов детского возраста в итальянские оперы из Придворной певческой капеллы. Необходимо было пополнять капеллу новыми поющими детьми. Первой в России школой общежительского типа для отбора и подготовки музыкально одаренных мальчиков была школа в Глухове. В 1738 г. императрица Анна издает указ об основании в Глухове певческой школы, для чего гетманом Украины были присланы 11 певчих. Основной задачей здесь ставилось овладение многоголосием. Глуховская школа – первое государственное учебное хоровое заведение, она просуществовала

сорок лет, и из ее стен вышли известные композиторы и педагоги – Д. Бортнянский, М. Березовский и др. Обучение вокальной подготовке глуховские дети получали на высоком уровне. Так, малолетние певцы успешно справились с оперой «Цефал и Проксис», спетой на русском языке и поставленной в Петербурге. К сожалению, методик работы данной школы не сохранилось.

Наиболее одаренные мальчики переводились в Петербургскую школу Придворного хора малолетних. Известно, что прибывшим мальчикам из Глухова устраивался экзамен, после которого их принимали в число придворных певчих, где они попадали под опеку взрослых. Спевки в Придворной капелле проводились ежедневно по три часа стоя. Учитывая высокий уровень исполнения капеллы хоровой музыки, стоит обратить внимание на некоторые репетиционные моменты, например, деление хора не по партиям, как сейчас, а на несколько составов из общего хора с равным количеством голосов в партиях. Интересна традиция Придворной капеллы, передавать опыт вокального мастерства певчим детям. К каждому маленькому певцу прикреплялся взрослый певец, который был его наставником в пении. Малолетние певчие, с детства воспитанные на традициях капеллы, повзрослев, имели профессиональный опыт, что давало им возможность продолжать петь, учить и работать в церквях регентами.

Придворная певческая капелла в период руководства Д.С. Бортнянским находилась на вершине художественного мастерства. Бортнянский особо заботился о вокальной культуре певцов, следил за профессионализмом каждого певца с детских лет, занимался индивидуальным вокалом. Это привело к изгнанию из исполнения капеллы крика и вычурности. Представляя эмпирическую школу, Бортнянский, выходец глуховской хоровой школы, считал подражание голосу учителя лучшим методом. Но, безусловно, он владел не только мастерством показа голосом, но и знаниями вокально-технических приемов.

По принципу Придворной певческой капеллы были созданы частные певческие школы, чей контингент состоял из числа крепостных детей, обладавших хорошими музыкальными данными. Так была создана известная частная певческая школа графа Н.П. Шереметьева. Большую популярность и славу этой школе принес один из ее руководителей – Г.Я. Ломакин. Свою методику обучения певчих он изложил в книгах: «Краткая метода пения» и «Руководство к обучению пению». Отметим, что по вопросам дыхания,

сглаживания регистров, звукообразования автор не вносит никаких существенных изменений к существующим уже подходам.

В 1677 г. появляется значительный в истории музыкальной культуры музыкально-теоретический труд, связанный с обучением в области вокально-хорового искусства, – «Мусикийская грамматика» Н.П. Дилецкого. Работа содержала наиболее полное изложение композиционных основ партесного пения и служила основным пособием для изучения теории музыки и техники многоголосного хорового письма. В одном из разделов «Грамматики», посвященном обучению пению детей, Дилецкий определял необходимые дидактические принципы – наглядность, последовательность, заинтересованность, эмоциональную отзывчивость.

Современник И. Коренева, Н.П. Дилецкий в своем произведении дал четкое определение самому понятию музыки: «Музыка есть то, что своим пением или игрою возбуждает сердца человеческие к веселию, или к сокрушению, или к плачу» [5]. Эта концепция в дальнейшем превратилась в единственно возможную. Труд «Мусикийская грамматика» Н.П. Дилецкого – весомый вклад в развитие музыкально-теоретической мысли второй половины XVII в. Это одно из первых в России методических пособий по вокально-хоровому искусству, в котором автор указывает на отличие пения от разговорной речи, выдвигает основные положения вокала – дыхание, формирование гласных, дикции. Таким образом, указанный труд (переведенный с польского на русский язык) можно рассматривать как теоретическую основу русской хоровой школы второй половины XVII в.

Вместе с тем на рубеже XIX–XX вв. наряду со взлетом исполнительского хорового искусства происходит упадок русского церковного пения. Это связано не только с проблемами обучения церковному пению. Правовое и материальное положение регентов и певчих оставляло желать лучшего. Введение общенародного пения в храмах привело к пестрому певческому составу церковных хоров. К сочинительству церковной музыки обратились многие – не только профессиональные композиторы, но и «малообразованные регенты, и слегка соприкоснувшиеся с музыкой священнослужители разных рангов» [6]. Отсюда – разностильность и номерное восприятие богослужебной музыки.

Яркая музыка, с большими звуковыми массами, фактурными контрастами, присущая западноевропейской музыкальной культуре, стала неотъемлемой частью и русской хоровой музыки. Партесные концерты явились связкой между

старым стилем знаменного пения и новым – концертным партесным стилем. И все же усиление просветительских тенденций в России первой половины XIX в. привело к острой борьбе против иностранного засилья. В области хорового исполнительства предпринимается попытка восстановить национальные певческие традиции. Появляются ученые, изучающие знаменное пение: С. Смоленский, А. Кастальский, В. Металлов и другие. Основное направление этого времени – возрождение православного русского пения средствами современного языка. Активным инициатором этого направления стал С. Смоленский, воплотивший свои идеи на практике в Московском Синодальном училище.

В творчестве композиторов А. Гречанинова, А. Кастальского и С. Рахманинова просматривается соединение древней монодии и новых тенденций гармонического языка. Однако церковное пение перестает быть молитвой, становясь художественным произведением.

Начавшийся с середины XVII в. процесс расцерковления сознания и жизни русского общества привел к утрате свойств каноничности в церковном пении. Композитор С.В. Протопопов в 1901 г., в статье «О художественности в хоровом исполнении» писал: «Музыка каждого богослужебного чина должна быть целостным и законченным произведением с определенным, ему лишь свойственным музыкальным характером, а не походить на... сборник всевозможных мелодий разнообразного характера и стиля» [7].

Русские хоры ставили перед собой не только просветительские цели, участие в хоровых коллективах воспитывало и просвещало самих певчих, обогащало их в духовно-нравственном отношении. Поэтому нельзя недооценить роль церковных хоров, участие в них малолетних певчих, от воспитания которых во многом зависело будущее русской культуры в целом.

Важные эстетические позиции конкретизировались в педагогической работе видных русских педагогов, в частности К.Д. Ушинского (1824 – 1871), утверждавшего, что «запоет школа – запоет весь народ», и Н.Ф. Бунакова (1837 – 1904), учебный план которого наряду с историей, географией и литературой включал пение светских песен.

Интересны и высказывания Б. Асафьева, выделявшего в качестве характерной черты русской культуры «то активное, своеобразно-ценное и богатое возможностями в русском быту использование музыки, которая с давних пор проявлялась в народе в неизбежном стремлении к пению вместе – семьей, артелью, массой – и служило выражением отклика на жизнь» [8].

В целом в этот период, как и все искусство, музыка была направлена на служение религии, что обусловлено историческими событиями этого времени: раздробленность Руси, татаро-монгольское нашествие. Отсюда ее более медленное развитие, чем в Западной Европе. Неоспорима роль русской православной церкви, которая по праву является родоначальницей и хранительницей профессионального певческого искусства в России. Веками сформированный менталитет русского человека всегда тяготел к совместному преклонению перед Богом.

Изучение исторического хода становления русской певческой культуры необходимо для переосмысления и развития современного хорового искусства. Для понимания хода развития певческой культуры в России важно проанализировать этапы его возникновения и развития, прежде всего в области церковного пения, которое и является источником его зарождения.

Знакомство с русской системой хорового пения, ее становлением и развитием в дореволюционный период нашей истории помогает определить правильный путь дальнейшего расцвета хорового искусства в России. Анализ накопленных веками знаний в области хорового пения побуждает к необходимости обращения к утерянным традициям и переосмыслению их значимости в современных исторических условиях.

Литература

1. Ильин В.П. Очерки истории русской хоровой культуры. – М., 1985. – С.12–15.
2. Багадуров В.А. Очерки по истории вокальной педагогики: в 3 ч. – М., 1956. – Ч.3. – 223 с.
3. Соловков И.А. Начальное образование в России XIX – начала XX века. – М., 1992. – С.3–6.
4. Ундольский В. Замечания для истории церковного пения в России. – М., 1994. – 222 с.
5. Смоленский С. Мусикийская грамматика Дилецкого. – СПб., 2010. – 149 с.
6. Романовский Н. Русский регент. – Лебедянь, 1992. – 94 с.
7. Протопопов В.А. Музыка русской литургии: проблема цикличности. М.: Композитор, 1999. – 101 с.
8. Асафьев Б. О хоровом искусстве. – М., 1984. – 294 с.

Скрипачева Ирина Александровна, доктор культурологии, профессор кафедры гуманитарных наук Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма, г. Тольятти, e-mail: skripka1958@yandex.ru

Девяткина Галина Николаевна, аспирант Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма, преподаватель хора Православной классической гимназии, г. Тольятти, e-mail: ladya9@yandex.ru

Skripacheva Irina Alexandrovna, doctor of culturological sciences, professor, department of the Humanities, Academy of Retraining in Arts, Culture and Tourism, Togliatti, e-mail: skripka1958@yandex.ru

Devyatkina Galina Nikolaevna, postgraduate student, Academy of Retraining in Arts, Culture and Tourism, lecturer of the choir, Orthodox Classical Gymnasium, Togliatti, e-mail: ladya9@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

О НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «БУДДИЗМ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ»

28–31 мая 2014 г. состоялась международная научная конференция, которую провел Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

В работе конференции приняли участие зарубежные ученые из США, Индии, Франции, Монголии, Узбекистана, Польши, российские ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Калмыкии, Тувы, а также ученые Улан-Удэ – представители ВУЗов – БГУ, ВСГУТУ, ВСГАКИ.

Цель конференции – обсуждение актуальных проблем буддизма в изменяющемся мире, его места и роли в условиях вызовов третьего тысячелетия, а также состояния и перспектив буддологической науки, координации усилий ученых разных стран по изучению истории, сотериологии, философии, психологии, буддизма, его взаимодействия с наукой.

Перед началом работы конференции было зачитано послание Его Святейшества Далай-ламы XIV Тензина Гьяцо, в котором буддийский лидер подчеркнул, что «учения, проповеданные Буддой Шакьямуни в Индии более двух тысяч лет назад, остаются и сегодня живыми и актуальными для мира» и что пока мы продолжаем испытывать «коренные страдания, которые проистекают из неведения, привязанностей и ложных воззрений, до тех пор буддизм сохраняет свое значение, и нет смысла спрашивать, релевантен ли он для современности». Он также отметил, что «в отличие от других религиозных традиций, буддизм выдвигает идею взаимозависимости, которая в высшей степени созвучна фундаментальным концепциям современной науки». Далай-лама, подчеркивая актуальность буддийских ресурсов для современного мира, обратил особое внимание на буддийский рационализм и традицию древнеиндийского монастыря Наланда, наследником которой является он сам как тибетский монах.

Его Святейшество отметил также важность и научную значимость данной конференции и пожелал успехов в ее проведении.

На пленарном заседании прозвучали доклады члена-корр. РАН Б.В. Базарова (Председатель Бурятского научного центра, директор ИМБТ

СО РАН), проф. Самдонга Ринпоче (первый ректор Центрального университета тибетологических исследований, глава Офиса Его Святейшества Далай-ламы, Сарнатх, Дхарамсала, Индия), проф. Р.А. Турмана (Президент Американского института буддологии, профессор отделения индо-тибетских буддологических исследований имени Чже Цонкапы Колумбийского университета, Президент «Тибет Хаус», Нью-Йорк, США), проф. Нгаванг Самтена (ректор Центрального университета тибетологических исследований, Сарнатх, Индия), проф. М. Юлена (Парижский университет Сорбонна, Париж, Франция), проф. Л.Е. Янгутова (заведующий отделом философии, культурологи и религиоведения ИМБТ СО РАН) и д. филос. н. И.С. Урбановой (главный научный сотрудник ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ, Россия).

В докладе Б.В. Базарова были отмечены основные вызовы XXI в., с которыми сталкивается буддизм. Рассмотрены возможности буддизма в решении проблем в области политики, образования, здравоохранения, культуры, природоохранной деятельности. Отмечен потенциал буддизма в разрешении современных конфликтов, его роль в решении проблемы соотношения традиционных ценностей и ценностей XXI в. Большое внимание докладчик обратил на актуальность и значимость буддийского образования как одной из важнейших и основных форм сохранения культуры. И эта значимость не только сохраняется в современных общественных и политических процессах, но и неуклонно возрастает. Отметив духовно-нравственный и философско-мировоззренческий потенциал буддизма, докладчик подчеркнул, что сегодня он является духовным императивом для тех, кто его исповедует, а также фактором стабильности и взаимопонимания между народами и культурами. В настоящее время буддизм сохраняет высокую адаптивную способность. На протяжении длительного своего существования и развития он обеспечивал мирное взаимодействие и взаимообогащение с традиционными обществами. И эти качества приобретают особую значимость в III тысячелетии, когда буддизм дает достойный ответ на вызовы современности.

Самдонг Ринпоче в своем выступлении затронул три основных вопроса относительно буддизма и его роли, месте в современном мире. Первый вопрос касался представлений о том, что же такое буддизм и что такое, в частности, тибетский буддизм, какова его роль в цивилизационном пространстве Центральной Азии, его влияние на культуру стран Европы и США. Далее докладчик затронул те вызовы и проблемы, которые стоят перед тибетским сообществом. И, наконец, в третьей части докладчик коснулся тех возможностей, которые открывает современность перед буддизмом. Раскрывая суть первого вопроса, Самдонг Ринпоче отметил, что само выражение «тибетский буддизм» вызывает у него некоторое неудобство, поскольку традиция дхармы не может быть полностью соотносена с каким бы то ни было народом и с какой бы то ни было географической территорией. Буддизм – это учение Будды. И если все же соотносить буддизм с какой-то территорией, то это, конечно, должна быть родина Будды, а именно Индия.

Также были рассмотрены место и роль тибетского буддизма в цивилизационном пространстве Центральной Азии, его влияние на культуру стран Европы и США. Было подчеркнуто, что главное в буддизме – это внутренняя духовная гармония. Были затронуты проблемы буддийского образования.

Р.А. Турман уделил внимание вкладу буддизма в глобальную цивилизацию в контексте современного мирового кризиса. Основной лейтмотив его выступления сводился к тому, что идеи буддизма о взаимозависимости всего сущего, их единстве и гармонии должны быть руководящими принципами во взаимоотношениях народов и стран. Корни современных проблем следует искать там же, где заложены причины материального успеха индустриального общества, сегодня поставившего нашу планету на грань уничтожения, – в стремлении человека к контролю над внешним миром и над другими людьми. По мнению Р.А. Турмана, индустриальное развитие, глобальное изменение климата, социальная паника, миграции, политический кризис и прочие проявления кризиса современной цивилизации – все это следствия упомянутой фундаментальной иллюзии человека о себе. Под властью этой иллюзии современные правительства ведут себя нереалистично, и точно так же нереалистично ведут себя представители современной науки, полагающие, что их тип знания является самым высшим. Но в действительности современная наука не имеет дела с реальностью. Настоящий реализм присущ буддизму.

Нгаванг Самтен говорил о революционном влиянии буддизма на интеллектуальный климат всего мира, взаимном обогащении буддизма и других философских школ в ходе взаимодействия и взаимовлияния, а также о принципиальной связи духовности и философской теории реальности в буддизме. Он раскрыл смысл четырех философских печатей буддизма и объяснил, почему правильное философское воззрение так значимо для духовной практики. Тем самым Нгаванг Самтен коснулся вопроса сущности революции, которую Будда совершил в культуре духовности. Докладчик отметил также, что в исследовании сознания буддизм имеет гораздо больший опыт, чем современная наука, хотя у науки и буддизма сходные подходы, поскольку они изучают реальность при помощи анализа и исследований. Он остановился также на плодотворности диалога между наукой и буддизмом, начавшегося по инициативе Его Святейшества Далай-ламы. По его мнению, этот диалог весьма полезен для современной науки, так как он открывает ученым новые горизонты, позволяет им прикоснуться к буддийским знаниям. Таким образом, современные ученые могут найти то недостающее звено, которое, возможно, столь необходимо современной цивилизации. Кроме того, это позволяет современной науке стать более целостной.

Выступление проф. М. Юлена было посвящено теме экологического измерения буддизма. Известный французский индолог рассказал на примере древней Индии об эко-духовности традиционных обществ, которая позволяла на протяжении тысячелетий коллективно использовать ресурсы планеты и поддерживать экологические балансы природы. Характеризуя современный глобальный кризис со всеми его катастрофическими проявлениями, которые говорят о стремительном истощении ресурсов Земли, нехватке энергии и сырья для обеспечения базовых человеческих потребностей и самых элементарных услуг и удобств, проф. М. Юлен отметил: «Природа была преобразована и подверглась насилию. Вопрос сейчас не в том, как подчинить Природу, а в том, как подчинить того, кто подчиняет Природу». В результате проведенного анализа он приходит к выводу: «Таким образом, без Дхармы никакая экология невозможна! Тонкий, саморегулирующийся самоподдерживающийся баланс жизненных циклов не может быть сохранен. Драма нашего времени в том, что мы неизмеримо увеличили нашу силу воздействия на мир, не увеличив и не усилив одновременно наше осознание Дхармы».

Доклад Л.Е. Янгутова и И.С. Урбанаевой на тему «Буддизм и буддология в Бурятии: основные вехи, достижения, перспективы» начался с обоснования положения о том, что буддийскую традицию в Бурятии следует в ее доктринальной сущности квалифицировать не как бурятский буддизм, а как традицию индо-тибетской махаяны в Бурятии. Были рассмотрены принципиальные сходства в процессах распространения буддизма в Тибете, Монголии и Бурятии, противоречивые факторы формирования «ламаистской церкви» в России, история альтернативных движений и форм социальной организации буддизма в Бурятии, а также такая отличительная особенность буддизма в Бурятии, как тесная взаимосвязь живой традиции буддизма и академической буддологии. Докладчики дали также представление об основных академических достижениях и перспективах синологического и тибетологического направлений буддологии в ИМБТ СО РАН – переводах и философских исследованиях канонических текстов и классических комментариев к ним.

Помимо пленарного заседания работало пять панелей. На первой панели обсуждались вопросы буддийской философии, взаимодействия буддизма и науки, проблемы компаративистики. На второй панели рассматривались аспекты, связанные с трансформацией буддизма в ареалах его распространения. Обсуждалось взаимодействие буддизма с традиционными культурами Китая, Тибета, Монголии, Бурятии. Третья панель была посвящена обсуждению докладов, касающихся истории, философии, этического учения буддизма стран Центральной и Восточной Азии. Центральной идеей четвертой панели, объединяющей все доклады, стало возвращение буддийской религии в социокультурные процессы и практики постсоветского пространства. И, наконец, пятая панель затрагивала проблемы буддизма в России, его место и роль в совре-

менных общественно-политических и социокультурных процессах.

На конференции были приняты решения:

1. Активизировать научные контакты исследовательских центров США, Европы, Индии, Китая, Монголии и России (обмен научной информацией, совместные публикации).

2. Расширить практику стажировок российских молодых специалистов в ведущих монгольских и тибетских университетах и монастырях.

3. Продолжить и всемерно укреплять связь живой традиции буддизма с буддологической наукой.

4. Обратит внимание на проблему взаимодействия буддизма с другими конфессиями на институциональном и социокультурном уровнях.

5. Стимулировать переводческую деятельность и философские исследования канонических индийских, тибетских, китайских, старописьменных монгольских и бурятских текстов, а также буддийских традиций Индии, Китая, Тибета, Монголии, России в их сравнительном освещении.

6. Особое внимание уделить переводам тибетского буддийского канона Кангьюр (Ганжур) и Тэнгьюр (Данжур) на русский язык. Продолжить изучение и исследование памятников на тибетском и классическом монгольском языках для воссоздания реальной картины укоренения тибетского буддизма в этнической Бурятии.

7. Конференцию «Буддизм в изменяющемся мире» проводить ежегодно. Последующие конференции провести в Элисте и Туве, создать постоянно действующий оргкомитет конференции, включающий представителей Москвы, Улан-Удэ, Элисты и Кызыла.

8. Опубликовать доклады конференции на английском и русском языках в российской и зарубежной печати.

Л.Е. Янгутов, зав. отделом философии, культурологии ИМБТ СО РАН,
доктор философских наук, профессор
И.С. Урбанаева, главный научный сотрудник ИМБТ СО РАН,
доктор философских наук

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

<i>Ковтун Н.М.</i> Индивид, особа, личность как субъекты волевой регуляции социальной активности.....	3
<i>Медведева Т.А.</i> Дискурс «иноного» разума в современной философии.....	8
<i>Бальчиндоржиева О.Б.</i> Категория «искренность» в китайской философии и ее место в концепции развития Китайской Народной Республики.....	14
<i>Орбодоева М.В.</i> Трансформация буддизма в Китае в период эпох Вэй и Цзинь.....	17
<i>Барлукова О.Д.</i> Китайская интеллигенция: в поисках идентичности.....	22
<i>Халтаева О.Р.</i> О роли религиозных культов в формировании государственного управления в Китае (XVI–XI вв. до н.э.).....	24
<i>Соколов С.М.</i> Этнологическая концепция евразийства.....	28
<i>Беляев А.Е.</i> Политическое своеобразие самодержавия в публицистике И.Л. Солоневича и русских консерваторов конца XIX – первой половины XX в.	31
<i>Найденов М.С.</i> Взаимодействие светского и религиозного образования в современных условиях.....	36

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Власова С.А.</i> К вопросу о типологии и механизмах социального взаимодействия.....	41
<i>Чукреев П.А.</i> Безработные женщины как наиболее уязвимая маргинальная группа населения: положение и меры социальной поддержки.....	45
<i>Ильиных С.А.</i> Типология семейного сознания студенческой молодежи: опыт социологического анализа	50
<i>Чукреева Л.Н.</i> Культура семейных отношений в молодой семье.....	57
<i>Саргаев А.В.</i> Оптимизация процессов социально-культурной и правовой адаптации иностранных граждан в Российской Федерации.....	62
<i>Степанова Б.Б.</i> Сравнительный анализ причин учебной миграции иностранных студентов в вузы России	67
<i>Корпусова О.Ю.</i> Функционирование общественных объединений Бурятии в современных условиях (результаты социологического исследования).....	71
<i>Латыпова К.С.</i> Причины и условия девиантного поведения водителей автотранспортных средств на дорогах России.....	75
<i>Галсанова И.Б.</i> Трансформация духовных ценностей бурятского этноса на фоне глобализации.....	79

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Очирова В.М.</i> Современное развитие полиэтнических регионов России: взгляды политических элит.....	84
<i>Бурдуковская М.М., Бадмаева М.В.</i> Гражданин и общество: новые условия диалога.....	91
<i>Мункожаргалов Д.А.</i> Роль этнической толерантности в межнациональных отношениях.....	95
<i>Гунзынов Ж.П.</i> Теория полей П. Бурдьё и модель взаимодействия власти и государственных печатных СМИ в Республике Бурятия.....	98
<i>Гунзынов Ж.П.</i> Государственные региональные печатные СМИ: проблемы определения типа (на примере Республики Бурятия).....	101

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Осинский И.И.</i> Особенности развития российской культуры в современных условиях.....	104
<i>Тартыгашиева Г.В., Цыбиков Т.Г.</i> Опыт независимой оценки качества услуг, предоставляемых региональными учреждениями культуры в Республике Бурятия.....	108
<i>Абаева Л.Л.</i> Семантика круга и традиционное мировоззрение народов Центральной Азии в контексте буддийской религиозной культуры.....	114
<i>Аякова Ж.А.</i> Об «американизации» буддизма.....	119
<i>Банзаракцаева Е.Ю.</i> Буддизм в социокультурной реальности Древнего Китая (по материалам трактата Моу Цзы «Лихолунь»).....	123
<i>Дударь О.П.</i> Синестезия как эстетический феномен.....	128
<i>Скрипачева И.А., Девяткина Г.Н.</i> Развитие певческого искусства в контексте богослужебного пения в дореволюционной России.....	133

ИНФОРМАЦИЯ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

<i>Янгутов Л.Е., Урбанаева И.С.</i> О научной конференции «Буддизм в изменяющемся мире».....	138
--	-----

CONTENTS

PHILOSOPHY

<i>Kovtun N.M.</i> Individual, person, personality as subjects of social activity will regulation.....	3
<i>Medvedeva T.A.</i> Discourse of «another» mind in modern philosophy.....	8
<i>Balchindorzhieva O.B.</i> The category of «sincerity» in the Chinese philosophy and its place in the development concept of the People's Republic of China.....	14
<i>Orbodoeva M.V.</i> Transformation of Buddhism in China during the Wei and Jin periods.....	17
<i>Barlukova O.D.</i> Chinese intelligentsia: in search of identity.....	22
<i>Khaltaeva O.R.</i> On the role of religious cult in the formation of public administration in China (XVI–XI cent. b.c.)...	24
<i>Sokolov S.M.</i> Ethnological conception of Eurasianism.....	28
<i>Belyaev A.E.</i> Political specificity of autocracy in journalism of I.L. Solonevich and Russian conservatives of the late XIX – first half of XX centuries.....	31
<i>Naydenov M.S.</i> Interaction of secular and religious education in modern conditions.....	36

SOCIOLOGY

<i>Vlasova S.A.</i> On the problem of typology and the mechanisms of social interaction.....	41
<i>Chukreev P.A.</i> Unemployed women as the most vulnerable marginalized population group: status and social support measures.....	45
<i>Ilinykh S.A.</i> Typology of family consciousness at students youth: the experience of sociological analysis.....	50
<i>Chukreeva L.N.</i> Culture of family relations in a young family.....	57
<i>Sargaev A.V.</i> Optimization of processes of socio-cultural and legal adaptation of foreign citizens in the Russian Federation.....	62
<i>Stepanova B.B.</i> Comparative analysis of the causes of foreign students' educational migration in Russian universities.....	67
<i>Korpusova O.Yu.</i> Functioning of public associations of the Republic of Buryatia in modern conditions (results of sociological research).....	71
<i>Latypova K.S.</i> Causes and conditions of deviant behavior of vehicles drivers on the roads of Russia.....	75
<i>Galsanova I.B.</i> The transformation of the spiritual values of the Buryat ethnos in the time of globalization.....	79

POLITICAL SCIENCE

<i>Ochirova V.M.</i> Modern development of polyethnic regions of Russia: views of political elite.....	84
<i>Burdukovskaya M.M., Badmaeva M.V.</i> Citizen and society: new conditions for a dialogue.....	91
<i>Munkozhargalov D.A.</i> Role of ethnic tolerance in interethnic relations.....	95
<i>Gunzynov Zh.P.</i> P. Bourdieu field theory and a model of interaction between government and state-owned print media in the republic of Buryatia.....	98
<i>Gunzynov Zh.P.</i> State regional print media: the issues of type determination (on the example of the Republic of Buryatia).....	101

CULTURAL STUDIES

<i>Osinsky I.I.</i> Features of the development of Russian culture in modern conditions.....	104
<i>Tartygasheva G.V., Tsybikov T.G.</i> Experience of independent evaluation of services quality provided by regional cultural institutions in the Republic of Buryatia.....	108
<i>Abaeva L.L.</i> Semantics of circle and traditional worldview of the peoples of Central Asia in context of the Buddhist religious culture.....	114
<i>Ayakova Zh.A.</i> On «Americanization» of Buddhism.....	119
<i>Banzaraktsaeva E.Yu.</i> Buddhism in sociocultural reality of Ancient China (based on Mou Zi treatise «Lihulun»).....	123
<i>Dudar O.P.</i> Synesthesia as an aesthetic phenomenon.....	128
<i>Skripacheva I.A., Devyatkina G.N.</i> Development of singing in the context of liturgical singing in prerevolutionary Russia.....	133

INFORMATION, EVENTS, PEOPLE

<i>Yangutov L.E., Urbanaeva I.S.</i> About scientific conference «Buddhism in a changing world».....	138
--	-----

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

Вестник БГУ включен в подписной каталог Роспечати за № 18534 и Перечень изданий Российской Федерации, где должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

На основании постановления заседания Ученого совета БГУ за № 10 от 28 мая 2009 г. в «Вестнике БГУ» в 2014 г. публикуются статьи по следующим направлениям:

1. Педагогика (январь)

гл. ред. Дагбаева Нина Жамсуевна – тел. 21-04-11; 44-23-95

эл. адрес: vestnik_pedagog@bsu.ru

2. Экономика. Право (февраль)

гл. ред. Атанов Николай Иванович – тел. 21-37-44

эл. адрес: feu-bsu@mail.ru

3. Химия, физика (март)

гл. ред. Хахинов Вячеслав Викторович – тел. 43-42-58

эл. адрес: khakhinov@mail.ru

4. Биология, география (март)

гл. ред. Доржиев Цыдып Заятуевич – тел. 21-03-48

эл. адрес: vestnik_biology@bsu.ru

5. Психология, социальная работа (апрель)

гл. ред. Базарова Татьяна Содномовна – тел. 21-26-49

эл. адрес: decspf@mail.ru

6. Философия, социология, политология, культурология (апрель)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

7. История (май)

гл. ред. Митупов Константин Батомункич – тел. 21-64-47

эл. адрес: vestnik_history@bsu.ru

8. Востоковедение (май)

гл. ред. Бураев Дмитрий Игнатьевич – тел. 44-25-22

эл. адрес: railia@mail.ru

9. Математика, информатика (июнь)

гл. ред. Булдаев Александр Сергеевич – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_bsu_math@rambler.ru

10. Филология (сентябрь)

гл. ред. Имихелова Светлана Степановна – тел. 21-05-91

эл. адрес: 223015@mail.ru; map1955@mail.ru

11. Романо-германская филология (сентябрь)

гл. ред. Ковалева Лариса Петровна – тел. 21-17-98

эл. адрес: klp@bsu.ru, khida@mail.ru

12. Медицина, фармацевтика (октябрь)

гл. ред. Хитрихеев Владимир Евгеньевич – тел. 44-82-55

эл. адрес: vestnik_medicine@bsu.ru

13. Физкультура и спорт (октябрь)

гл. ред. Гаськов Алексей Владимирович – тел. 21-69-89

эл. адрес: gaskov@bsu.ru

14. Философия, социология, политология, культурология (ноябрь)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

15. Теория и методика обучения (декабрь)

гл. ред. Очилов Михаил Надмитович – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_method@bsu.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в «Вестник БГУ»

Отбор и редактирование публикуемых статей производятся редакционной коллегией из ведущих ученых и приглашенных специалистов.

В «Вестник БГУ» следует направлять статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны и значимостью. Каждая статья имеет УДК, а также письменный развернутый отзыв (рецензию) научного руководителя или научного консультанта, заверенный печатью.

Автор статьи обязан заключить лицензионный договор о предоставлении неисключительных прав на использование созданного им произведения (статьи) ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет». Образец лицензионного договора представлен на сайте БГУ.

Общие требования	Тексты представляются в электронном и печатном виде. Файл со статьей может быть на дискете или отправлен электронным письмом. На последней странице – подпись автора(ов) статьи. Название статьи и аннотация даются и на английском языке. После аннотации дать ключевые слова на русском и английском языках.
Электронная копия	Текстовый редактор Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97). В имени файла указывается фамилия автора.
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое – 15 мм, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.
Форматирование основного текста	С нумерацией страниц. Абзацный отступ – 5 мм. Интервал – полуторный.
Гарнитура шрифта	Times New Roman. Обычный размер кегля – 14 пт. Список литературы и аннотация – 12 пт.
Объем статьи (ориентировочно)	Кратких сообщений – до 3 с., статей на соискание ученой степени кандидата наук – 7–12 с., на соискание ученой степени доктора наук – 8–16 с.
Сведения об авторах	Указываются фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность и место работы, адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы, e-mail (на русском и английском языках)

- Список литературы – все работы необходимо пронумеровать, в тексте ссылки на литературу оформлять в квадратных скобках.

- Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются. Все статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат. ВУЗ».

- Решение о публикации статьи принимается редакцией «Вестника БГУ». Корректурa авторам не высылаeтся, присланные материалы не возвращаются.

- Статьи принимаются в течение учебного года.

- Допустима публикация статей на английском языке, сведения об авторах, название и аннотацию которых необходимо перевести на русский язык.

- Формат журнала 60x84 1/8.

- Статья должна содержать минимум таблиц, формул, рисунков и графиков. Их присутствие допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно или нецелесообразно. Желательно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. Все формулы должны быть созданы с использованием компонента Microsoft Equation или в виде четких картинок. Символы можно вставлять с помощью операции в Word (Вставка – Символ). Диаграммы располагаются в тексте с использованием программы Microsoft Excel (Вставка – Объект – Создание – Диаграмма Microsoft Excel). Рисунки и графики должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме, лучше применять штриховку (Формат автофигуры – Цвета и линии – Цвет – Способы заливки – Узор). Схемы создаются с помощью панели инструментов Рисование. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi. Диаграммы, формулы, рисунки, графики должны прилагаться отдельными файлами, чтобы издательство имело возможность ввести в них правки.

Стоимость обработки 1 с. (формата А4) для преподавателей БГУ составляет 200 р., для остальных – 400 р. Для аспирантов – бесплатно.

Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, Издательство БГУ.

Факс (301-2)-21-05-88

Оплата производится при получении счета от бухгалтерии БГУ.